ПОЛ ПЕН

WORLD SENSATION ★★★ МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ ★★★

ОГОНЬКИ СВЕТЛЯЧКОВ

ТЕ, КТО ЛЮБЯТ РОМАНЫ В ДУХЕ СТИВЕНА КИНГА, ПОЛНЫЕ НЕДОСКАЗАННОСТИ, СТРАХА ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА, НАЙДУТ ТО, ЧТО ИСКАЛИ.

Amazon.com

Огоньки светлячков

Пол Пен

Аннотация
Пол Пен. Огоньки светлячков
Шестью годами ранее
Настоящее время
Одиннадцатью годами ранее
Настоящее время
Пятнадцать лет спустя

Аннотация

Удивительная завораживающая и драматическая история одной семьи: бабушки, матери, отца, взрослой дочери, старшего сына и маленького мальчика. Все эти люди живут в подвале, лица взрослых изуродованы огнем при пожаре. А дочь и вовсе носит маску, чтобы скрыть черты, способные вызывать ужас даже у родных. Запертая в подвале семья вроде бы по-своему счастлива, но жизнь их отравляет тайна, которую взрослые хранят уже много лет. Постепенно у мальчика пробуждается желание выбраться из подвала, увидеть жизнь снаружи, тот огромный мир, где живут светлячки, о которых он знает из книг. Ему даже удается приоткрыть завесу тайны. Но в жизни часто бывает, что кажущееся одним, на самом деле оказывается совсем другим…

Пол Пен
Огоньки светлячков

Paul Pen
El Brillo de las Luciernagas

© Paul Pen, 2018 Translation rights arranged by DOS PASSOS Agencia Literaria

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2018

* * *

Посвящается моему отцу, подарившему мне первую книгу о насекомых, и маме, сделавшей из свадебной фаты мой первый сачок для бабочек

Шестью годами ранее

1

Однажды вечером я задал отцу вопрос. Наша семья к тому времени уже пять лет жила в подвале. Пять лет прошло со дня пожара. Для меня это был не срок, я родился сразу после того, как мы пришли сюда.

— Почему мы не можем выйти?

Отец поправил отрывной календарь на стене и сел за стол, за единственный и очень большой стол, расположившийся в самом центре пространства, служившего нам гостиной, кухней и столовой.

— А почему ты хочешь выйти? — ответил он вопросом. — Вся твоя семья здесь.

Мама так низко склонила голову, что подбородок уперся в грудь. Кажется, она даже закрыла глаза. В помещении, освещенном лишь несколькими голыми луковичками ламп, свисавших с потолка, всегда царил полумрак. Порой их стеклянные тела казались мне жертвами самоубийства, оставшимися болтаться на веревках-кабелях.

— Подойди, сынок. — Отец отодвинулся на стуле и призывно похлопал по коленям.

Волоча ноги, я подошел к нему. Исходивший от пола холод пробирался к телу сквозь дыры на пятках. Тогда я еще носил штанишки, похожие на колготки. Отец легко подхватил меня и усадил на колени. Я сразу прижал ладони к его лицу, как часто делал в первые дни жизни в подвале. Почему-то мне очень нравилось прикасаться к обожженной коже. Шрамы и рубцы на щеке отца от левого глаза до уголка рта казались мне, ребенку, загадочными и притягательными.

— Прекрати, — осадил отец, опуская мою руку. — Лучше оглядись. Это твоя семья. — Мама, брат и бабушка сразу повернулись ко мне. Только сестра смотрела куда-то в сторону. — И та, кто на тебя не смотрит, тоже часть этой семьи. — Голова повернулась на шее, и на меня уставились глаза в прорезях белой маски. — Видишь их? — продолжал папа. — Они, ты и я — все, что нам нужно. Там, наверху, нет ничего стоящего. Помнишь, мама случайно плеснула на тебя раскаленное масло, когда стряпала?

Это случилось несколькими неделями ранее, мама тогда готовила завтрак. Тьма подвала и плясавшие на стенах тени искажали реальность,

некоторые простые задачи становились трудновыполнимыми. Я прополз между маминими ногами, она пошатнулась и обрызгала меня шипящим маслом. На самом деле я был сам виноват.

— Помнишь, как болел волдырь? Вот здесь. Помнишь? — спросил отец, отодвигая рукав пижамы, и ткнул точно в то место, где находился заживший волдырь. Теперь от него не осталось и следа. — Ох, ты весь в слюнях. Когда же ты перестанешь сосать пальцы? — Чуть шевельнув головой, он мельком глянул на маму. — Помнишь, как болел этот водяной пузырь? — Взгляд опять сфокусировался на моей руке. — Так вот, мир наверху создан из таких пузырей. Только они намного больше того, что был у тебя.

Он с такой силой сжал мою руку, что на секунду прежняя боль от волдыря вернулась.

— Там, наверху, эти пузыри в сотни раз больше. Ты не выдержишь боли. — Пальцы сдавили руку. — Боль накинется на тебя, стоит только ступить на поверхность.

Я открыл рот, но ничего не сказал. Боль сжала горло, теперь она была страшнее той, вызванной волдырем, следом появилась новая, в запястье, которое отец по неосторожности едва не сломал.

Помню, как я сдавленно вскрикнул, как щеки стали горячими и влажными.

— Прошу тебя, хватит. — Голос, чуть громче шепота, принадлежал маме. Папа меня отпустил, но боль еще некоторое время давала о себе знать.

— Теперь ты понял, что не хочешь покидать свой дом? Если ты это едва стерпел, что же будет наверху? — Отец погладил меня по руке и поцеловал запястье, все в красных пятнах следов от его пальцев. — Вот так, мой храбрый солдат, все хорошо. Папа не хочет причинять тебе боль, он хочет, чтобы ты понял. Пойми, это лучшее место из всех, где мы можем быть. Лучшее на всей Земле. Хочешь потрогать мое лицо?

Он положил мою ладонь на шрамы и позволил несколько раз провести по ним. Он знал, как мне это нравится. Я даже смог успокоиться. Обычно я немного дольше задерживался там, где начиналась жесткая щетина, отраставшая в труднодоступных местах, — папе не удавалось ее сбрить. Получился колючий шрам. Мне нравилось водить по нему пальцами.

— Хотя, — произнес отец и тряхнул головой, сбрасывая мою руку, — кто сказал, что тебе нельзя подняться наверх?

Бабушка резко дернулась, и руки ее исчезли со

стола. Я видел, как они скрылись где-то внизу. Неуловимо изменились позы и остальных моих родственников. Плечи расправились, спины выпрямились. Правда, мама так и не подняла головы.

— Дверь там, — продолжал отец, сделав широкий жест. Другой рукой он повернул мою голову, заставляя посмотреть. — Всего в нескольких шагах. Она не заперта. Всегда открыта. Разве кто-то сказал тебе иное?

В полной тишине отец оглядел всех сидящих за столом.

— Может, мать? Брат или сестра? Она? — Он ткнул подбородком в сестру. — Она слишком много болтает. Не думаю, что это твоя бабушка. Ей-то известно, что дверь всегда открыта.

Папа взял меня под мышки и опустил на пол. Камень вновь стал холодить ноги.

— Вперед. — Отец легко шлепнул меня по попе. — Иди к двери и посмотри сам.

Я хотел повернуться к маме, но отец держал мою голову так, чтобы я мог видеть только дверь.

— Давай иди, если хочешь. — Следующий шлепок был более ощутимым, и я невольно сделал шаг вперед. — Открывай дверь и ступай. Ты же

этого хочешь, верно? Так действуй. О нас не думай, забудь. Мы останемся здесь.

За спиной скрипнул, отодвигаясь, тяжелый стул, видно, кто-то решил встать. Но так и не поднялся. Я осторожно сделал еще шажок. В подвале всегда пахло морковью, и я обожал этот запах. Так пахла ночь. О том, что ее сменил день, я узнавал благодаря блеклому лучу света, бежавшему от одной щели в полу или потолке к другой. Аромат моркови появлялся всякий раз, когда исчезал луч. Если я выйду на поверхность, то больше никогда не поем маминого морковного супа. Я замер, останавливаемый глубоким чувством невосполнимой потери. Сердце сжалось от желания вернуться на колени к папе и погладить шершавый шрам.

— Ты еще здесь? — раздался его голос. — Что же ты? Ступай к двери. Открывай и беги. Уходи из подвала, раз тебе так любопытно узнать, что там, наверху.

Я зашагал к двери, не останавливаясь. Никогда в жизни я не был к ней так близко. Наличие двери теряет смысл, если ею никогда не пользоваться. Она становится частью стены. Встав напротив, я принялся сосать палец. И даже весь вспотел. Потом я повернулся и оглядел всех, сидящих за

столом. Мама подняла голову и посмотрела на меня. Глаза ее блестели. Отец развернул стул обратно к столу и сидел, разведя ноги. Подняв руку, он помахал мне, прощаясь. По моей руке пробежала дрожь, сверху вниз от предплечья. Вытащив палец изо рта, я потянулся к дверной ручке, угрожающе зависшей в нескольких дюймах над моей головой. Первый раз она выскользнула из мокрой ладони. Я вытер пальцы о штанину и задержал дыхание, чтобы не чувствовать, как пахнет мамин морковный суп, а запах этот уже пробирался в мой желудок.

Собравшись с духом, я попытался еще.

На этот раз ручка поддалась.

Настоящее время

2

В подвале было два окна. Одно в конце коридора, второе в кухне. По ту сторону были решетки и стена. Когда мне было десять лет, я мог, приложив усилие, огромное, до боли в плече, просунуть руку между двумя решетками и средним пальцем дотронуться до стены. Опять же бетонной. Из обоих окон было видно одно и то же, такое впечатление, что подвал был коробкой внутри коробки побольше. Однажды я взял зеркало из ванной и просунул сквозь решетку, поместив между ней и стеной напротив. В нем отразилась лишь чернота. Темный потолок над головой. Коробка внутри коробки. Иногда я прижимался лицом к решеткам и вглядывался в темноту, ставшую для меня внешним миром. Мне нравилось так делать, потому что дуновение ветра ласкало кожу. Этот воздух был совсем не таким, как в подвале.

— Не слышишь, как орет твоя сестра? — спросил отец в тот день, когда родился младенец. — Ты нужен нам в кухне. И закрой окно. Немедленно.

Папа открыл дверь своей комнаты ключом,

который всегда висел у него на шее, и сразу же закрыл передо мной. Глаза были сухими, и мне пришлось несколько раз моргнуть. Сухими сделал их ветер. Потом я услышал крик сестры. Видимо, я был слишком поглощен ветром, раз не услышал такие крики. Они вырывались, кажется, не из ее горла, а из самого живота, откуда-то из глубины тела. Дверь опять приоткрылась, и отец потащил меня по коридору в общую комнату.

— Встань там, — велел отец. — Держи ногу.

Сестра лежала на столе и была одета лишь до талии. Под ней лежала простыня с ее кровати. Мама стояла у ее головы и держала за руку. Сестра смотрела вниз, на свою промежность, лицо ее было белой маской и не выражало никаких эмоций. Три отверстия на белом фоне — два глаза и рот. Брат, цеплявшийся за вторую ее ногу, тоже пытался разглядеть, что творится в ее промежности. Бабушка вскипятила воду в двух больших кастрюлях. Она задержала руку над плитой, чтобы понять, насколько она горячая.

Отец подошел к ней и протянул два полотенца.

— Думаешь, этого хватит?

Без слов бабушка вырвала их из его рук и бросила одно в кастрюлю что побольше.

Отец так и остался стоять, опустив голову и с поднятой рукой, будто ничего не заметил.

— Иди сюда, — наконец сказал он мне. — Держи ее за ногу.

Я схватил колено сестры и прижался к нему лбом, чтобы ничего не видеть. Я не смел поднять глаз. Сестра опять закричала. Отец покосился на окно и вытер ладони о брюки, словно они вспотели.

— Сынок, а второе ты оставил?..

Не договорив, он выбежал в коридор. Сестра заорала еще громче. На этот раз она даже не открыла рта. Звуки просачивались между зубами, мне на руки попадали брызги слюны.

— Дыши, — сказала мама, продолжая сжимать кулак дочери. Она склонилась к выступающему сбоку от маски уху и начала показывать, как это делать правильно, как дышат, когда долго едут на велосипеде. — Дыши, моя девочка… Не волнуйся… просто дыши, как я.

Сестра попробовала подражать ей, внезапно ее колено выскользнуло из моих рук. Я отступил, чтобы она не ударила меня по лицу. Она бешено брыкалась и лупила по столу пяткой. Ей удалось оттолкнуть брата, упереться ногой в стол и изогнуться так, что бугорок между ног был теперь

обращен к потолку, а не к стене, как прежде. Словно обессилев, она упала на стол. Копчик ударился о дерево, издав звук, похожий на удар молотка. Между ног что-то захлюпало.

— Я не могу дышать в этой маске! — выкрикнула сестра. Слова были полны ярости и боли, они мешали ей даже говорить. — Уберите эту дрянь!

Она корчилась и била по столу ногами. Мы с братом попытались ухватить их, и я заметил, что простыня пропитывается чем-то склизким и зловонным, отчего меня сильно затошнило. Мама стиснула руки и закричала, страдальчески открыв рот, когда увидела, что сестра пытается стянуть маску. Ей удалось схватить ее за твердый нос и оторвать от лица.

Отец сжал запястье сестры и отвел ее руку. Растопырив пальцы, она истово тянулась к белому пластмассовому носу. Отец удерживал ее с большим трудом, даже костяшки побелели. Она снова закричала так пронзительно, что ушам стало больно. Отец отбросил безвольную руку сестры, словно та была чем-то отвратительным. Она упала на стол, ударившись локтевой костью.

— Прекрати вести себя так глупо. Твоя мать тоже здесь рожала. — Папа покосился на меня. — И не наделала столько шума. Ты уже не малень-

кая девочка. В твоем возрасте у мамы было двое детей.

— Мне было даже меньше, — вмешалась мама. — Двадцать шесть.

Сестра перестала дергать ногами, и мы с братом снова крепко в них вцепились.

Отец оглядел сестру с ног до головы, улыбнулся и спросил:

— Больно?

Брат издал гортанное бульканье, что было одним из любимых вариантов его смеха. Папа отвлекся на него и не заметил легкого движения — рука сестры медленно поползла вверх. На этот раз ей удалось дотянуться до лица и накрыть рукой маску. Услышав скрип протезного пластика, отец спохватился и повернулся. Зная, что времени остановить ее недостаточно, он бросился ко мне и прижал лицом к своему животу, лишая возможности что-либо видеть, а потом боком вытолкал в коридор. Мы вошли в мою комнату, и отец усадил меня на нижнюю койку двухъярусной кровати.

— Тебе повезло, — сказал папа и выкрикнул в открытую дверь, обращаясь к сестре: — Давай снимай, если хочешь, чтобы твой новорожденный ребенок сразу увидел изуродованное лицо

матери! — Потом он повернулся ко мне и закрыл мои глаза большими пальцами рук. — Мне решать, что увидит мой сын.

Свет не проникал сквозь закрытые веки, но лучик плясал, мелькая на фоне тьмы в моей голове.

Лежа лицом вниз на полу в общей комнате, я попытался перевернуться так, чтобы дотянуться до солнечного пятнышка. Сквозь щель в потолке удалось пробиться сразу нескольким лучикам, но они образовали пятно на полу не больше монеты. Оно появлялось каждый день и двигалось быстро от одной стены к другой.

— Интересно, откуда этот свет? — Я сжал пальцы, ухватив лишь воздух.

— Спроси своего отца, — равнодушно ответила мама.

На руке она держала младенца и мыла его в наполненной водой раковине. Сестра осталась одна в своей комнате, когда мама вышла оттуда, неся коробку для вязания.

Стоя у стола, брат собирал мокрые полотенца, простыню и складывал в кучу. Высунув язык от усердия, он попытался соединить края одного из них ровно, что оказалось задачей для его рук невыполнимой, и он с рычанием отбросил поло-

тенце на пол и скрестил руки на груди.

Я накрывал ладонью пятнышко света, а потом убирал руку и подставлял ее под лучик, словно под струю воды, от которой не становилось мокро. В его свете кожа казалась белее и прозрачнее, чем виделась обычно. Я даже мог разглядеть голубые с фиолетовым линии сосудов.

— А из чего сделано солнце?

Я услышал, как мама в кухне глубоко вздохнула. Когда она так делала, из ноздри, сильно пострадавшей от огня, вырывался странный свистящий звук. Мама обернулась, посмотрела на меня и сказала:

— Это твой племянник.

Ребенок заплакал. Ладонь моя даже не успела нагреться, когда луч исчез, а вместе с ним и подсвеченная полоса пыли в воздухе. Вылетел, как бабочка из пальцев незадачливого ловца. Оттолкнувшись руками от пола, будто собирался делать отжимания, я встал и подошел к маме. Она улыбнулась, обожженная щека дернулась, и левый глаз, как всегда, закрылся. На вытянутых руках она показала мне ребенка.

— Я ведь не уроню его, правда?

Мама перевела взгляд на моего брата, следившего за нами из-за стола.

— Думаю, нет. Протяни руки.

Я послушно сделал, как она велела. Младенец, завернутый в сухое полотенце, поджимал и вытягивал губки. Ноздри крошечного носика расширялись всякий раз, когда он вдыхал новый воздух подвала, ставшего его миром. Глаза были плотно закрыты. Руки мои непроизвольно задрожали под весом тельца.

— Я ведь не уроню его, правда? — нервно повторил я.

Поддерживая одной рукой ребенка, мама согнула другой мою руку в локте, чтобы получился прямой угол. Я застыл в оцепенении в новом положении, как палочник, имитирующий веточку. Мама стала умело перекладывать младенца, устроила на моих ладонях и опустила, как в колыбель, на согнутую руку.

— Не хочу случайно уронить его, — твердил я.

На мгновение мама застыла в нерешительности. И все же передала мне ребенка. Брат презрительно фыркнул.

Составленные стопкой тарелки на тумбе подскакивали и дребезжали всякий раз, когда он делал шаг. Наконец он встал у меня за спиной. Я сразу ощутил, как стало теплее от близости его тела. Брат стал подталкивать ребенка обратно

маме. Не хотел, чтобы я его держал.

Перезвон тарелок повторился, когда он вернулся к столу, поднял кучу тряпок и скрылся в коридоре. Мамина ноздря вновь странно засвистела.

Утром следующего дня после рождения малыша я проснулся раньше обычного. Я сразу это понял, потому что услышал храп брата с верхней койки, хотя меня всегда будили звуки с кухни, где мама готовила завтрак. Я лежал и смотрел в темноту. Что-то царапало стену с другой стороны. В подвале водились крысы.

Между всхрапами брата издалека доносилось хныканье младенца.

Я тихо открыл дверь нашей спальни. Отец не любил, когда мы бесцельно бродили по подвалу. Просунув голову в щель, я оглядел общую комнату. Пятно света было уже на полу, но гораздо дальше привычного места. Должно быть, еще действительно очень рано.

В другом конце коридора опять захныкал ребенок. Отец поставил его кроватку в спальню, которую делили бабушка с сестрой. Я ждал, что кто-то из них проснется и устранит причину беспокойства малыша, но не услышал никакого шевеления. Ребенок хныкал все громче.

Я вошел в комнату и приблизился к кроватке. Помню, как в подвале появилась стопка досок, которую папа превратил с помощью набора инструментов в конструкцию, в которой сейчас лежал ребенок. Глаза его были открыты. Младенец заплакал. Бабушка рядом громко захрапела. Я повернулся к другой кровати и разглядел в темноте очертания белой маски сестры, не разобрав, однако, лежит ли она на лице или в складках простыни.

Бабушка пошевелилась и задышала ровно и тихо. Я склонился над ребенком и погладил по животику. Малыш сразу закрыл глаза.

Поразмыслив несколько секунд, я взял его на руки, прижал к груди, а головку положил на согнутый локоть, как показывала мама. Затем я вышел и отправился в общую комнату. Там я устроился на полу рядом с пятнышком света и скрестил ноги. Ребенок тихо лежал на моих руках. Подавшись вперед, я подставил его личико под лучик света, и оно сразу засветилось.

— Это солнце, — объяснил я малышу.

Мы сидели так несколько минут, пока не раздался крик проснувшейся сестры.

3

— Никто не украл твоего ребенка, — сказал отец, когда мы все вместе завтракали.

Сестра фыркнула под маской, открывавшей глаза в прорезях. Взгляд был направлен в сторону и вниз, в пол. Яйца, которые жарила мама, шипели, выливаясь в раскаленное масло. Я подумал, что они страдали так же, как мы когда-то при пожаре. Они тоже кричали.

— Это я утром взял ребенка, — признался я. — Проснулся рано и хотел показать ему… — Я заметил на поверхности стола солнечный кружок и замолчал.

— С каких это пор тебе позволено так рано выходить из своей комнаты? — вмешался отец. — Ты представляешь, как напугал бабушку и мать, когда они услышали крики сестры? — Отец ткнул в меня пальцем. — Она решила, что ее ребенка украли.

Мне было стыдно, и я молчал. Брат боролся с рвущимся наружу смехом, но тот все равно вырвался через нос.

Сковорода с шумом опустилась в раковину, и появилась мама с большим блюдом жареных яиц. Она говорила, что их надо держать на плите, пока

вокруг белого круга не появится черная кайма.

Потому в такие минуты в кухне всегда пахло горелым. Свободной рукой мама разгладила скатерть. Несколько капель горячего масла упали с тарелки на ее пальцы, рядом со старыми шрамами. Я пересчитал семь ярких, оранжевых желтков.

— Я кричала совсем не поэтому, — заявила сестра. — Кто может его украсть?

— Человек-сверчок! — сказал я.

— Помолчи, — велел отец.

— Кто может его украсть? — повторила сестра и вздохнула, издав булькающий звук. — Тот, Кто Выше Всех? — Она повернулась к отцу и добавила: — Я кричала, потому что не могла проснуться.

В комнате заплакал ребенок.

— Видите? — продолжала сестра, по-прежнему не отрывая глаз от пола. — Он здесь. А я не могла проснуться.

Стул под братом едва не упал, отскочив назад, когда он резко встал и подошел к сестре. Его поспешные шаги вызвали небольшой шторм в моей чашке с молоком. Отец вытянул руку, создавая на его пути высокий барьер.

— Не надо, — сказал он, и брат засопел.

— Что это значит? — обратился отец к сестре.

Она тоже засопела и не ответила. Рука отца рванула вперед, к ее лицу, и подняла голову за подбородок. Глаза сестры смотрели на меня. Теперь я их видел. В прорезях застывшей маски.

— Кошмар приснился, — ответила сестра.

Бабушка склонила голову набок, рука ее поползла по столу, пока не коснулась маминой руки. Потом она ее сжала.

— Надо было раньше обо всем думать, — отрезал отец и повернул голову сестры в сторону коридора. — Хочешь ты этого или нет, но там плачет твой сын.

Сестра шумно сглотнула. И без того распухшие вены на шее стали еще толще. Она застыла и не пошевелилась, пока отец не отпустил ее. Голова ее упала на грудь. Я не думал, что сестра что-то скажет, но она произнесла:

— Только мой?

— Довольно, — вмешалась бабушка.

Ладонь отца, двинувшись было опять к лицу сестры, зависла в воздухе между ними.

— Возьмемся за руки. — Бабушка раскинула руки в стороны.

Мама взяла ее за правую руку, сестра за левую. Остальные поступили так же с соседом. Когда мы образовали круг, бабушка вознесла хвалу:

— Благодарим Того, Кто Выше Всех, за позволение вкушать пищу ежедневно.

Она поцеловала распятие, висевшее на ее шее.

Мама убирала тарелки после завтрака. Из одной она вывалила еду в ведро для мусора, проследив, чтобы яйцо не растеклось, а соскользнуло аккуратно. Когда она встала у раковины, я решился подойти к ней.

— Если бы ты его не разбила, — я указал на открытую коробку с яйцами, — мог из него вылупиться цыпленок?

Мама опустила голову, поворачиваясь ко мне.

— Цыпленок?

Она улыбнулась, и левый глаз закрылся, хотя это ей не было нужно. Я обхватил ее за талию и прижался щекой к животу.

Папа рассмеялся, услышав мой вопрос. Он читал, теребя пальцами висевший на шее ключ. Отец отложил книгу, встал, взял яйцо из картонного гнезда и присел, опершись коленом в пол. Яйцо он держал на вытянутой руке тремя пальцами между моим лицом и своим.

— Отпусти мать. — Он оттащил меня в сторону и поднял мою руку, потянув к себе. — Давай посмотрим, что там внутри.

Он положил яйцо мне на ладонь и сжал мои

пальцы. Я был уверен, что слышал писк цыпленка, пытавшегося разбить скорлупу, что у него получится, преграда рухнет, и я увижу между пальцами желтый пушок. Отец взял мой кулак в свой и стал давить. Он был сильный, и яйцо, хрустнув, развалилось. Между нашими пальцами полилась липкая, густая жидкость. Отец стряхнул ее, брызнув мне в лицо.

— Ты же не хочешь, чтобы в нашем доме появился кто-то еще, — сказал папа. — И вообще, из этих яиц ничто не может вылупиться. Они не оплодотворены.

Он исчез в коридоре, шаркая по полу коричневыми тапками.

По моей ладони текла холодная слизь, потом яркий желток плюхнулся на пол. Я смотрел на него совершенно равнодушно. Мамин нос просвистел, и она опустилась на колени напротив. Я почувствовал прикосновение мокрой тряпки прежде, чем ее увидел. Не мог оторвать взгляд от скорлупы и смерти в липкой лужице у моих ног. Мама тщательно вытерла каждый мой палец. От запаха нашатыря я внезапно раскашлялся.

Мамины глаза стали влажными.

— Что случилось? — спросил я.

— Нашатырь, — ответила мама.

— Но я же не плачу.

Мама пожала плечами.

— Вспомнила кое-что, — сказала она.

— Из жизни наверху?

Она кивнула.

Я поцеловал ее искалеченную щеку.

— Не грусти, — сказал я. — В подвале намного лучше, чем там.

Нос коротко присвистнул, потом мама склонилась к самому моему уху.

— Место, где ты находишься, лучше любого другого, — прошептала она.

Шею защекотало, и я отступил назад.

Тряпка упала на пол, и мама принялась убирать останки цыпленка, который никогда не родится, а потом вернулась к посуде в раковине. Я стоял рядом и смотрел на мокрые разводы на полу, там, где мама прошлась тряпкой, до тех пор пока они не высохли.

Когда я шел к спальне, мама позвала меня по имени и попросила подойти. Она присела передо мной так же, как совсем недавно отец.

— Вот. — Она взяла меня за руку и разжала пальцы. — Положи его в тепло, тогда вылупится цыпленок.

— Но ведь папа сказал…

— Просто держи в тепле.

Я бросился в комнату, прижимая обеими руками яйцо к голому животу.

Брат сидел на своей койке, ноги его свисали в полутора ярдах от пола, пижамные штанины были заправлены в носки. Он мог сидеть так часами, покачивая головой и шевеля ногами и руками, будто шел по кукурузному полю, которого не было. Иногда брат насвистывал, но получалось у него плохо, потому что нижняя губа была рассечена пополам после пожара. Долгое время мама и отец не понимали, по какой причине он впадает в транс. Однажды днем, когда они пытались разговорить его или хотя бы заставить улыбнуться, в комнату вошла сестра. Она взяла с полки книгу. «Вы читали ее брату, когда он был маленький, — сказала она, показывая родителям обложку «Удивительный волшебник из страны Оз». — Вы и сами, наверное, уже не помните, это было еще наверху», — добавила она.

С той поры у нас появился, правда, единственный способ говорить с ним, когда он находился в другом мире.

— Эй, Страшила, ты ничего не видел, — сказал я. — И передай Железному Дровосеку и Льву, чтобы они тоже помалкивали.

Брат равнодушно глянул на яйцо в моих руках и продолжил насвистывать мелодию.

Я поднял с пола грязную футболку и завернул яйцо в нее — это было лучшее нечто, похожее на гнездо, которое я мог сотворить. Затем я убрал его в единственный ящик, который был моим личным, он был в тумбочке возле кровати, и ящиков там было два. К счастью, в нем оказалось достаточно места для моего кактуса, моих карандашей и моих книг про насекомых и шпионов, которые отец дарил мне в дни, когда мне пекли торт. Гнездо с яйцом я устроил рядом с баночкой, из которой торчали карандаши, потом сел напротив, скрестив ноги, и достал книгу «Как стать мальчиком-шпионом». Читать и писать меня учили мама и бабушка. Жизнь в подвале предоставляла много свободного времени. В книге было немало любопытных советов для детей, из нее я узнал, например, что лимонный сок можно использовать как невидимые чернила и писать секретные записки, который читаются только под лампой.

Когда я решил испробовать эту хитрость впервые, мама выжала мне лимонный сок, потом я попросил ее держать бумажку под самой лампочкой, свисавшей с потолка. Мама не верила,

что у меня получится, но все же подняла листок и принялась вглядываться.

— Я ничего не вижу, — сказала она. — Да и не увижу, как бы близко ни держала.

Через несколько секунд на бумаге стали проступать коричневатые знаки. Мама принялась двигать мою тайную записку так, чтобы тепло равномерно распределялось по поверхности. Везде, где я писал лимонным соком, появились коричневые полоски. В результате мое послание стало видимым: «Я же говорил тебе, что я настоящий шпион». Мама прочитала и улыбнулась. Нос несколько раз присвистнул.

— Ты оказался прав, — сказала она.

Теперь, сидя перед тумбочкой с раскрытой книгой, я искал конкретную страницу. Составив нужную последовательность точек и тире, я четыре раза постучал по скорлупе ногтем, сделал паузу, ударил еще два раза и прижал яйцо к уху. Ни звука.

— Это азбука Морзе, — объяснил я цыпленку внутри.

Прислушавшись еще раз и убедившись, что ответа не будет, я положил яйцо в ящик и закрыл его, оставив небольшую щелку, чтобы услышать треск даже ночью, ведь он может вылупиться

в любое время. Вернув книгу на место, я взял кактус. Над маленьким горшочком возвышались два шарика. Я нашел его однажды среди вещей, посланных нам Тем, Кто Выше Всех. Там были и доски, из которых папа смастерил колыбель, и морковь, из которой мама готовила суп на ужин. Пока кактус жив, с нами все будет хорошо. Мы должны быть такими же сильными, как это удивительное растение. Так сказала бабушка, отдавая его мне.

Я вышел из спальни, а брат все сидел на кровати и свистел. В общей комнате я лег на пол и положил подбородок на две ладони, сложенные перед собой одна на другую. Кактус я поместил на самое пятнышко света. Над иголками закружились пылинки. Луч скользил по полу, и я сдвигал горшочек, чтобы кактус всегда находился в его свете.

Если бы мой брат мог отправиться в страну Оз так же легко, как оказывался там мысленно, я бы тоже смог представить себя ковбоем из вестернов, которые смотрел папа.

Я провел весь день на полу, гуляя по пустыне среди гигантских кактусов.

4

Прошло много времени, прежде чем яйцо зашевелилось.

— Оно должно всегда оставаться теплым, — напомнила мама, и я тщательно следил за этим. Цыпленок должен вот-вот вылупиться. Видимо, папа обманул меня, сказав о неоплодотворенных яйцах. Впервые утром увидев, что яйцо перекатилось, я чуть не закричал от восторга, но сдержался, ведь это был наш с мамой секрет. Тот факт, что брат видел, как я копался в ящике, не означал, что он помнил об этом пять минут спустя. Я зажал рот обеими ладонями, не зная, что делать. Чувство отеческой ответственности подталкивало меня к быстрым действиям. Я взял яйцо и прижал к пупку. Скорлупа его была теплее, чем обычно. Я даже почувствовал, как бьется за ней сердце цыпленка. Бегом я помчался разыскивать маму, которая помогла бы ему вылупиться.

В общей комнате никого не было. Я несколько раз повернулся, изучая каждый угол помещения. В ванной также никого не оказалось, и мне пришлось отправиться в спальню родителей. Дверь здесь была железной, и у нее не было ручки, как у остальных, открыть ее можно было только

ключом изнутри, а ключи были только у мамы и папы. Нам запрещалось заходить внутрь, но сейчас я был так взволнован удивительным событием, что несколько раз ударил по металлическому полотну лбом, надеясь привлечь внимание мамы.

— Иди к себе, — раздался изнутри ее голос.

— Мама, это очень важно, — сказал я и опять стукнул лбом. — Он скоро… — Тут я осознал, что отец, видимо, тоже там, с мамой, и не стал договаривать. — Мне очень нужно, чтобы ты вышла.

— Позже! — выкрикнула мама. — Сейчас я не могу.

— Пожалуйста, — настойчиво заныл я.

Вытянув руки с беспомощным яйцом, я задумался, что же теперь делать. Мама ведь справилась с родами сестры, когда была чрезвычайная ситуация, сейчас тоже чрезвычайная ситуация. Я умолял ее и хныкал, прижимаясь лицом к дверной раме. Папа не любил, когда я плачу, и я знал, что он скоро начнет ругаться из-за двери.

Наступила тишина, потом я услышал приближающиеся мамины шаги. Она хотела открыть дверь и выяснить, что случилось, и, конечно, не знала, что я прижался к ней всем телом. Ключ повернулся в замке, и дверь стала открываться под

моим весом. Маме не удалось сдержать напор. Я повалился вперед, не успев вытянуть руки, чтобы защитить яйцо. Перед глазами замелькали кадры: потолок комнаты, стиральная машина в углу, пол, лицо мамы, ее ноги, закрывающаяся дверь.

Я открыл глаза, когда лежал на спине в изножье родительской кровати, все еще прижимая ладони к животу.

Мама тревожно вглядывалась мне в лицо. Затем она обратила внимание на руки. Ее открытый глаз смотрел с пониманием. Рубцы и складки обожженной плоти на другой щеке не дрогнули. Они чуть шевельнулись лишь тогда, когда она искоса глянула куда-то вправо.

На папу. Сейчас он спросит меня, что я прячу. И увидит яйцо. И вложит мне в руку, сожмет своей и станет давить. И скорлупа лопнет, а меж пальцев потечет склизкая, вязкая жидкость. Нет, теперь это будут косточки и перья. Они упадут на пол и не оставят лужу, которую маме надо будет вытирать. Мертвое тело ударится о пол с глухим звуком. Я ждал его и уже, кажется, слышал. Я зажмурился, ожидая вопроса отца, но услышал голос мамы:

— Что случилось, сынок? Ты заболел?

Я открыл глаза, мама нагнулась и потянула

меня за руку. Я сел и оглядел кровать. Папы на ней не было. Не было и у шкафа у стены справа. И у стиральной машины. Его вообще не было нигде в комнате. Я протянул маме яйцо.

— Нет, мама, не я, вот…

Она зажала мне рот ладонью, второй накрыла яйцо. Я попытался сказать слово, но вместо этого лишь закусил складку ее кожи. Грубой и какой-то странной. У нее был вкус, как у земли в горшке с моим кактусом. Мама толчком опустила мою руку, будто пряча яйцо.

— Если ты заболел, пойди скажи бабушке. Она знает, что делать. Папа очень рассердится, если узнает, что ты заходил сюда, когда дверь была заперта. — Не убирая руки от моих губ, мама вытолкала меня в коридор. — Ты ведь знаешь, я должна буду ему рассказать.

Я не мог ответить, поэтому замахал рукой, указывая на яйцо. Мама взглянула на него лишь мельком и опять произнесла:

— Бабушка знает, что делать.

В коридоре, подальше от двери, она наконец убрала от моего рта свою руку.

— Мама, цы… — начал я, и она вернула руку на прежнее место.

— Ступай к бабушке, — медленно произнесла

она и кивком указала на комнату. — Туда не ходи, в большой комнате будет твой отец.

Я наморщил нос. Мне больше хотелось побыть в общей комнате.

Мама захлопнула дверь перед моим лицом и дважды повернула ключ.

Я нажал на ручку подбородком и открыл дверь в комнату бабушки. Яйцо пульсировало в моих руках, как горячее сердце. Оно было похоже на гигантскую хризалиду бабочки сатурнии, глядя на которую видно, как бежит кровь внутри гусеницы.

В спальне горел свет. Бабушка сидела на краю кровати, прислонившись спиной к стене, и не сводила отсутствующего взгляда со спящего ребенка, с теней, которые отбрасывали на него реечки колыбели. На другой кровати спала моя сестра, натянув простыню до самого лба. Рядом на тумбочке белела носатая маска.

— Свет включен, — сказал я бабушке.

Она повернулась, будто не слышала, как я вошел.

— Знаю. Оставь. Это для него. И не ори так.

Она указала рукой на младенца. До маски она, наверное, тоже могла бы дотянуться.

— Что стряслось? — прошептала бабушка. — Я

слышала, как ты сломя голову носился по дому. Ты заходил в комнату родителей?

— Дверь случайно открылась, — объяснил я. — Но папы там не было.

Я сделал шаг к ее кровати. От бабушки всегда пахло ароматной пудрой. Когда она пользовалась ею, на лице и одежде часто оставались белые пятна.

— Скоро вылупится цыпленок, — сообщил я.

Морщинистая рука коснулась скорлупы. После пожара бабушка почти ничего не видела.

— Это твое яйцо. — Она понизила голос и продолжала: — Твоя мама рассказала мне о нем.

— Скоро вылупится цыпленок, — повторил я.

Бабушка нахмурилась. Одна ее бровь была узкой и редкой, на ней был шрам, и волосы в этом месте не росли. Их навсегда забрал огонь. Вместе со зрением.

— Цыпленок? Из неоплодотворенного яйца? — Верхняя губа ее приподнялась. — Ну-ка, что сказала тебе мама?

— Сказала всегда держать в тепле. Так рождаются цыплята. Папа одного убил, и мама дала другое яйцо. А теперь оно зашевелилось. Потрогай. Цыпленок точно скоро вылупится.

Лицо бабушки разгладилось, кажется, даже

исчезли складки обожженной пламенем кожи.

— Да, все правильно, — сказала она. — Дай-ка его мне.

Бабушка натянула покрывало с кровати на колени. Я сел напротив, скрестил ноги, передал ей яйцо и положил подбородок на подставку из рук.

Бабушка приложила яйцо к уху, а палец прижала к губам, чтобы я сидел тихо.

— Да, слышу, — произнесла она через несколько секунд и вытянула руку с яйцом к самому моему лицу. Я отодвинул ее к уху.

— Слышишь?

Я ничего не слышал.

— Неужели не слышишь писк? — настаивала бабушка.

И я услышал. Писк. Очень слабый.

— Да! Слышу! — выкрикнул я, и бабушка зашикала. — Он скоро вылупится, — восторженно выдохнул я.

Бабушка кивнула и положила яйцо под подушку.

— А теперь закрой глаза, — велела она.

— Закрыть глаза?

— Цыплята никогда не вылупляются, когда на них смотрят. — Она накрыла ладонью мои глаза. Мы сидели несколько минут в полной тишине.

— Ну вот, — услышал я голос бабушки.

Она убрала руку, но отвернулась к подушке, закрывая обзор, поэтому я не видел, что она делает. Бабушка развернулась ко мне и вытянула сложенные пригоршней ладошки.

— Видишь?

Я удивленно смотрел на ее руки — в них ничего не было.

— Видишь? — настойчиво повторила бабушка.

Но я и правда ничего не видел. Сначала.

— Смотри. Он здесь.

И я увидел. Ярко-желтого цыпленка. Пушистого. Он так громко пищал, что мог разбудить ребенка.

Бабушка улыбнулась и положила цыпленка себе на плечо. Он принялся рыться клювом в ее седых волосах, будто искал там свою первую еду. Бабушка рассмеялась и повела плечом. Ей было щекотно.

— Видишь?

Я кивнул, завороженный происходящим настолько, что не мог говорить.

— Видишь? — повторила бабушка, ведь она не знала, что я кивнул.

— Конечно, — громко сказал я, чтобы она точно услышала. — Он такой, каким я его представлял.

Желтый.

Бабушка одной рукой взяла цыпленка, его голова просунулась между пальцев и стала вертеться во все стороны. И запищал он еще громче.

— Сложи ладони, как я, — велела бабушка.

Я послушно вытянул руки. Цыпленок прыгнул, и его коготки впились в кожу, а пушок коснулся пальцев. Я поднес малыша к лицу.

— Я ждал тебя целых два ряда, — сказал я ему.

На стене в подвале, рядом с велосипедом, висел календарь. Ячейки были днями, а ряды неделями. Когда все ячейки в рядах были закрыты крестами, отец отрывал лист — значит, прошел месяц. Календари не менялись часто, но, если появлялся новый, я знал, что прошел год. И еще год я отсчитывал, когда для одного из нас готовили торт. Каждый в нашей семье часто смотрел на календарь. Мне же было важно отмечать, когда сменялись день и ночь, а для этого у меня был лоскуток света на полу.

— Я ведь спас тебя от смерти на сковороде, — добавил я, подумав.

Бабушка громко рассмеялась.

А потом раздался громкий голос отца.

Он выкрикивал мое имя.

Дверь бабушкиной спальни резко распахну-

лась, даже ручка ударилась о стену и оставила на ней вмятину.

Я боязливо спрятал руки за спину, защищая цыпленка, и медленно встал.

Из-под простыни сбоку появилась рука сестры и быстро положила маску на лицо.

Заплакал ребенок.

— Ты посмел зайти в мою комнату, когда дверь была заперта? — спросил отец.

— Это было важно.

Я взглянул на бабушку, надеясь на поддержку, но она молчала.

— Иди сюда, — велел отец.

Я опасливо посмотрел на него и не двинулся с места.

— Быстро!

Я сделал несколько шагов и встал перед ним.

— Что ты прячешь за спиной?

— Ничего.

Я почувствовал, как цыпленок клюнул меня в ладонь.

— Как это — ничего?

Я не успел ответить, отец схватил меня за плечо, пробежал пальцами вниз до локтя, затем сжал запястье и потянул, заставляя выставить руку вперед.

Я зажмурился, словно от этого мой питомец мог исчезнуть.

Отец разжал ладонь — ничего.

— Покажи другую руку, — приказал он. — Быстро.

Я медленно вытянул ее из-за спины. В ней тоже ничего не было. Ни единого следа цыпленка.

Кажется, папа даже удивился.

— Объясни, зачем ты явился в комнату? — Он приложил ладонь к моему лбу. — Твоя мать сказала, ты заболел.

Не представляя, что ответить, я поднял глаза и стал разглядывать шрам на лице отца. Ноздри расширились, когда он тяжело задышал.

— Это правда? Ты болен?

Я решил, что будет лучше промолчать. К тому же сейчас я мог думать только о том, куда делся мой цыпленок.

— Ничего страшного, — наконец вмешалась бабушка. — Немного поднялась температура, совсем невысокая. Никаких лекарств не надо.

Отец опять потрогал мой лоб.

— Сейчас я объясню тебе, что значит закрытый на замок, — сказал он и сильными, как клещи, пальцами схватил меня за шею. Если бы он постарался, ему даже удалось бы сомкнуть их.

— Эй! — выкрикнула бабушка.

Папа повернулся к ней и немного ослабил хватку, поэтому я тоже смог повернуться.

— Этой лампе скоро конец, — спокойно произнесла она. — Пару дней назад она громко потрескивала.

Отец поднял голову и стал вглядываться в прозрачное стекло, а бабушка осторожно погладила подушку, куда раньше положила яйцо, и подмигнула мне.

Я все понял.

— Спасибо, бабуля, — прошептал я.

Она улыбнулась и сложила руки на коленях.

— Не знаю, когда получится ее заменить, — произнес отец.

— Может, еще и протянет немного, — кивнула бабушка.

Клещи опять сомкнулись на моей шее, но мне было уже все равно. Мой цыпленок в безопасности, пока он будет жить с бабушкой. И привыкать к запаху пудры.

5

В ту ночь меня разбудил крик:

— Он задыхается!

Я сел в кровати и несколько секунд размышлял,

слышал я это наяву или мне приснилось.

— Он задыхается!

Крик доносился из дальнего конца коридора. Пружины койки брата скрипнули над головой, когда он перенес вес своего тела и спрыгнул на пол. Брат приоткрыл дверь, и на полу появилась желтая трапеция света, самая широкая ее сторона протянулась точно от одного конца моей кровати до другого.

Я не мог ничего четко разглядеть, глаза болели, но все же уловил очертания силуэтов отца, мамы и присоединившегося к ним брата. Процессия двинулась влево, туда, где во весь голос кричала бабушка.

— Он задыхается! — послышалось вновь.

Мой цыпленок! Бабушка спрятала его под подушку, а потом сама на нее легла и придавила новорожденного птенца, теперь он не может дышать.

Я пробежал по желтой трапеции к двери. Пусть отец узнает мою тайну, сейчас это не важно.

Папа стоял в коридоре, уперев руки в бока, рядом с бабушкой, державшей племянника.

— Убирайся отсюда, — сказал отец.

Бабушка держала младенца как-то странно, лицом вниз, голова на ладони, а ножки на сгибе

локтя. Она шлепала его по спинке. Значит, это ребенок задыхается.

— Дышит? — спросила мама.

Они поспешили в общую комнату, а я решил быстро осмотреть кровать бабушки. Надо ведь забрать цыпленка. Пусть лучше живет в гнезде из моей футболки, рядом с кактусом. Подняв подушку, я сразу увидел кусочки скорлупы. Рядом круглый желток. Я потрогал его — мокрый.

— Что за запах? — недовольно спросила сестра.

Она сидела в кровати и смотрела на стену. Голос глухо звучал из-за маски.

— Не знаю, — ответил я, потрогал еще раз клейкую массу, взял один кусочек скорлупы и опустил подушку.

— Ребенок в порядке? — Сестра говорила так быстро, что вопрос слился в одно слово.

— Сейчас посмотрю.

Я остановился в дверях, прямо под верхней рамкой, повернулся к сестре и спросил, не пойдет ли она тоже.

— Позже, — был ответ.

Я вошел в общую комнату и забрался с ногами на коричневый диван. Бабушка расположилась у второго окна, того, что было прорублено под потолком в одной из стен. Ребенка она держала так

же, как раньше. Вздохи его сопровождались бурлящими звуками, но они слышалось все реже.

Ритм дыхания сначала был нормальным, но интервалы между вдохом и выдохом становились все продолжительнее, а шаги мамы, кружащей вокруг стула, напротив, все более торопливыми. При этом она яростно грызла ноготь на большом пальце. Брат прикрыл рот ладонью, чтобы сдержать смех. Папа склонился над ребенком, закручивая пальцами веревку с ключом на шее. Она размоталась неожиданно быстро, ключ стал падать и ударил бы малыша, если бы бабушка вовремя не подставила руку.

— Не надо, — произнесла она.

Ребенок протяжно выдохнул, и бурление прекратилось. Маленькие ноздри раздулись, воздух стал поступать в легкие. Мама взяла паузу в своем безумном хороводе, но ее сменил брат, он стал ходить по комнате, высоко подбрасывая колени и размахивая руками. На пути к столу он стал громко насвистывать.

— Прекрати! — прикрикнула на него мама, и мелодия прервалась. Пол перестал трястись.

Брат открыл рот, из него вылетел протяжный звук, предвещавший громкий плач.

— Рыдай, сколько хочешь, — равнодушно ска-

зала мама.

Брат вылетел в коридор, вскоре дверь хлопнула так сильно, что лампочки на потолке покачнулись. Тень от моей головы стала вытягиваться и почти коснулась тени от кресла. И тут бабушка перевернула ребенка. Лицо его было бордовым. Бабушка согнулась и прислушалась.

Бульканье не закончилось.

— Он не дышит, — заключила бабушка и встала так резко, что стул покачнулся на двух ножках и оперся спинкой о стену.

Бабушка закусила губу, брови сошлись, мне стало ясно, что она изо всех сил старается не расплакаться. Она принялась ходить по комнате, укачивая младенца, и запела колыбельную, как делала всегда, когда его убаюкивала. Затем открыла рот малыша и просунула два пальца до самых костяшек.

— Я не знаю, что еще делать, — прошептала она, вытаскивая слюнявую руку. — Я не знаю, что еще делать!

Она перевернула ребенка, опять положила на грудь себе на ладонь, похлопала по спине и попке. Встряхнула. Тело младенца посинело.

— Я не знаю, что еще делать! — В глазах отразился свет покачивающейся лампы.

— Надо унести его отсюда, — сказала мама. — Все равно…

— Мы не успеем вовремя, — перебил ее отец.

Я посмотрел на дверной проем в дальней стене комнаты. На дверь, которая никогда не запиралась. К ней я впервые подошел много календарей тому назад, тогда моя семья прожила в подвале уже пять лет. Ручка двери выскользнула из слюнявой ладошки, и я вновь попытался ухватиться за нее. Но не нашел причины, по которой должен был повернуть ее и открыть дверь. Я даже не стал пытаться. Здесь, в подвале моя мама. Моя бабуля, сестра и брат. И папа. Вечером я сидел у него на коленях, и мы ели морковный суп. Я болтал ногами в пижамных штанишках с носочками, как у колготок.

— Мы не успеем туда вовремя? — всхлипнула бабушка, потом взгляд ее стал грозным. Внезапно все слезы на ее лице высохли. — Давайте проверим.

Она положила ребенка на грудь, продолжая похлопывать по спине, обошла диван, но вместо двери, которая никогда не запиралась, направилась в коридор.

Я спрыгнул с дивана, нога зацепилась за подушку, потому что я очень спешил, довольный,

что первым из всех заметил ошибку и нашел решение.

— Бабуля, дверь там! — выкрикнул я, бросился через всю комнату и схватил ее за локоть. — Пошли, выход там.

Бровь бабушки поползла вверх, почти на середину лба, потом она все поняла. Отец вышел вперед, разведя руки, словно мог остановить меня одним желанием это сделать.

Я схватился за дверную ручку.

И повернул.

Три раза.

Вернее, попытался.

Отец опустил руки и несколько минут смотрел прямо на меня, а потом сказал бабушке:

— И ты никуда не пойдешь.

— Я не позволю, чтобы ребенок задохнулся! — воскликнула она.

Не обращая внимания на протесты папы, она пошла в сторону спальни. Он опередил ее и уперся ногой в дверь.

— У тебя даже нет ключа от той двери! — заорал он. — И от той, что наверху.

Из горла ребенка вырвалось бульканье, а потом сильный кашель.

А потом он заплакал.

И задышал.

Отец замер. Услышав плач ребенка, бабушка тоже остановилась.

В коридор выбежала мама.

Я не оставлял попытки повернуть ручку. Папа мне солгал. Дверь всегда была заперта. Она была еще одной стеной.

Последней стеной.

В комнатах и коридоре началась возня и толчея. И в ванной тоже. Папа вернулся в комнату, когда я еще стоял, вцепившись в ручку. В глазах его я заметил удивление.

— Иди в свою комнату, — приказал он. — Ступай.

И выключил свет, оставив меня в кромешной темноте.

Я слышал, как запирали дверь в спальню.

Я отпустил ручку, теперь уже теплую. Предметы в комнате постепенно стали обретать очертания. Успешно миновав все препятствия, я вышел в коридор и решил проведать бабулю, прежде чем отправиться к себе.

В ее комнате я подошел к кроватке с ребенком и прислушался к его дыханию. Оно показалось мне легким и здоровым, будто он совсем недавно и не задыхался. Потом я подошел к бабушке и потряс

за то, что было, как я решил, плечом, прикрытым одеялом. Она вздрогнула и, как я определил, проснулась. Но ничего не сказала.

Я опять потряс ее за плечо.

Бабушка подняла руку и коснулась меня.

— А, это ты. — Она узнала меня. — Что стряслось? — Поворочавшись, она заговорила громче: — Опять что-то с ребенком?

— Нет. Он в порядке.

Бабушка облегченно выдохнула. До моего носа долетел запах пудры и чего-то горького.

— Где цыпленок? — прошептал я и стал ждать ответа. — Помнишь цыпленка? Где он?

— Так это ты двигал мою подушку? — спросила бабушка.

— Да. Когда ребенок…

— И что ты увидел?

— Цыпленка там не было.

— А что ты увидел?

— Скорлупку. Желток. Как в том яйце, которое разбил папа. А где же цыпленок?

— Он сбежал, — быстро ответила бабушка. — Когда вошел твой отец, я взяла его из твоих рук и спрятала под подушку.

— Ты уже говорила.

— Но когда отец отправил тебя в комнату,

цыпленок сбежал. Пробежал вот тут по кровати, — она провела рукой поперек матраса, — а потом в кухню. Наверное, вылетел в окно.

— По ту сторону окна ничего нет. Только бетон.

— Для людей, но не для птиц. Цыпленок ведь очень маленький, он пролезет в любую щелку. Я уверена, он выбрался наружу.

Я стоял и обдумывал ее слова.

— А с ним все хорошо? — наконец спросил я. Представить сложно, как он выживет в ужасном мире пузырей.

— О да, не волнуйся. — Бабуля приложила ладонь к моему лицу, и щеке сразу стало тепло. — Я уверена, с ним все в порядке. Лучше быть на воле, чем в твоем… — Она замолчала.

— А если бы я захотел, мог бы пойти его проведать? — Мне вспомнилась дверь в кухне. И то, как я пытался повернуть ручку и ничего не добился. Если бы я попытался открыть нарисованную дверь, результат был бы тем же.

— Но тогда ты больше никогда не увидишь меня, — сказала бабушка. — И маму. И папу. И даже ребенка. Разве ты этого хочешь?

Я покачал головой.

— Ну? Этого ты хочешь? — повторила бабушка.

Она ведь не видела меня.

— Нет.

— Конечно же нет. — Она притянула меня к себе за шею и прижала лицом к мягкому месту между грудью и плечом. Я отправил поцелуй в воздух. — Возвращайся в свою комнату, — раздался шепот над самым ухом.

— Я оставил кусочек скорлупы на случай, если цыпленок вернется. Он будет знать, где его дом.

Грудь бабули поднялась и опустилась.

— Ты такой славный мальчик.

Я кивнул, сильнее упираясь в ложбинку, и вдохнул запах ароматной пудры.

— А теперь иди в кровать. Поспи еще немного.

Той ночью бабушка невольно передала мне огромную силу.

В коридоре, по дороге в свою комнату, я почувствовал дуновение из окна. Прижавшись лицом к решетке, я закрыл глаза и стал глубоко дышать, радуясь окутавшим меня новым запахам сверху. Они не были похожи ни на один, который ощущался в подвале. Жалко было, что доносились они из такого далека, куда мне никогда не попасть. Даже если очень захочу. Дверь в кухне оказалась запертой. Ветер ударил мне в лицо. Потом я ощутил дыхание еще одного живого существа.

Прямо у меня перед глазами порхал светлячок. Он опустился на выступ между окном и стеной за ним, он был как раз на уровне моей шеи.

Приземлившись, жучок сложил меленькие крылышки, с помощью которых опустил свое членистое тельце, и спрятал под панцирем. На самом деле у жесткокрылых это не панцирь, а еще пара крыльев, более прочных, с помощью которых они и летают.

Светлячок засеменил по бетонной поверхности в сторону решетки, прямо ко мне.

И он засветился.

Пару секунд тельце жука было волшебного зеленого цвета, исходившего от низа живота. В точности как на картинке в моей книжке про насекомых, которую я хранил под матрасом в изножье кровати. Впервые перелистывая страницы, я был очарован длинными лапками богомола, способностью маскироваться палочника, удивительной и разнообразной расцветкой бабочек. Но больше всего меня впечатлили жуки-светляки. Они были похожи на лампочки, свисавшие с потолка у нас в подвале. Только живые.

Светлячок опять вспыхнул и стал похож на того, из книги, нарисованного сидящим на травинке. Я просунул палец и положил прямо перед ним,

закрывая проход по бетонному подоконнику. Светлячок забрался на него, развернув надкрылья, чтобы удержать равновесие. Я смотрел на него во все глаза, боясь моргнуть и пропустить быстрое движение. Когда он опять засветился, пришлось несколько раз моргнуть, такими сухими неожиданно стали глаза.

В комнату я вернулся, осторожно неся перед собой палец со светляком на самом кончике.

Наверху храпел брат. Я тихонько открыл ящик и сначала положил в гнездо из майки драгоценную скорлупку, добытую под подушкой бабули.

— Вдруг ты захочешь вернуться, — сказал я цыпленку, которого не было.

Потом взял баночку из-под карандашей, которые положил на дно ящика, а внутрь поместил светляка. Он пополз, пытаясь отыскать, на что можно забраться в его новом жилище, карабкался вверх и сползал по гладкой стеклянной стенке. Я положил внутрь один карандаш, чтобы насекомому было чем заняться. Он поблагодарил меня, вспыхнув зеленым светом.

С той поры я был уверен, что в мире нет существа удивительнее того, кто может светиться самостоятельно.

6

Почти голый, лишь обернув полотенце вокруг талии, я вошел в ванную. Комната была большая, с плиткой на полу. На стенах тоже была плитка, но только наполовину, выше просто бетон.

Я сразу увидел сестру, сидящую на краю ванны свесив ноги внутрь. Вода лилась из крана и заполняла емкость. В подвале она никогда не была достаточно горячей, чтобы шел пар.

Сестра расстегнула бюстгальтер, и он упал в кучку одежды на полу. Встав, она стянула трусики, переступив ногами. Они стали мокрыми, впитав воду с икр. Я смотрел на синяки, появившиеся в тот день, когда она родила ребенка, от ударов о стол.

Даже от двери было видно, как быстро поднимается уровень воды в ванне. Она доходила уже почти до колен сестры. В воздухе запахло мылом.

Сестра повернула кран и выключила воду.

Одна рука потянулась к маске, вторая — к черным резинкам, скрещенным на ее затылке.

— Здесь я.

Сестра развернула плечо.

— Уже покатался на велосипеде?

— Да.

Мы все были обязаны заниматься на велосипеде три раза в неделю. Отец специально пристроил его в общей комнате под календарем. Велосипед был синий с белым и никогда не двигался с места, сколько ни крути педали. Когда наставал мой черед, я просил маму включать фильм и представлял, что катаюсь по местам, изображенным на экране.

Сестра подняла голову, так и не сняв маску. Между прядями черных волос появился кусок уха.

— И долго ты выдержал?

— Недавно приехал, — солгал я. — Сейчас очередь мамы.

— Хотел принять ванну?

— Ты против?

Сестра вздохнула, плечи ее поникли. Она поправила резинки маски, чтобы она плотнее прилегала к голове, затем оттолкнулась руками от края ванны и стала погружаться в воду. Резко выдохнула, когда уровень достиг груди. Вытянувшись, она запрокинула голову, чтобы намочить волосы, потом села и прислонилась затылком к стене.

— Давай же залезай, — сказала она.

Я плотнее закрыл дверь, бросил полотенце на раковину и забрался в ванну, устроился напротив сестры. Сначала я вытянул ноги, а потом согнул в коленях, как и сестра, чтобы не касаться ее ступнями.

— А ты хитрая, — усмехнулся я, поерзав. — Оставила мне место с пробкой.

Сестра засмеялась под маской. Услышать ее смех доводилось нечасто. Она протянула мне шампунь. Я намылил голову и отдал его обратно.

— Что будешь делать? — спросил я.

— То же, что и ты. Мыть голову. И лицо.

— Ладно, — сказал я и крепко зажмурился. — Я готов.

Сестра зацокала, потом я услышал, как щелкнули резинки на ее маске, пузырек выплюнул шампунь ей на ладонь, и она принялась наносить его на волосы и плескать воду на лицо.

— Все? — спросил я через некоторое время. Ответа не было. — Ты закончила?

Через несколько секунд я услышал голос сестры:

— Ты действительно боишься взглянуть?

Я прижал обе ладони к глазам. Пузырьки на поверхности воды липли к моему телу и лопались.

Я затряс головой.

— Ладно тебе, — фыркнула сестра. — Вспомни лица мамы и папы. Мое не намного хуже.

— У тебя же нет носа. Вместо него дырка, я не хочу на нее смотреть.

Сестра сжала мою руку.

— Посмотри на меня. Я знаю, ты хочешь. — Она сжала и второе запястье. В ванне поднялись волны, пробка царапала мне попу. Нога соскользнула, и большой палец уперся в покрытый волосами бугорок у сестры между ног.

Сестра потянула мои руки в разные стороны.

— Посмотри на меня, посмотри, — твердила она.

Ей удалось убрать руки от моего лица, но я плотно сжал веки. Настолько, что увидел кружащие разноцветные точки. Я заныл и попытался встать, но сестра схватила меня за колени и заставила сесть. Пробка больно впилась в ягодицу.

Сестра старалась открыть мои глаза. Я старательно жмурился из последних сил. Было больно. Пальцы ее оказались цепкими и сильными.

— Посмотри на меня, посмотри, посмотри…

На одном глазу образовалась щель, пропустившая полосу света. Я смог разобрать какие-то цвета и формы, но в этот момент дверь ванной отворилась.

— Что… что ты делаешь? — закричала мама.

Сестра отпрянула. Громко хлопнула дверь. Мне на глаза легла мамина ладонь. Я невольно заморгал, чтобы дать отдых глазам.

— Тебе повезло, что сюда зашел не отец, — сквозь зубы процедила мама. — Вылезай. Немедленно.

Ноги сестры отодвинулись, опять появились волны, я чувствовал колебания воды на уровне груди. Она встала, и я услышал, как падали капли с ее тела. Что-то твердое уткнулось мне в грудь, от ужаса по спине пробежали мурашки. Это был нос моей сестры. Ее пластиковый нос. Маска перевернулась на воде, и нос задрался к потолку.

— И это возьми, — велела мама, ткнув туда, где плавала маска. — Никто из нас не желает видеть твое лицо.

Я слышал, как натянулись на голове сестры резинки, мокрые, они издавали другой звук.

— Как хотите, — пожала плечами сестра и вышла.

Мама осталась со мной, пока я не решился вылезти из воды. Потом она встала на колени, завернула меня в полотенце, обняла и поцеловала в шею.

— А какое у нее лицо?

Мама вытерла мне глаза уголком ткани. Они еще пульсировали от усилий, когда я жмурился.

— Зачем тебе это знать?

Я молчал.

— Ты ведь не хочешь, — сказала мама. — Тебе и не нужно. Твоя сестра всегда носила маску дома. Так решил отец.

— А она носила ее, когда жила наверху?

— Ты ведь знаешь, что нет. Она надела ее после того, что случилось. После пожара.

Я видел, как затуманились мамины глаза. Нос присвистнул. Один глаз закрылся прежде, чем второй, но вскоре его опять стало видно.

— Но ведь огонь не добрался до меня.

— Конечно нет. — Мама потрепала меня по голове. — Ты ведь был у меня в животе. Ты стал нам подарком.

— А как это — жить наверху?

— С чего так много вопросов? — Мама отстранилась и оглядела меня. — У нас есть все, что и у остальных. Дом, семья. У людей, живущих наверху, нет чего-то большего.

Я вспомнил о ветре, иногда залетавшем в окно.

— Почему папа солгал мне о двери в кухне?

Мама выпустила из рук полотенце и внимательно посмотрела на меня.

— Маленьким мальчикам родители часто рассказывают сказки. Ты ведь не думаешь, что Человек-сверчок на самом деле существует, правда?

— Тсс, он тебя услышит. А я не хочу, чтобы он меня нашел.

Мама опять вытерла мне глаза.

— Надо же… Как хорошо ты помнишь тот день? Ты ведь был вот такой крошечный. — Она развела немного большой и указательный пальцы. — Вот такой.

Я пожал плечами и выпятил нижнюю губу. Мама улыбнулась. Это всегда ее забавляло.

— Это потому, что ты очень умный мальчик, — произнесла она, отвечая сама себе. Мама погладила мое лицо грубой рукой. — И ты знаешь, что никуда не уйдешь, даже если дверь будет открыта. Куда ты пойдешь? — Она обняла меня поверх полотенца, потом оглядела пронзительным взглядом и улыбнулась.

— Никуда, — ответил я.

В одних трусах я отправился в кухню, где на плите булькал морковный суп. Мне удалось услышать, о чем говорила собравшаяся там моя семья.

— У нас все заканчивается, — сказала мама,

задев кастрюлю чем-то металлическим.

— Он должен был прийти еще вчера, — отозвалась бабушка.

И тут вошел я. И увидел маму, стоящую на цыпочках у шкафа. Она пыталась достать что-то с верхней полки. Помимо плиты с двумя конфорками, раковины, духовки и холодильника здесь было множество шкафов, тумб, ящиков и полок.

— Там ничего нет, — сказала мама, пошарив рукой, будто искала то, что не видно снизу. — Все, что у нас осталось, — на столе.

Опустив пятки на пол, она развернулась и увидела меня.

— Пора ужинать. Садимся за стол.

Мама подошла к столу первой, положила руку бабушке на плечо и губами указала на отца. Они все сидели в конусе света, который нарисовала на столе висящая над ним лампочка. Я увидел, что волосы под резинками маски на голове сестры еще мокрые.

Мама и бабушка принялись раскладывать по местам пакеты с рисом, банки с консервированным тунцом, яйца и мешки картофеля. Сейчас они лежали в шкафах, как и всегда. Правда, теперь свободного места стало гораздо больше.

— Кстати, раз ты пришел, — повернулся ко мне

отец. — Почему ты постоянно торчишь у того окна? Мечтаешь уйти отсюда?

— Я был не у окна.

— И никуда уходить он не хочет, — вмешалась мама.

— Он много чего прячет в ящике, — выпалил брат.

— Вот как? И что ты там прячешь? — заинтересовался отец.

Брат открыл рот, чтобы выложить все, что знает, но тут на столе появилась кастрюля с дымящимся супом.

— Давайте поедим, — сказала мама.

Половником она принялась разливать суп по тарелкам, расставленным бабушкой. Она наполнила и седьмую тарелку. Ту, из которой никто никогда не ел. Содержимое всегда выбрасывали в мусорное ведро или выливали в раковину.

7

А тем вечером прилетел еще один светлячок.

Лежа в постели, я слушал обрывки фраз, долетавших до меня из общей комнаты, где вся семья смотрела фильм по телевизору. Папа включал его так часто, что я помнил наизусть каждое слово, паузу и даже выстрел.

Я шепотом произносил их в темноте.

В подвале был телевизор, но не было антенны и сигнала. На большой книжной полке стояло много кассет, которые мы смотрели на видеомагнитофоне с надписью «Бетамакс» на боку. Папе нравились фильмы про ковбоев.

Подражая скачущему на лошади храбрецу, я вытаскивал из-под одеяла воображаемый пистолет, составляя его из пальцев, и стрелял. И тогда заплакал ребенок. Будто мои пули долетели до его кроватки.

Послышались мамины шаги по коридору, за ней бабушкины. После того как он едва не задохнулся, они в страхе бежали к нему, боясь опять увидеть синим.

Я осторожно приоткрыл дверь, интересно было узнать, что происходит. Экран телевизора отбрасывал блики на стену в коридоре. Папа сидел в полосатом кресле, а брат на коричневом диване и смеялся совсем не к месту, когда следовало бы нахмуриться, он не вполне понимал, что происходит. Сестра устроилась на полу и использовала диван как спинку, ноги были скрещены, руки сложены на животе. Взгляд ее был таким, будто она смотрит не в телевизор, а на аквариум.

— Заткните этого ребенка! — заорал отец. Его

крик был громче выстрелов в кино и даже плача моего племянника.

Я прошел по коридору к его комнате и наступил на что-то острое. Это оказался маленький гвоздик из ящика с инструментами отца. Я испугался, что он впился в ногу, но он отскочил и покатился по полу.

Войдя в комнату, я сразу почувствовал запах пудры. Мама стояла у кроватки и укачивала на руках ребенка. Увидев меня, она приложила палец к губам, чтобы я молчал. Когда лицо ее освещала вспышка света от экрана, если, например, показывали солнечный день в горах, я мог отчетливо различить черты. Однако, если экран был темным, когда показывали измазанное грязью лицо ковбоя, лицо превращалось в серое пятно.

Я обхватил руками маму за талию под растянутой футболкой, теперь ребенок был совсем рядом.

— Тише, успокойся, — прошептал я.

Мама вздохнула. Стоящая за спиной бабушка обняла меня, оставив лежать руку на моей голой груди.

И вот тогда я увидел.

Кружащийся зеленый огонек в коридоре. Несколько вспышек пунктиром провели линию от

потолка до пола. Я оттолкнул бабушкину руку и готов был броситься ловить светлячка.

— Ну-ка, подожди, — сказала мама, и я решил, что она говорит со мной и тоже видела зеленый огонек. В спальне вспыхнул свет, и светлячка не стало видно.

Я зажмурился от резкой боли в глазах.

Ребенок перестал плакать.

Мама выключила свет, и он опять захныкал. Вспыхнул свет, и ребенок умолк.

— Так было и с ним. — Мама указала на меня пальцем. — В темноте он всегда плакал.

— Так было со мной? — удивился я.

Мама передала ребенка бабушке и усадила меня на кровать рядом с собой.

— Когда ты был таким же маленьким, боялся темноты, — объяснила она. — В первую ночь ты не унимался, пока кто-то не включил свет.

— Но я больше не боюсь.

Мама улыбнулась, и глаз ее закрылся.

— Конечно нет.

— А как я перестал бояться?

— Все страхи проходят. — Мама встала, подошла к двери и подняла руку к выключателю. — Когда осмелишься посмотреть им в лицо. — Она выключила свет. Младенец громко заорал.

Бабуля принялась его укачивать и утешать, а я стоял и ждал, когда глаза привыкнут к темноте. Когда я смог видеть и выглянул в коридор, светляк уже исчез.

— И ты позволишь ему плакать? — спросил я.

Племянник орал во всю мощь легких, изо всех сил напрягая горло. Два темных силуэта приблизились к кроватке. Один из них согнулся пополам, это была бабушка, она положила ребенка в кроватку.

— Мы больше ничего не можем сделать, — ответила она мне.

— В темноте нет ничего плохого, — поддержала мама.

Малыш кричал еще громче, хотя это казалось невозможным.

— Заткните же его! — выкрикнул из общей комнаты отец.

Мама с бабушкой стали энергичнее раскачивать кроватку. Я подошел и встал рядом.

— Ты не бойся, — прошептал я. — Темно — это не так уж плохо.

Мама вздохнула, услышав, что я повторил сказанное ею. Однако ребенок плакал, несмотря ни на что.

Ножки кресла отца царапнули пол в комнате,

и он появился в дверном проеме в пляшущем свете экрана. В фильме кто-то играл на губной гармошке.

— Что стряслось с этим ребенком?

— Его беспокоит темнота, — ответила мама.

Папа нажал на выключатель. Я успел вовремя закрыть глаза.

— А он что здесь делает? — Я знал, что отец говорит обо мне. — Тебе что здесь понадобилось?

— Я не мог заснуть. Решил посмотреть, что случилось.

Папа еще несколько раз щелкнул выключателем, убеждаясь, что ребенок успокаивается, когда в комнате светло.

— Так не выключайте свет, — бросил он.

— Мы должны, — заявила мама. — Не может же свет гореть всю ночь.

— А как будет спать твоя дочь? — поддержала бабушка. — Это ведь и ее комната.

— И ребенок должен привыкать спать в темноте, — продолжала приводить доводы мама.

Папа вдохнул и нажал на выключатель.

В помещении вновь стало темно.

Малыш заплакал.

— Ты, отправляйся спать, — приказал отец. — Тебе известно, что Человек-сверчок делает с

мальчиками, которые плохо себя ведут.

Прежде чем убрать руки с рейки кроватки, я прошептал:

— Ты не волнуйся, у меня есть идея.

Отец пропустил меня вперед, проводил взглядом и вернулся в свое кресло. Скрипнули ножки, и звук телевизора стал громче.

Я шел по коридору медленно, оглядываясь в поисках нового гостя-светлячка. И опять наступил на гвоздик. Рядом с ногой вспыхнул зеленый огонек.

Он охотно подлетел к банке, словно был рад навестить родственника в тюрьме для насекомых. Огоньки замигали с обеих сторон стеклянной перегородки, как будто они так переговаривались. Я открыл крышку, и оба жука замигали зеленым светом.

Слушая, как надрывно плачет мой племянник, я улыбнулся.

— Подожди немного, — прошептал я и забрался в постель, с трудом сохраняя терпение.

Как попугай, я принялся шепотом повторять реплики из фильма, который мой отец не уставал пересматривать, брат никогда не понимал до конца, а сестра, наверное, ненавидела. Наконец закончилась старая песня, это была самая

грустная мелодия из всех, что я слышал. Женский голос наполнил подвал мраком, страшнее кромешной тьмы.

В нашу спальню вошел брат и забрался наверх, на свое место. Пружины несколько раз скрипнули, прежде чем он устроился. Затем они ритмично прогибались несколько минут, сначала медленно, потом быстрее и еще быстрее, потом брат застонал, и все стихло. Правда, через несколько минут брат громко захрапел.

Я решил подождать еще немного, чтобы все точно успели заснуть.

Вскоре тишину нарушали лишь звуки капающей из бачка воды и плач ребенка, и я выбрался из постели, прихватив банку со светлячками.

В комнате сестры я первым делом услышал ровное дыхание бабушки и медленно подошел к детской кроватке.

— Посветите ему, пожалуйста, — прошептал я светлячкам. — Он еще боится темноты.

Банку я поставил рядом с головой ребенка и накрыл ее простыней. Под тонкой тканью вспыхнули два огонька, подсвечивая лицо малыша.

Когда я был в дверях, он уже не плакал.

8

Следующим утром я резко сел в постели, вспомнив о банке со светлячками.

Подвал уже наполнился множеством звуков. Тостер несколько раз выстреливал в кухне, стулья вокруг стола вовсю царапали пол, в ванной бачок унитаза наполнялся водой.

Я вошел в комнату бабушки в одних трусах, тех же, что и прошлым вечером. Первым делом я заглянул в кроватку ребенка, но она была пуста. Ни племянника, ни моей банки. Я поднял простыню и еще раз исследовал кровать. Ничего.

Из кухни меня позвала по имени мама, и еще манил аромат поджаренного хлеба. Сначала, однако, я зашел в ванную, чтобы умыться и пригладить водой волосы. Они всегда были растрепанными после сна.

— Входи, садись, — сказала, увидев меня, мама и открыла холодильник, чтобы достать масло. — Мы уже завтракаем. Видишь, что бывает, когда поздно ложишься. Потом тяжело вставать.

Брат сидел за столом, держа в обеих руках приборы, и ждал, когда мама подаст еду. Он ножом указал на соседний стул и скорчил рожу, оттопырив изуродованную губу так, что стала видна

десна. Я забрался на стул и посмотрел на бабушку напротив. Она улыбалась, глядя в пустоту, и пила кофе, иногда опуская кончик пальца в чашку, чтобы определить, сколько там осталось. Рядом с ней сестра кормила грудью сына. Папа смотрел на нее, не отводя взгляд.

— В конце концов, он вчера уснул, — произнес он.

Белая маска сестры повернулась к нему. Уловив, что взгляд его направлен туда, где губы младенца сомкнулись вокруг соска, она быстро прикрыла грудь ладонью. Отец нахмурился.

— Вот видишь, — повернулась к нему мама, наблюдавшая за тостером. — Ему надо было просто привыкнуть к темноте.

Сестра покосилась на меня, не пошевелив головой.

— Или нет, — сказала она.

И улыбнулась, как мне показалось. Я подумал о светляках в банке.

— Что ты хочешь сказать? — спросил отец.

— Ничего, — легко ответила сестра.

— Нет, скажи мне, что ты имеешь в виду?

Бабушка перестала улыбаться неизвестно чему.

Брат гортанно загоготал своим ослиным сме-

хом.

— Ничего я не имею в виду, — продолжала отнекиваться сестра из-под маски.

— Что ты имела в виду? — настаивал отец.

Выпустив грудь, ребенок заплакал. Сестра взяла сосок двумя пальцами и засунула ему в рот.

— Я хотела сказать, что дети не могут быстро привыкнуть к темноте. — Едва уловимым движением головы она указала на сына и на меня одновременно. — Мальчикам нужен солнечный свет.

— Мы все принимаем витамин D, — вмешалась из кухни мама.

— Но им нужен свежий воздух, — продолжала сестра. — Они должны жить. Им необходимо…

Она перевела дыхание, словно собиралась сказать нечто чрезвычайно важное, но не решилась и замолчала.

— Что им необходимо? — набросился на нее отец. — Говори. Что им нужно?

Сестра уставилась на папу.

— Я уже сказала все, что хотела.

— Так ли? Кажется, ты не закончила фразу. Продолжай, смелее, говори, что нужно мальчикам.

Сестра опять помогла сыну ухватить сосок.

— Давай же, — напирал отец. — Им нужен све-

жий воздух. Солнце.

Я видел, как губы сестры плотно сжались под маской.

— Говори! — заорал отец.

Сестра расправила плечи и выпрямилась. Ребенок опять заплакал, когда сосок выскользнул из его губ, на этот раз сестра запахнула блузу и застегнула пуговицы.

— Больше всего остального ребенку нужен отец, — отчеканила она и осторожно положила малыша на стол. Прямо напротив папы.

От сильного удара кулаком по дереву подпрыгнули все тарелки и приборы. Ребенок задергал ручками и ножками. На крик поспешила бабушка. Мама обхватила свою чашку обеими руками, будто та могла упасть. Отец три раза сжал и выбросил в стороны пальцы. Первые два раза суставы хрустнули. Он шумно выдохнул и покачал головой, а потом еще раз ударил по столу и вышел, не сказал ни слова, лишь мельком глянув на сестру. Я слышал, как открылась и захлопнулась железная дверь спальни.

Мама принялась раскладывать тосты, положив каждому, кроме моей сестры.

— А мне? — спросила та.

— Последний кусок там, в пакете, — ответила

мама. — Тостер в шкафу.

Я сидел на полу, скрестив ноги, и подталкивал кактус, чтобы он всегда был в луче солнца.

— Вот тебе витамин D.

Я сложил ладони в пригоршню и тоже долго держал под светом, вдруг мне тоже не хватает витамина, который давала мне каждый день мама. Потом я перевернул руки, прижал ладонями к полу и лег. Теперь глаза мои были почти на уровне пола, и я принялся разглядывать главную комнату нашего дома. Заглянул под стол, под шкафы и холодильник в кухне. Мама что-то стирала в раковине. В подвале была стиральная машина, но она предпочитала стирать руками, говорила, что это полезная нагрузка. Потом мама развешивала белье и одежду в своей спальне, у машинки, которой никогда не пользовалась. Удалось мне посмотреть, что под велосипедом, под диваном и даже папиным креслом. А еще под тумбой, на которой стоял телевизор, и полками с книгами и кассетами. Моей банки со светлячками нигде не было.

Сначала исчез цыпленок.

Теперь и светлячки.

— Хорошо хоть, ты не сбежишь, — сказал я кактусу и вздохнул. В нос ударил запах нашатыря,

которым стирала мама. Это был один из моих самых любимых запахов в подвале.

В общей комнате появился папа, впервые за все время с того инцидента за завтраком. Он даже пропустил обед. Он сразу направился к маме.

— Он так и не появился, — сказал он ей. — А у нас закончились яйца. Конечно, мы знали, что однажды это случится, но не так…

— Здесь мальчик, — перебила его мама. — Вон там, на полу. С кактусом.

Папа резко повернулся.

— Ты как привидение, — сказал он. — Всегда такой тихий.

Я встал на колени.

— Оставь его, — прошептала мама.

— Давай иди к себе, мне надо поговорить с твоей мамой.

Я вытянул руку с горшочком кактуса.

— И что? — спросил отец, мельком глянув на него. — Это растение уже получило больше света, чем ему нужно.

Я покорно вышел из комнаты. Родители подождали, пока я отойду достаточно далеко, и продолжили разговор. Когда я открывал дверь комнаты, кто-то схватил меня за руку. Это оказалась сестра. Она встала у меня за спиной и

положила подбородок на мое плечо.

— Пойдем, — прошептала она.

Мы вошли в ее спальню. Ребенок спокойно спал в колыбельке. Бабушка стояла на коленях у своей кровати, положив руки на матрас. Пальцы ловко перебирали четки. Закрыв глаза, она шептала молитву, я услышал лишь неразборчивое бормотание. Сестра приложила палец к щели на маске, где был ее рот, и потянула меня к своей кровати. Простыня в одном месте топорщилась. Сестра откинула ее и показала мне то, что под ней скрывалось.

Это была моя баночка со светлячками.

Я вздохнул от неожиданности, открыл рот, но сестра опять остановила меня жестом. Бабушка открыла глаза, продолжая повторять имя Того, Кто Выше Всех. Мы с сестрой замерли.

Шарики четок, подталкиваемые пальцами бабушки, бились друг о друга. Под гулко разносившиеся звуки молитвы мы с сестрой на цыпочках прошли к двери. Когда мы уже переступили порог, из комнаты послышалось:

— И не забудьте закрыть за собой дверь.

Мы так и сделали. В коридоре я повернулся в сторону кухни. Родители все еще разговаривали, стоя у раковины. Сестра шлепнула меня по попе

и указала пальцем на дверь ванной.

Мы вошли, и она присела, толкнула спиной дверь и поставила баночку на колено.

— Что это? — спросила она.

Я заглянул внутрь сквозь стекло.

— Что это такое? — повторила сестра. — И что эта склянка делала в кровати моего ребенка?

Я наклонился, поставил кактус на пол и попытался взять из ее рук баночку. Сестра отвела руку в сторону, встала и подняла ее над головой, чтобы я не мог дотянуться.

— Зачем ты положил ее около ребенка?

Я молчал.

— Мне позвать отца и рассказать все ему? Тогда тебе придется ему объяснять, что ты натворил.

Она поднесла лицо к двери и покосилась на меня. Дав мне пару секунд на раздумье, она выкрикнула:

— Па!..

Я зажал ей рот обеими ладонями, вернее, дырку, прорезанную в белой маске.

Сестра вытянула язык, и я ощутил его мокрый кончик у себя между пальцами. Я сразу отдернул руку.

— Что это? — произнесла сестра. — Говори. Тогда это останется нашим секретом. Ты ведь

понимаешь, что это опасно для новорожденного. — Она потрясла банкой. Карандаш несколько раз ударился о стенки.

— Осторожно, — предупредил я. — Ты их погубишь. Сестра уставилась на банку.

— Я спрашиваю, понимаешь ли ты, что рядом с маленьким ребенком не должно быть таких предметов?

Я потупил взгляд, мне стало стыдно. Об этом я совсем не подумал.

— Подними голову и посмотри на меня. Ты подверг опасности новорожденного ребенка.

Губы мои невольно изогнулись.

— И не реви. Пока никто об этом не узнал. А если будешь вести себя хорошо, и не узнает. Я же обещала, что сохраню все в тайне.

— Я больше не буду, — заныл я.

Сестра захохотала, протянула банку и прижала к моей груди. Она отпустила руку так неожиданно, что я едва успел подхватить банку, прежде чем она разобьется об пол. Сестра дернула дверь и удалилась. Один из светлячков подмигнул мне зеленым светом. Второй тотчас ответил. Тыльная сторона одной руки горела, и я решил, что слишком долго держал ее на солнце. Я заметил красное пятнышко на белой коже. Такой белой,

что я подумал: отец прав.

Может, я действительно привидение?

Когда настало время ужина, я забрался на свой стул и удивленно спросил:

— И это все, что у нас есть?

Поковыряв мятый картофель вилкой, я раскидал кучку гороха. Две штуки упали на пол. Я втянул голову в плечи, ожидая, что отец велит мне выйти из-за стола.

— Ешь, — только и сказал он.

Спорить я не стал.

— И это съешь тоже. — Папа указал ножом на картофельные очистки, которые лежали на краю его тарелки.

— Мы никогда раньше не ели картошку вот так.

Мамин нос присвистнул.

— Так намного вкуснее, — ласково сказала она.

Она подхватила пальцами шкурку картофеля и положила в рот. Она жевала и улыбалась, отчего ее щека подрагивала. Сидящий справа брат запихивал в рот желтоватую массу. Некоторые кусочки проскакивали в щель в нижней губе и возвращались на тарелку. Он напоминал мне муху. Взяв кусок в рот, муха выплевывает его вместе со слюной, а через некоторое время всасывает

слюну с почти переваренной пищей.

Я съел все, что было на тарелке, но не был сыт.

— Больше ничего нет? — спросил я, глядя, как отец кладет приборы рядом с тарелкой.

Краем глаза я заметил, как рука бабушки коснулась лба, потом живота и каждого плеча.

— Конечно, есть, — ответила мама и потянулась за седьмой тарелкой, всегда стоявшей между сестрой и бабулей.

Услышав, что делает мама, бабушка схватила ее за руку.

— Не сейчас, — сказала она.

Мама посмотрела на меня и закусила нижнюю губу.

— Прошу тебя, не сейчас.

Мама вернула тарелку на прежнее место и вздохнула. Папа протянул мне свою через весь стол.

— Это ничего не решит, — сказала мама.

— Мальчик будет сыт, — отрезал отец.

— Только сегодня. А что мы будем делать завтра?

— А что будет завтра? — спросил я, жуя шкурку картофеля.

— Ничего, — прошептала мама и улыбнулась мне. — Что будет завтра? — обратилась она к

папе.

— Не знаю, — ответил тот. — Правда, не знаю.

В тот вечер папа разрешил мне остаться смотреть фильм с ними. Я сидел рядом и играл двумя горошинами, упавшими за ужином с моей тарелки.

9

Вернувшись в свою комнату после фильма, я опустился на колени перед тумбочкой. Открыл ящик и увидел у банки еще двух светлячков. Когда я открыл крышку, чтобы впустить их внутрь, в спальню вошел брат. Он забрался к себе наверх, отчего пружины заходили ходуном. Крышка упала на пол. Когда я поднял ее и закрыл, в банке было только три жука.

Один исчез.

Я слышал, как с шумом закрылась дверь спальни родителей. Сестра прошлепала из ванной к себе. Брат выключил свет. В наступившей тишине было слышно, как капает вода в бачке.

Я лежал не шевелясь и смотрел в темноту.

По комнате пролетел огонек и дважды просигналил, опустившись на дверную раму. Я медленно пополз к светлячку, остававшемуся на месте.

— Иди сюда, — прошептал я и вытянул руку. Зеленое пятнышко сползло вниз по двери. Я приоткрыл ее, оставив небольшую щель. Светлячок выпорхнул в коридор. Я на цыпочках пошел следом. Из окна дул ветер и холодил ноги. Скорее всего, два новых обитателя подвала прилетели оттуда. Я двинулся вперед, ведомый полосой света. В гостиной горели сигнальные лампочки на телевизоре и видеомагнитофоне, как два светлячка внутри умершей техники.

Порхающий жук трижды подмигнул и приземлился на кресло отца. Я прыгнул вперед, сложив ладони перевернутой чашей. Сначала мне показалось, что я упустил его, но тут меж пальцев вспыхнул зеленый свет. Я сжал правую ладонь, чтобы насекомое уже не смогло вырваться. Его крылышки щекотали ладонь.

А потом я услышал грохот.

Сердце ударило так громко, что биение отдалось в ушах.

Опять грохот.

Я весь покрылся потом, потому что понял, что это означает.

— Пожалуйста, только не за мной. Не за мной, пожалуйста, — шептал я в темноту.

Впервые услышав ночью эти звуки, я долго

рыдал в подушку, тело оцепенело от страха, и я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Когда я рассказал об этом маме за завтраком, она сказала, что мне это приснилось, ни наверху, ни в шкафу, ни под моей кроватью не живет чудовище. Но папа открыл мне правду.

— Ты слышал шаги Человека-сверчка, — объяснил он. — Это огромный старик с выпученными черными глазами и вывернутыми в обратную сторону коленями. — Он пытался изобразить его и принялся ходить вокруг стола, скорчив страшную гримасу. — И еще у него усики-антенны на голове, когда он входит в дом, они упираются в потолок.

— А зачем он входит в дома? — в ужасе спросил я.

Папа развернул стул и сел, широко разведя колени.

— Потому что он охотится на детей с помощью своих антенн. — Он прижал обе руки ко лбу и помахал ими. — Он носит в руках масляную лампу, чтобы лучше видеть, ловит детей, которые плохо себя ведут, и сажает в мешок.

— А что он потом с ними делает? — пролепетал я. Это было очень интересно.

Отец так близко поднес ко мне свое лицо, что

его волосатая складка почти касалась моего носа, и произнес:

— Он начинает с ног, потом туловище, в конце голова. — Он щелкнул зубами. — Он заглатывает их и трется коленями, издавая треск, как сверчок.

Сейчас, у кресла папы, когда светлячок бил крылышками у меня в ладони, тело мое холодело от ужаса от воспоминаний о том треске, который я слышал после рассказа папы, треске, издаваемом Человеком-сверчком.

В темноте грохнул еще один страшный звук.

Человек-сверчок идет за мной. Он засунет меня в свой мешок, потому что я подверг опасности жизнь новорожденного ребенка, когда поставил в его кроватку банку со светлячками. И потому что все чаще думал о жизни за пределами подвала.

Я затаил дыхание и посмотрел на окно в общей комнате. Решетки исключали мысль о побеге. Я повернулся к двери, которая никогда не открывалась. Пришлось приложить огромные усилия, чтобы заставить ноги двигаться и переместиться в другую часть комнаты. Оттуда мне был виден коридор и полуприкрытая дверь моей спальни. Мне хотелось забежать туда, спрятаться под одеяло и вцепиться пальцами в мягкую подушку.

И тут заскрипели петли двери комнаты родителей.

Я вжался в стену у проема, открывавшего путь в общую комнату.

И опять услышал.

Этот треск издавал Человек-сверчок, когда трется коленями. Я представил, как усики-антенны его подрагивают и царапают потолок, когда он пытается уловить, где я спрятался. Выпученные глаза ищут источник света, чтобы вычислить меня по расположению тени.

Опять бух-бух. На этот раз ближе.

Прижав голову к стене, я посмотрел на свою тень на полу комнаты и услышал стук шагов. Я не сразу понял, что это не шаги, а мои зубы, но быстро закусил губу, чтобы не издавать ни звука.

Человек-сверчок открыл дверь в комнату бабушки. Значит, он пришел не за мной, а хочет украсть ребенка. Ноги мои стали каменными, и я не мог пошевелиться.

Не знаю, сколько прошло времени, но в дверях опять появился силуэт. Я представил, что в мешке чудовища лежит мой племянник, лицо его поцарапано волосатыми ногами Человека-сверчка.

Ребенок заплакал.

Однако звуки доносились изнутри комнаты.

Значит, ребенок вне опасности.

Петли железной двери спальни родителей опять скрипнули, и словно по их команде мое тело обрело способность двигаться. Я оторвался от стены и бросился к себе в кровать. Упав на матрас, я одной рукой натянул простыню до самого лба, потому что в другой все еще держал светлячка.

— Ты прости меня, прости, прости, — зашептал я. — Я не хотел сделать плохо малышу. Пожалуйста, не приходи за мной.

Покрывавший мое тело пот стал ледяным. Кто-то смотрел на меня из темноты комнаты, я отчетливо ощущал это и даже слышал дыхание. Услышав первый звук, я закрыл глаза. В комнате раздался смех. Я сразу узнал гортанный смех моего брата.

— Страшно? — спросил он и опять загоготал.

— Замолчи, он найдет нас из-за тебя.

— Кто? — сквозь смех спросил он.

— Человек, который иногда приходит, — ответил я шепотом.

Брат затих.

— Отец рассказал тебе о нем? — помолчав несколько секунд, спросил он.

— Конечно, давным-давно.

— Давным… — он сглотнул, — давно?

Брат замолчал.

— А ты не знал? — спросил я. — Человек-сверчок забирает детей, которые плохо себя ведут.

Брат опять загоготал.

— Ах да, он мне рассказывал.

Он смеялся так громко, что я не сдержался:

— Замолчи. Он ведь меня найдет.

Брат хохотал, пока не начал задыхаться, потом закашлялся. Пружины его койки скрипели.

И вдруг дверь спальни отворилась.

Человек-сверчок меня нашел.

Вспыхнул свет. От испуга я накрылся с головой простыней.

— Что происходит? — раздался голос мамы.

Я облегченно вздохнул и ответил:

— Мне страшно.

— Не с тобой, с твоим братом. — Наверху тот все еще хохотал и кашлял, хохотал и кашлял. — Ты успокоишься? — грозно спросила мама и направилась к нашей двухъярусной кровати.

Я осторожно высунулся из-под простыни и увидел маму от талии и ниже, остальная часть тела была на уровне койки брата. Он уже не смеялся, только кашлял так сильно, что почти задыхался.

— Прекрати! — выкрикнула мама. Я услышал, как она несколько раз шлепнула его пониже

спины. — Сейчас же прекрати! Твой брат должен спать.

Кашель стихал.

— Что его разбудило? — грозно спросила мама и, не получив ответа, наклонилась ко мне. — Ты давно не спишь? Что ты слышал?

Мне было страшно, но я ответил:

— Я видел Человека-сверчка.

— Ты выходил из комнаты?

Светлячок, которого я искал, все еще был у меня в руке.

— Нет, — соврал я.

— Тогда где ты его видел? Здесь, в спальне?

Я покачал головой.

— Конечно, ты не мог его видеть, — произнесла мама. — Ведь его не существует. Ты же знаешь.

— Он существует! — заорал сверху брат.

Мама толкнула его.

— Не шуми, — велела она. — Все это сказки.

Мама подоткнула растянутую футболку между ног и села на край моей кровати, сложив руки на животе.

— Таких людей не бывает, — повторила она. — И никто тебя не украдет. Это твой дом, здесь нет никакой опасности. Сейчас я принесу тебе стакан молока, ты выпьешь его и заснешь. Понял?

Я неуверенно кивнул.

Я лежал тихо и вспоминал увиденный в коридоре силуэт. Потрескивание коленей, вывернутых в обратную сторону. Все было так же, как после рассказа папы о Человеке-сверчке. Тот же треск я слышал в документальном фильме о насекомых. Он появлялся тогда, когда в кино наступала ночь. Дрожь побежала по всему телу и добралась до самой шеи, будто живой сверчок карабкался по моей спине.

Вернулась мама со стаканом молока. Она протянула его мне, и я сжал его одной рукой. Не хотел, чтобы она увидела моего светлячка.

— Я подожду, пока ты выпьешь все до конца, — назидательно сказала мама.

Я выпил почти залпом.

— Странный у него вкус, — сказал я.

Мама опустила голову.

— Наверное, стакан плохо вымыла. А теперь спи.

Она взяла стакан, дождалась, пока я лягу, и накрыла меня.

— Мне все равно страшно, — прошептал я. — Вдруг я не смогу заснуть.

Пришлось долго ждать, пока уйдет мама и заснет брат. Наконец он захрапел наверху, и я

положил светлячка в банку. Мне хотелось надеть сухие трусы, но я, видимо, заснул, едва подумав об этом, потому что, когда открыл глаза, моя семья уже собралась в кухне. В подвале пахло кофе и тостами. Разжав руку, я увидел раздавленную горошину.

10

Тостер выбросил хлеб, приветствовав меня в кухне. Мама подогревала молоко. Рядом на столешнице в гнезде из серого картона сидели двенадцать яиц.

— Восхитительный запах, — сказала мама. — Я знала, он нас не оставит.

— А вот и мальчик, — громко сказал папа, и мама повернулась.

— Иди сюда, я тебя обниму! — воскликнула мама, нагибаясь.

Брат, сестра, папа — все тоже обнимались.

— Этому здесь не место, — сказал отец, взял пакет риса, который брат сунул в верхний ящик, и переложил в третий снизу.

Я отодвинул стул и увидел на сиденье мешок картошки.

— Подожди. — Мама подошла и взяла его, чтобы я сел. — Видишь, ночью ты все же смог заснуть.

Я кивнул и потер глаза ладонью.

— Не слушай отца, — прошептала она прямо мне в ухо. — Сказку о Человеке-сверчке придумали специально, чтобы заставить детей слушаться.

— Но я его видел.

— Я все слышу, — произнес стоящий у холодильника папа. — Ты точно его видел. Он ведь существует на самом деле. И ходит вот так. — Он присел и сделал несколько шагов по кухне, попутно положив связку лука на полку у вытяжки в стене. — Только колени его сгибаются в другую сторону.

Мама подняла мою голову за подбородок, повернула к себе и покачала головой. Со стоном выпрямившись, она подхватила картофель и убрала в шкаф.

Вся моя семья расселась за столом.

— Кому было страшно прошлой ночью? — спросил папа, занимая свое место. — Кажется, это был не малыш. — Он жестом указал на сестру, впрочем не глянув в ее сторону. — Сначала орет ребенок, потом сын. Что происходит в этом доме?

— Я не плакал, — сказал я.

— Нет? Тогда почему маме пришлось тебя успо-

каивать?

— На самом деле я успокаивала твоего старшего сына, — вмешалась мама. Она поставила в центр стола миску с вареными яйцами и села. — Он смеялся и не мог остановиться.

— Давайте поедим, — фыркнула сестра. — Очень есть хочется.

Отец взял столовые приборы.

— А где бабушка? — шепотом спросила мама. — Может, я схожу за ней?

Сестра потянулась и взяла яйцо. Отец хлопнул рукой по столу, будто убил комара.

— Мы не будем есть, пока не придет бабушка, — сказал он.

— А ты уверен, что она придет? — осторожно спросила мама.

— Уже иду, — раздался из коридора голос бабули.

— Уверен, — сказал отец.

— Вы меня все слышали, — донеслось из коридора. Сначала зашаркали ее тапки, потом и она сама появилась в дверях. На ней была ночная сорочка, в которой она всегда завтракала, только потом она переодевалась и надевала ее снова перед тем, как лечь спать. Седые волосы, всегда зачесанные так, чтобы скрыть плеши после по-

жара, сейчас падали на лицо. С двух сторон на голове зияли лысины.

— Что с твоими волосами? — спросил отец. — Мы ведь все здесь.

Бабушка быстро поправила их, как могла. Мама хотела встать, но бабуля ее остановила:

— Не беспокойся, я сама справлюсь.

Усевшись, она пригладила пряди и постаралась улыбнуться, хотя ей удалось лишь создать еще одну складку на опухшем лице.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил отец.

— А что у тебя с глазами? — поинтересовался брат.

Бабушка глубоко вздохнула и принялась нащупывать край тарелки. Затем перенесла руку вправо и коснулась седьмой тарелки. Когда она понимала, что мама опять накрыла на семерых, всегда улыбалась, но сегодня подбородок ее задрожал.

— Давайте завтракать, — сказал папа.

— Да, давайте, — поддержала бабушка. Губы ее были неестественно красными, глаза и нос опухли.

— Тебе грустно? — спросил я.

Бабуля поставила чашку на стол и промокнула

губы тканевой дырявой салфеткой.

Мама давно объяснила мне, что дырки проела моль, и я долго искал личинки и яйца по всему подвалу. Я хотел накормить их своей одеждой и смотреть, как они растут. Но мама разложила во всех шкафах нафталин, потом несколько дней в подвале пахло только им.

— Вы разве не видите, что бабуле грустно? — обратился я ко всей семье.

Мама опустила голову.

Бабушка положила салфетку на колени. На ее лице я увидел смущение и отчаянную попытку улыбнуться.

— Тебя обидел Человек-сверчок? — спросил я. — Я видел, как он заходил к тебе в комнату.

На глазах бабушки появились слезы.

И тут из спальни донесся плач ребенка.

— Ты оставила его там? — спросил отец.

Бабушка заморгала, словно только вспомнила, что в доме есть младенец.

— Принеси своего сына, — велел отец сестре.

Та поставила на место банку, служившую нам сахарницей, ложка звякнула, задев ее край. Сестра повернулась к бабушке, приставила палец к своему виску и покрутила.

— Не смей так делать, — укорил отец.

— Как? — спохватилась бабушка.

— Никак, — ответила ей сестра. — Я ничего не сделала. Пойду посмотрю, что с ним.

Она положила еще ложку сахара в кофе и закрыла банку крышкой. Постояв несколько секунд, сестра опять села и положила локти на стол.

— Может, ты сходишь? — обратилась она ко мне.

— Я? Но почему я?

Сестра взяла сахарницу и принялась ее разглядывать. Она была похожа на мою банку со светлячками.

— Ну, если ты не хочешь… — Она поставила банку на стол и провела по крышке пальцем. — Тогда я могла бы…

— Ладно, — перебил я, догадавшись, что сестра меня попросту шантажирует. — Я схожу.

Она улыбнулась и отставила банку с сахаром.

— Если он плачет от голода, принеси его сюда.

Брат отодвинулся на стуле так, чтобы преградить мне дорогу.

— Она должна идти, а не ты, — сказал он.

Я попытался обойти его, но он отодвинулся еще дальше от стола.

— Мне все равно, кто пойдет, — смешался отец, — только идите уже. Не могу выносить его

крик.

Младенец рыдал и тянулся руками к потолку, будто хотел, чтобы Человек-сверчок нашел его и унес. Я положил руку на животик племянника и стал раскачивать в стороны. Малыш успокаивался. Я поднес палец к самому его рту, он схватил его губками и стал посасывать. Вскоре на лице появилось выражение полного разочарования.

Я заметил в одном месте большой бугорок под простыней и сделал шаг в сторону. Сначала я решил, что ребенок сучит ножками, но понял, что расстояние до бугра слишком большое. Не могла же одна часть его тела отделиться и существовать сама по себе. Бугорок переместился в угол кроватки. Я встал на цыпочки, чтобы взять племянника на руки. Прежде чем я успел поднять его, нечто вскарабкалось ему на грудь. Простыня справа расправилась и теперь лежала ровно на матрасе, но выпуклость появилась на груди ребенка, большая, как второе тело.

Я не успел ничего понять и разглядеть, но ощутил, как руку мою щекочут чьи-то усы, между пальцами просунулся серый нос, дернулся и попытался дотянуться до подбородка ребенка. Мой племянник просто отвернул голову.

И тут из-под простыни выползла крыса. Она

засеменила по щеке младенца, утопая лапками в мягкой плоти. Передние лапы нашли точку опоры на носу малыша, а задние около уха, и животное остановилось. Когти впились в кожу ребенка, и тот громко закричал. Крыса махнула хвостом и опустила кончик прямо на губы малыша. Нос тем временем стал обнюхивать его левый глаз, почти касаясь длинных ресничек.

Я дрожащими руками попытался поднять младенца. От напряжения заболели мышцы на спине.

Крыса пробежала по головке племянника, неестественно изогнула шею и спрыгнула в кроватку. Хвост мелькнул между рейками, потом в углу комнаты. Я поцеловал племянника в лобик и прижал к груди, придерживая голову сзади, чтобы шея держалась ровно. На лице у него появились две капельки крови.

— Этот ребенок когда-нибудь замолчит? — выкрикнул из кухни отец.

Я сел на пол, прислонившись спиной к кровати бабушки, и большим пальцем вытер капли крови.

— Разве так трудно его успокоить? — спросил отец.

— Если он голоден, неси его мне, — добавила

сестра.

От шока у меня сжалось горло, не позволяя что-либо ответить. Я сидел и ждал, пока наконец не услышал шаги бабушки.

— Что случилось? — спросила она из коридора.

Пройдя в комнату, она наткнулась на меня и удивленно вскинула бровь.

— Эй, что с ним? — спросила она, опускаясь на колено, и коснулась рукой малыша. — Все хорошо?

Я сглотнул ком в горле, открыл рот, но не смог ничего сказать, потому опять просто сглотнул.

— Крыса, — наконец пролепетал я сухими губами.

— Не может быть! — вскрикнула бабушка и прижала малыша к своей груди. — Где она была?

— В кроватке, — сказал я. — Огромная крыса, она забралась под простыню. Потом пробежала по его лицу. Бабуля, она его поцарапала.

В комнату вошла мама, за ней отец и брат. Все столпились вокруг нас.

— Что случилось? — спросил папа.

— Спрашиваешь, что случилось? — Бабушка передала ребенка маме и поднялась на ноги. — Крыса, — сказала она, почти коснувшись носом лица папы. — Я же говорила тебе, они не дадут

нам житья.

— Крыса? — Мама закрыла рот ладонью.

— Я же положил в угол яд. — Отец покрутил головой. — Может, надо больше, но из-за промедления…

— Кончено, вини во всем его, — перебила бабушка. — Он принес еще яд?

Не сказав ни слова, отец вышел, столкнувшись в дверях с сестрой. Она поправила прядь, зажатую маской, и оглядела кончики волос.

— Что происходит?

Брат взял ее за руку и потащил к ребенку, которого маме так и не удалось успокоить. Брат толкал ее в спину, пока она не упала на колени.

— Не трогай меня! — возмутилась сестра. — Отойди! Не прикасайся ко мне.

Пальцы брата, сжимавшие ее запястье, стали белыми.

— Надо лучше присматривать… — Он стал задыхаться и несколько секунд молчал, удерживая извивавшуюся сестру. — Надо лучше присматривать за ребенком, — выпалил он.

Сестра захныкала, в точности как ее сын.

— Оставь ее, — приказала мама. — Ее вины в этом нет.

— Просто случайность, — добавила сестра. — В

этом подвале полно крыс.

Брат отшвырнул ее руку. Сестра принялась тереть запястье.

Вернулся папа.

— У нас есть еще коробка. — Он встряхнул ее, чтобы бабушка услышала. Коробка была красная, похожа на ту, в какой лежала крупа для каши, только меньше. Внутри желтого круга была нарисована голова крысы.

— Может быть, кто-то принесет мне аптечку из ванной? — сказала мама и подула на личико ребенка.

Сестра поднялась с пола и села на кровать. Она вытащила еще одну прядь волос из-под резинок маски и принялась разглаживать ее двумя пальцами.

— Он твой сын, между прочим, — сказала ей мама. — Забыла?

— У него еще есть и отец, — ответила сестра.

Я бросился в ванную за аптечкой. За моей спиной в спальне кто-то вскрикнул. Потом я услышал громкий шлепок.

* * *

Днем я вошел в общую комнату и сел рядом с мамой на коричневый диван. Она зашивала одну

из папиных рубашек. На подлокотнике стояла коробка со швейными принадлежностями, ее мама доставала, чтобы помочь моей сестре после родов. Это была очень старая коробка из-под датского печенья. Так было написано на крышке. За нами брат крутил педали на велотренажере, одна из них каждые пять секунд задевала металлическую раму.

Я оглядел мамино лицо в профиль. С этой стороны его изменил огонь. Однажды я застал ее в кухне разглядывающей фотографию. Она касалась ее кончиками пальцев. На ней мама была прежней, до того, как мы спустились в подвал. Она стояла на большом валуне, сжимая коленями юбку. Вокруг взлетала в воздух белая пена от сильных волн, должно быть, одна из них позже обрызгала маму.

Присев, она показала мне снимок. Увидев гладкое лицо с красивыми, правильными чертами, я выхватил рамку и бросил ее на пол, стекло разбилось. Мне казалось, что передо мной маска, как у сестры, скрывающая мамины шрамы.

Подсев к маме на диване, я положил руку так, чтобы она не двигалась, и поцеловал в щеку. Мне нравилось, когда ее глаз закрывался, нравилось прикосновение бугристой кожи, когда

она целовала меня перед сном в лоб, нравилось изуродованное веко, на котором появлялись складки, когда она сосредоточенно штопала локоть на рубашке.

Мамин нос присвистнул, когда я поцеловал ее.

— Вчера Человек-сверчок приходил за мной? — спросил я, прижав губы к самому ее уху.

Плечи ее опустились, руки легли на колени поверх рубашки. Потом мама убрала нитки и иголку в железную коробку. Я провел рукой по складке между двумя суставами пальцев, потом по кружочку обгоревшей кожи у основания большого и широкому шраму на запястье.

— За тобой?

Я кивнул.

— Зачем ему за тобой приходить?

Я вспомнил о банке со светлячками, спрятанной в ящике, и том, как серьезно мог навредить ребенку, поставив ее в кроватку. А потом и свои фантазии о жизни наверху.

— Потому что… — Я замолчал. Испугался.

— Скажи, как старик, который вообще не существует, может украсть тебя и спрятать в мешок?

Мама щелкнула меня по носу.

— Я видел его.

— Ты уверен?

Я вытаращил глаза и закивал.

— Ты уверен-уверен, что уверен?

Я знал, что мама шутит, чтобы меня запутать. Но я отчетливо видел мешок, антенны, царапавшие потолок, слышал грохот шагов и треск, когда он терся коленями.

— Я уверен-уверен. Может, он приходил за ребенком?

— За ребенком? А что плохого мог сделать малыш?

Я пожал плечами, не найдя ответа. И тут мне в голову пришла мысль.

— Мама, а вдруг Человек-сверчок — отец малыша?

Она странно подалась вперед, уронив голову, словно шея ее в одно мгновение стала мягкой, как картофельное пюре, и повернулась к брату, чтобы убедиться, что он не слышит наш разговор.

— Ты говоришь глупости, — сурово зашептала мама, глядя мне прямо в глаза. — Если бы тебя услышал отец… Сынок, прошу, послушай меня. Человека-сверчка не существует. Его нет. Тебе ничто не угрожает.

— Но, мама, я его видел.

— Человека-сверчка не существует. И ты даже не знаешь, откуда берутся дети, до этой страницы

мы еще не дошли.

— Уверен, этот процесс мало отличается от размножения у насекомых, а я много читал об этом в своей книге.

Мама улыбнулась. Глаз ее закрылся.

— Поверь, сынок, очень отличается.

Мама расправила рубашку и опять достала из коробки иголку и нитки. Коробка скользнула по подлокотнику и перевернулась. Увидев рассыпавшиеся сокровища, я стал перебирать содержимое.

— А это что?

— Твои молочные зубки. — Маленькая коробочка выскользнула из моих рук и покатилась по полу. Крышка отскочила, и зубы разлетелись в стороны. Брат остановился, но не слез с велосипеда.

— Иди, иди, — сказала мама. — Я сама все соберу. Еще не хватало выколоть глаз иголкой.

Я тайком схватил один зуб, пока мама не видела, и выбежал из комнаты.

В коридоре папа разговаривал через дверь с сестрой в ванной комнате. Внутри лилась вода.

— Надень, — сказал папа.

— Мне надо умыться, — послышался ответ.

— А мне надо разложить это в ванной. — Отец

потряс коробкой с крысиным ядом.

— Тогда входи.

— Я не хочу любоваться твоим лицом. — Папа увидел меня и руку, теребившую резинку трусов. — И твой брат не хочет, — добавил он, подмигнув мне. — Ему тоже надо в ванную, но он не сможет войти, пока ты не прикроешь дырки, что у тебя вместо носа.

Я выпрямился и замер, прислушиваясь к журчанию воды.

Дверь приоткрылась, сестра просунула руку и взяла у папы коробку. Он так и остался стоять с вытянутой рукой.

— Я сама разложу, — сказала она.

Брат в комнате перестал крутить педали и спрыгнул. Пол подрагивал, когда он маршировал по кухне. Как всегда, что-то насвистывая.

Я проглотил слюну и сжал трусы спереди.

— Твоему брату надо в туалет! — выкрикнул отец. — Немедленно надень маску.

Я услышал, как щелкнули резинки.

— Вот, молодец, — улыбнулся папа и пропустил меня вперед. — Теперь можешь войти.

Отец подождал, пока я устроюсь около унитаза.

Сестра зацокала языком.

Из комнаты послышался голос мамы:

— Прошу, заставь его прекратить. — Она имела в виду моего брата.

Папа взял стоящую на краю раковины коробку с ядом и положил на бачок унитаза.

— Ты разложишь яд, — сказал он мне. — Этой, которая в маске, я не доверяю. Один кубик под этот шкаф. — Он указал на тот, что стоял под раковиной. — И один под тот. — Отец ткнул пальцем в шкаф с полотенцами. — И один за дверь. Ты понял?

Я кивнул.

— И потом тщательно вымой руки, — добавил папа. — А то свалишься мертвым где-нибудь в уголке.

Он зашагал по коридору в кухню, где все еще маршировал, насвистывая, мой брат.

Я вытащил несколько кубиков яда из коробки. Они были бледно-голубые. Сестра следила за мной в зеркале, как я раскладываю отраву точно туда, куда велел папа. Она ударила несколько раз по струе воды, разбивая ее на брызги, и отражение маски словно размыло дождем. Когда я положил последний кубик за дверь, сестра капризно произнесла:

— Теперь я могу умыться?

Я кивнул и вышел из ванной. За мной хлопнула дверь — сестра толкнула ее изо всех сил.

Я передал коробку с ядом папе, который уже занял место на велосипеде. Он пристроил ее между балками на раме.

Возвращаясь в свою комнату, я увидел за окном две горящие зеленые точки и опасливо огляделся. На мгновение в рамке дверного проема появилась мамина рука, от которой тянулась черная нить. Дверь в бабушкину комнату была закрыта, после завтрака она больше не выходила.

Два жука кружили за окном, прилипая иногда к стеклу, будто хотели заглянуть внутрь. Я открыл окно, и они опустились мне на ладонь.

— Вы прилетели сверху, так ведь? — спросил я.

В нашей спальне брат молча сидел на краю кровати. Штанины пижамы были заправлены в носки, он продолжал насвистывать марш через рассеченную губу. Увидев меня, он раскинул руки, как мужчина на кресте бабушкиных четок, потом поднялся и остался стоять не шевелясь.

11

Бабушка с нами не ужинала. Мы ждали ее, как и раньше за завтраком, но вскоре над тарелками с супом растекся ароматный пар, и папа разрешил

нам приступать. На этот раз за дары Того, Кто Выше Всех, благодарила мама. Когда бабуля все же выбралась из своей комнаты, мы уже облепили диван со всех сторон, с экрана телевизора на нас падал свет, отраженный от снега в кино. Настало время, когда вся семья смотрела фильм.

Бабушка пошаркала к дивану и села, сложив руки на коленях. Я лежал на полу совсем рядом и сразу почувствовал запах пудры. Папа, как всегда, развалился в любимом полосатом кресле, вытянув одну ногу и положив другую, согнутую, на колено. На животе его стояла миска с арахисом, и он ловко разламывал стручок большим пальцем.

Брат спросил, можно ли ему вставить кассету в магнитофон. Он помахал ею, как драгоценным трофеем, и плюхнулся на пол у тумбы с телевизором. Мебель в комнате задрожала. Брату удалось выполнить желаемое с третьей попытки. Сестра захлопала в ладоши.

Она тоже сидела на полу и укачивала ребенка. Малыш, к счастью, спал. Стоящая рядом мама вытирала тарелки и легонько шлепнула сестру полотенцем по голове, чтобы та не насмехалась над братом.

— Осторожно, у меня на руках ребенок, — воз-

мутилась сестра и повернулась к маме спиной, будто защищая сына.

— Да брось ты! — усмехнулась мама и опять шлепнула ее полотенцем.

— Мама! — взвизгнула сестра.

Та улыбнулась и пошла к раковине. Она редко смотрела фильм, сидя вместе со всеми, как правило, ходила туда-сюда. Или вытирала посуду. Или обсуждала что-то с бабушкой, или отбирала картофель для обеда на завтра. Или стояла у дивана и грызла ногти, следя, чтобы они не падали на пол. Она хранила их во рту, пока не доходила до последнего пальца, а потом выплевывала в мусорное ведро. Ногти у мамы всегда были в зазубринах и походили на маленькие пилы.

— Включайте, я сейчас подойду! — крикнула она из кухни.

Но мы знали, что она не сядет.

— А можно и мне посмотреть? — спросил я, не отрывая щеку от пола. Я лежал, раскинув руки в стороны. Мне нравилось ощущать прохладу керамической плитки.

Папа перестал чистить арахис.

— А какой фильм ты выбрал? — спросил он брата.

Тот посмотрел на магнитофон, потом на меня и

ухмыльнулся. С экрана на его лицо падали синие полосы. Брат встал и направился к креслу папы. Название он прошептал ему на ухо.

— Нет, тебе нельзя, — заключил отец. Отшелушив орешек, он бросил его в рот.

— Давайте посмотрим другое кино, — предложила бабушка.

— Не важно, ему уже пора спать. Он чуть не заснул.

Бабуля повернулась к маме. Я видел, как натянулась черная кожа на ее шее.

— Он прав, — сказала мама и просунула палец между губ. — Пора спать.

Она подошла ко мне и потрепала по голове.

— Пойдем.

Сестра подняла голову.

— Возьми с собой ребенка.

Словно поняв, что сказала мать, малыш заплакал.

— А сейчас что ему не нравится? — Она подняла ребенка на вытянутых руках и стала разглядывать. Глаза в прорезях маски стали узкими, как щелочки. Ножки младенца висели над самым полом, он сучил ими, тряс головкой и одновременно кашлял.

Бабушка быстро опустилась рядом с сестрой,

подхватила малыша, положила себе на грудь и похлопала по спинке.

— Что с ним? — вытянула шею мама.

Бабушка опять несколько раз шлепнула ребенка по спине, и он срыгнул. Так громко, совсем как взрослый.

Брат загоготал. За ним сестра.

Папа крякнул, откашлялся, подавляя смех, и бросил в рот орешек. Шелуха прилипла к его нижней губе, но потом упала обратно в миску, когда папа стал жевать. Мама улыбнулась, шумно выдохнув через нос. Я не выдержал и рассмеялся. Даже бабуля улыбнулась, на этот раз по-настоящему: стали видны ее белые зубы, а бровь, которая почти без волос, поднялась на середину лба.

Мы смеялись, как настоящая большая семья, а музыка из телевизора нам аккомпанировала. Я посмотрел на экран и увидел фигуру женщины, поднимающую факел к облакам.

— Так, — сказал папа, — довольно. Фильм начинается. Иди и забери ребенка.

— Она сама может его отнести, — вмешался брат.

— Не начинай, — оборвал его отец. — Твой брат с этим справится.

Я взял младенца из рук бабушки. Она погладила меня по щеке.

— Какой ты замечательный мальчик, — сказала она очень странным голосом. — А за меня не беспокойся. Я почти пришла в себя.

Я вышел из общей комнаты с малышом на руках. За спиной хрустнула скорлупа арахиса, я услышал первую реплику и сразу понял, что это за фильм.

Я остановился у комнаты бабушки и сестры. Сзади, в общей комнате, вспыхнул яркий свет. Я посмотрел на закрытое окно в конце коридора. Когда свет разлился снова, я увидел в нем свое отражение и пошел к нему. Непривычный свет изменил формы и разбросал по стенам странные тени. На мгновение я будто ослеп и уже не видел привычный коридор. Свет погас и вспыхнул снова, позволяя увидеть себя в окне. Я действительно похож на привидение, о котором говорил папа.

Привидение, заглядывающее в дом снаружи.

Малыш в моих руках зашевелился. Он прижался лбом к моему плечу, издавая странный звук, похожий на воркование. Сделав еще несколько шагов, я встал совсем рядом с окном. Потом открыл его и поднял ребенка так, чтобы он видел темноту. Вспышка света от экрана позволила мне

отчетливо разглядеть, что за решетками ничего нет. Коробка внутри коробки.

Легкий ветерок дунул в щель, и ресницы малыша дрогнули. Он вытянул губки, привычно ища грудь.

— Это ветер снаружи, — объяснил я и прижался к его щеке. — Чувствуешь, он пахнет совсем иначе. Я не понимаю чем. Ты понюхай.

Я закрыл глаза. Мягкая кожица племянника приятно грела щеку. Его крошечное сердечко билось под моей рукой, прижатой к его тельцу. Я ощущал, как он вдыхает и выдыхает, наполняясь воздухом, прилетевшим оттуда, где ни ему, ни мне никогда не побывать. Я тоже глубоко вдохнул влажный воздух. Грудь малыша приподнялась под моей рукой.

Мы дышали дуэтом.

Открыв глаза, я подцепил пальцем маленькую ручку племянника, и он сразу сжал его. Потом он обхватил другой ручкой решетку, наверное решив, что это тоже палец, но сразу отпустил и потянулся куда-то между прутьями. Потом поднял вторую ручку и стал тоже тянуться вперед, к неизвестности за окном, сжимая и разжимая кулачки.

— Тебе туда нельзя, — прошептал я.

Младенец скривился, готовясь заплакать, и открыл рот, показывая мне беззубые десны. Когда раздался крик, я прикрыл его рот ладонью.

— Тсс, нас может услышать папа.

Малыш задрыгал ножками и закрутил головой, пытаясь освободиться и плакать во весь голос. Я попытался успокоить его, стал тихо нашептывать на ухо, но в этот момент из телевизора донесся дикий женский крик.

— Послушай, — сказал я. — У меня есть идея. Только не надо плакать.

Я поднял его и стал держать прямо напротив окна. При следующей вспышке света мы отразились в стекле вместе.

— Смотри, мы с той стороны, снаружи.

Глаза малыша распахнулись. Я улыбнулся части себя, которая была не в подвале. И она улыбнулась мне в ответ. Свет внезапно погас, и наши отражения исчезли.

Мы опять были в темноте. Заложники подвала.

Совсем рядом свистнул мамин нос.

— Ты действительно так хочешь уйти отсюда? — спросила она, встав за спиной.

От страха я лишился дара речи.

Из гостиной папа спросил маму, остановить ли

ему фильм.

— Нет, не стоит. Я буду в ванной. Мне все равно не очень интересно. — Мама взяла из моих рук ребенка. — Иди в кровать и жди меня, — прошептала она.

Прежде чем лечь, я пожелал спокойной ночи светлячкам, несколько раз стукнув пальцем по стенке банки. Их ответом стало яркое перемигивание. Я не забыл проверить, на месте ли скорлупка. Цыпленка по-прежнему рядом не было. Я смотрел в потолок, все еще видя перед глазами волшебные огоньки.

Они исчезли до того, как мама вошла в комнату. Она села на край кровати и тщательно подоткнула под меня простыню с обеих сторон, натянув ее до самого моего подбородка. И поцеловала, как всегда, пощекотав грубой кожей.

— А куда там можно идти? — спросил я.

Мягкая ткань простыни дарила тепло и уют. Мама несколько раз моргнула, глаза ее закрывались попеременно. Сначала тот, что над обожженной щекой, потом над здоровой.

— Что? — спросила она.

— Снаружи есть место, куда идти?

— Ты хочешь в туалет? — Мама покосилась на дверь.

— Нет же, ма. — Я знал, она специально делает вид, будто не понимает. — Ты спросила, хочу ли я уйти отсюда?

— А какое имеет значение, есть ли там куда идти?

Она провела большим пальцем по моим бровям и добавила, понизив голос так, что он больше походил на шепот:

— Человек полетел на Луну, не зная, что там найдет. И ты тоже хочешь? Ты бы ушел из подвала, если бы мог? — Некоторые звуки невозможно было разобрать, вместо них я слышал лишь свист.

— Один?

— Да, только ты.

Поддавшись внутреннему порыву, я спросил неожиданно для себя:

— С ребенком?

Мама ответила не сразу.

— Нет. — Она покачала головой.

— А как я отсюда выберусь? На окнах ведь решетки. А о двери в кухне папа сказал неправду. Она всегда была закрыта.

— Сынок, я спросила тебя не об этом. — Представь, что ты можешь выйти. Допустим, у меня есть волшебный мелок. — Она подняла руку,

будто сжимала что-то пальцами. — И я могу нарисовать дверь в потолке. Она выведет тебя наружу. Ты бы ушел?

В щель двери пробрался луч света из коридора и осветил мамино лицо.

— А ты пойдешь со мной?

— Нет.

— А бабуля?

— Нет, она не сможет.

— И папа?

— Только ты один.

Я закрыл глаза и задумался, теребя от напряжения угол подушки. В нос ударил запах морковного супа, разлетавшийся по подвалу вечером. Я ощутил прикосновение мягкого полотенца, в которое мама заворачивала меня после ванны. Вспомнил, как мы весело смеялись, собравшись всей семьей у телевизора. Я подумал о бабушке, глубоко вдохнул и почувствовал запах пудры.

Я резко открыл глаза. Одно дело — смотреть на свое изображение в окне и представлять, что ты снаружи, и другое дело — по-настоящему там оказаться.

— Нет, — ответил я.

— Ты бы не ушел из подвала, если бы смог? — Свет озарил комнату. Мамины глаза смотрели на

меня из большой тени.

Я замотал головой.

— Точно?

— Точно. — Откинув простыню, я сел и обнял маму. — Я хочу всегда жить с тобой.

Грудь ее поднялась и опустилась, нос присвистнул, забурлил, и мама резко вдохнула. Я отстранился от нее. В комнате опять было темно, поэтому я видел лишь очертания ее головы и плеч. Вытянув руку, я прикоснулся к ее глазам — мокрые.

— Почему ты плачешь?

— Я не плачу. — Она махнула рукой, отмахиваясь от моих пальцев, как от мухи. — Тебе пора спать.

— Нет, ты плачешь, — не унимался я.

Мама обняла меня, прижала очень крепко и прошептала в ухо:

— Я плачу от счастья.

Я попытался опять потрогать ее глаз, но промахнулся и провел рукой по обожженной коже на щеке.

— Все, хватит. Ложись.

Мама опять тщательно укрыла меня и вышла. Я лежал в темноте и мысленно представлял, как ее рука снова и снова касается меня и нежно

гладит.

12

В последующие дни появились еще светлячки.

Каждый раз, когда я разглядывал окно между решетками, а это случалось все чаще, прилетал хотя бы один. Некоторые подлетали прямо к банке, где жили их собратья. Однажды днем я увидел двух жуков на папином ящике с инструментами, потом нескольких на календаре. Вскоре в моей банке было уже девятнадцать светлячков. Я выключал свет, и моя живая лампа освещала всю комнату.

Иногда ночью, лежа без сна, я поднимал простыню и видел зеленоватое свечение в изножье. Оно пробивалось из ящика через щель, даже когда он был закрыт. Брат храпел наверху, ему не было до этого волшебства никакого дела, я же был очарован им, мне казалось, светлячки специально принесли лучики солнечного света, чтобы я тоже мог им любоваться. Мне приятно было так думать, хотя я знал, что жуки сами производят свет благодаря химическому взаимодействию элементов в их телах.

В ту ночь на меня забралась крыса.

Сначала я почувствовал странное шевеление

на груди. Затем ниже, на животе. Потом еще ниже, в паху. Я понял, кто это, прежде чем существо проползло по моим ногам до самых ступней. Крыса изучала мое тело и больно царапала коготками.

Я вывалился из постели и с грохотом упал на пол, не переставая трясти ногами. Животное прошлось вдоль полоски оранжевого света, появившейся под дверью.

Я понял, что кто-то проснулся.

Выбравшись в коридор, чтобы позвать на помощь, я услышал голоса в общей комнате. Приглушенное бормотание, но я узнал интонации бабушки и мамы. Я сделал несколько шагов, и тут в разговор вступил низкий голос — папа. Я замер на месте, не зная, как поступить.

Я стоял посреди коридора и размышлял, когда несколько долетевших до моих ушей слов заставили меня прислушаться. Отец произнес мое имя, задавая вопрос. Бабуля ему ответила, но я ничего не разобрал. Любопытство подтолкнуло меня вперед.

Я сделал осторожный шажок.

Потом еще один.

Я крался, разведя руки в стороны, чтобы удержать равновесие, и затаив дыхание. На стене

темнели три тени. Сейчас я мог слышать разговор отчетливее.

— …Луне. Но он больше не хочет уйти, — сказала мама.

— Что я тебе говорил? — спросил отец. — Я знал, что этот момент настанет.

— И мы со всем справились. Он счастлив здесь.

— Впереди самое сложное, — отрезал папа.

— А когда нам было легко? — засопела бабушка.

Из-за моей спины появилась крыса и невозмутимо протопала в сторону кухни.

— Крыса! — взвизгнула мама.

Я услышал неприятный звук, будто что-то тяжелое, кажется предмет мебели, протащили по кафельному полу.

Бабушка громко икнула. Папа прикрикнул на женщин. Мама стала бегать по комнате, ведомая звуком покачивающихся стульев, которые толкала испуганная крыса. Через несколько секунд мама была уже в дверном проеме, она гналась за крысой, стараясь дотянуться до нее метлой, а увидела в коридоре меня. Мама повернулась и посмотрела на диван, где все трое вели разговор, а сейчас сидел только отец. Она сделала шаг и ударила метлой по полу.

— Убирайся отсюда! — рявкнула она, будто говорила с крысой.

Подойдя ближе, она тихо прошептала:

— Уходи, твой отец не должен тебя увидеть.

Я опрометью бросился в спальню, на пороге наткнулся на что-то мягкое и от неожиданности упал. Приземлился я на попу, отставив руки назад, чтобы смягчить удар.

Сбоку раздался ослиный гогот. Брат включил свет и вышел в коридор.

— Что вы так кричите? — спросил он.

— Ничего, все в порядке, — ответила ему мама. — Ложись спать, еще разбудишь сестру. И малыша.

— Я слышу, она под холодильником, — сообщила бабушка.

Послышался звук открывшейся дверцы шкафа, запахло нашатырным спиртом.

— Опять крыса! — радостно закричал брат, будто это было поводом для праздника.

Я осторожно приоткрыл дверь и высунул голову. Заплакал ребенок.

— Ну вот, добились, — недовольно сказал отец.

Малыш завизжал еще громче.

— Эй! — выкрикнул папа из комнаты. — Не думаю, что ты спишь в таком шуме. Успокой сына.

Под дверью спальни сестры появилась полоска света — она проснулась. Но папа ее не видел, поэтому не замолкал.

— Черт! Ты слышишь? — Секундное молчание, потом опять: — Эй! Вот черт!

Я услышал шаги прежде, чем он появился в коридоре. В глазах мелькнуло удивление, когда он увидел меня, однако в тот момент его гораздо больше беспокоило совсем другое. Отец рывком распахнул дверь в комнату сестры. Мой племянник замолчал на несколько мгновений и вновь разразился криком.

— Успокой ребенка! — велел отец.

— А я что делаю, — пробормотала сестра.

— И надень маску.

Отец повернулся ко мне, желая убедиться, смотрю ли я по-прежнему на него. Затем, приподняв верхнюю губу, он высунул язык и схватился за живот, чуть согнувшись. Ясно, он пытался сделать вид, что лицо моей сестры вызвало приступ хохота.

— Ребенок никогда не замолчит, если будет видеть тебя. — Папа улыбнулся мне, ожидая, что я поддержу шутку, но я лишь нахмурился от вида некрасивой гримасы на его изуродованном лице. Улыбка сползла, и шрам на щеке принял обыч-

ную форму прямой линии. Исчезли морщины у глаз, приподнялось опущенное вниз веко. Папа отвернулся. Ребенок перестал кричать и только тихо хныкал.

— Все, крыса убежала, — сообщила мама из кухни. Вскоре она появилась в коридоре и поставила метлу на пол, придерживая одной рукой.

— Почему ты здесь? — строго спросила она меня.

— Я только вышел.

Мама понимала, что я солгал, поэтому быстро сменила тему.

— Что с ядом? — так же сурово, но уже громче, спросила она. — Разве он не должен лежать по всем углам? Как получилось, что к нам опять пришла крыса?

Папа в общей комнате заходил кругами. Я слышал, как он переставляет стулья. Затем он решительно прошел в спальню сестры.

— И мне бы хотелось это узнать, — с издевкой произнес он. — Между прочим, твоя маска должна закрывать лицо.

Широкими шагами папа быстро преодолел расстояние до нашей с братом спальни, присел и заглянул под мою кровать. Затем он так же изучил все углы в комнате. Когда я увидел, что

он остановился у тумбочки, сердце забилось сильнее. Ведь там мои светлячки и заброшенное гнездо цыпленка.

К счастью, папа быстро вышел, снял с шеи ключ и стал отпирать дверь своей комнаты. Через несколько секунд он появился вновь и направился в ванную. Звякнули по штанге металлические кольца, когда он одернул шторку, скрипнули дверцы тумбы под раковиной. Папа открыл и шкаф с полотенцами, банными принадлежностями и аптечкой.

Отец медленно прошел по коридору и встал в дверном проеме комнаты сестры, повернувшись прямо ко мне.

— Кто это сделал? — спросил он и повернулся к моей сестре, будто вопрос относился и к ней.

Мы оба молчали.

— Кто? — не отступал отец.

Брат вышел из общей комнаты и встал за спиной мамы.

— Оставь их, — сказала с дивана бабушка.

Мама покрутила метлу.

— Что ты хочешь узнать? — обратилась она к папе.

Папа вздохнул и посмотрел на нас обоих.

— Пусть он расскажет тебе, где яд. — Отец кив-

ком указал на меня, потом на сестру. — Или она. Я разложил его по всему дому. В каждый угол. Кроме ванной. Сейчас там только один кубик. Разве я не велел тебе положить его везде? Кто посмел ослушаться и пойти против правил этой семьи?

Мы все молчали.

— Иди сюда. — Отец вошел в спальню сестры. — Положи ребенка.

Мама всунула метлу в руку брата и поспешила взять малыша. Отец появился через секунду, он тащил за руку сестру. Я не успел понять, что происходит, когда он крепко сжал мое запястье и поволок нас обоих в ванную.

— Вот здесь я отдал тебе коробку и показал, куда положить кубики яда. — Он ткнул пальцем в каждое из трех мест. — Почему только один лежит за дверью?

— Может, остальное съели крысы? — предположила мама. — Или…

Папа взглянул на нее так, что она сразу замолчала.

— Это все он, — сказала сестра. Я видел, как губы ее под маской растянулись в кривой улыбке. — Ты ведь ему отдал коробку.

Я вспомнил, как писал и смотрел на коробку, вспомнил отражение сестры в зеркале. Тогда

вода размыла его, словно поток дождя.

— Разве это было не твое задание?

Сестра сказала правду, поэтому я кивнул так, как делают люди, признавшие свою вину, — низко опустив голову.

— И я все сделал, — добавил я. — Положил точно туда, куда ты велел. Папа, я клянусь, я все выполнил.

— Не лги мне.

— Я не лгу.

Сестра гортанно рассмеялась.

— Точно врет, — заявила она и пошевелила в воздухе двумя пальцами. — Или у кубиков яда появились ножки, и они убежали.

— Помолчи! — рявкнул отец.

— Он вреееет! Он вреееет! — затянул из коридора брат. — Он вреееет!

— Папа, я клянусь!

— Вреееет!

— Я отлично все помню! — заныл я.

Сестра захохотала и замолкла лишь тогда, когда отец схватил ее за шею и крепко сжал пальцами. Он поволок ее по коридору в спальню.

— Мне больно! — как мне показалось, выкрикнула она, хотя звуки было сложно разобрать.

Вернувшись, отец кивком подозвал маму и

захлопнул дверь.

Ребенок опять заплакал.

— И успокой ребенка! — крикнул он. — Ты не выйдешь, пока…

— Позвольте мне войти. — Никто даже не заметил, как в коридоре появилась бабушка. Она приложила изуродованную огнем руку к двери и повторила: — Позвольте. — Бабуля вела себя спокойно, но одно ее присутствие невольно принижало значимость отца. — Мне надо войти. Это ведь и моя комната.

Папа, видимо, колебался, но все же отошел в сторону, открывая путь.

Бабушка повернула ручку, и плач ребенка вырвался наружу.

— Благодарю, — кивнула бабушка. — И спокойной ночи.

Дверь она закрыла за собой с особой осторожностью.

Отец перевел взгляд на меня.

— Теперь я ни о чем не смогу тебя попросить.

Он оказался рядом, сделав всего один шаг, и сразу присел на корточки напротив. Пальцем он повернул мою голову так, чтобы мы оба смотрели в сторону ванной.

— Как думаешь, удобно спать в ванне?

— Прошу тебя, — взмолилась мама. — В таких мерах нет необходимости.

Отец затолкал меня в ванную. Я переминался с ноги на ногу на холодном полу.

— Что скажешь, думаешь, здесь удобно?

Я пожал плечами.

— Вот завтра мне и расскажешь.

Он вышел и закрыл дверь.

13

Меня разбудили непривычные удары. Я лежал на спине, навострив уши и прижав ступни к холодному дну ванны. Вдруг это Человек-сверчок переставляет свой мешок? Бух, бух… На этот раз звук шел от двери. Кто-то стучался. Я подождал пару секунд, высунул голову и осторожно отодвинул край занавески, чтобы не звякнули металлические кольца. Дверь отворилась, но не с тем звуком, когда распахивалась широко, а чуть приоткрывалась.

Мои глаза, привыкшие к темноте, легко разглядели очертания фигуры. Не разобрав, кто это, я услышал знакомое шуршание ткани одежды и улыбнулся.

Выбираясь из ванны, я поднял руки вверх, чтобы не задеть шторку, и, не опуская их, затаив

дыхание, пошел к двери. Вытянув руки, я нащупал что-то мягкое.

И похлопал, проверяя.

Моя подушка.

Я хорошо помнил, каков на ощупь наполнитель, которым она была набита, хотя и не представлял, что это. Наткнувшись на руку, я погладил знакомые складки кожи. Шрам между двумя суставами, кружок обгоревшей кожи у основания большого пальца и выпуклый шрам на запястье. Это была рука моей мамы.

Я сжал ее, не желая отпускать. Снаружи послышался свист, и дверь закрылась.

Я вернулся в ванну.

Задернул шторку и лег.

Обняв руками теплую подушку, я наконец заснул.

Меня разбудил шум льющейся в раковину воды. Кто-то по ту сторону шторы включил ее, но не зажег свет. Из всей семьи только бабушка стала бы умываться в темноте. Я вдохнул и ощутил запах пудры. Потом услышал покашливание, которое сразу узнал. Это была не бабушка, а сестра. Она единственная не знала, что папа наказал меня и отправил спать в ванную. Значит, ей неизвестно, что я здесь. Поэтому она вошла не

постучав. Но почему она не включила свет?

Сестра опять закашлялась. Я прислушался. Звуки не похожи на обычный кашель, он суше, это, скорее, приступы рвоты. Я думал, сестру сейчас вырвет в раковину, но нет. Она тихо застонала и тяжело задышала. Может, она плачет? Она сильнее выкрутила кран, раздался скрип, после которого вода начинает литься сильнее. Если бы шторка не была закрыта, несколько капель долетели бы до меня. Раздалось бульканье и шум потока воды, а потом стон и всхлипы. Они повторились несколько раз. Я уже хотел отодвинуть шторку и украдкой посмотреть, что происходит, оторвал руку, прилипшую к краю ванны, но этот приглушенный звук заставил меня остановиться. Сестре ведь неизвестно, что я здесь, она уверена, что я сплю в своей кровати, поэтому на ней может не быть маски. Возможно, в темноте мне повезет и не увидеть ее искалеченное лицо, но вдруг я смогу разглядеть отдельные черты? Например, плоский безносый профиль. Послышался звук скользнувшего из мыльницы куска мыла. Она была в форме рыбки, поднявшей вверх плавники. Чешуйчатая керамическая поверхность ударилась о раковину, склизкий звук вращающегося в руках куска не прекращался очень долго. Что это

сестра делает? Она моет руки дольше, чем мама после того, как нарезает чеснок.

Мытье рук сопровождалось странными щелчками, повторившимися пять раз. Затем шторка отодвинулась, и мне на грудь упал кусок ткани. Свободной рукой я пробежал по нему рукой, нащупал кнопки и понял, что это ночная сорочка, в которой спала сестра. Вот что это было. Сестра расстегнула пять кнопок.

Потом я услышал, как растянулась резинка, но не та, которая была на маске. Скорее всего, сестра сняла бюстгальтер, я помнил, как она раздевалась, когда мы вместе принимали ванну. Он упал следом, сверху на сорочку. Одна лямка легла мне на плечо. Опять раздался звук трущегося обо что-то мыла. Это уже не было похоже на мытье рук, тут что-то другое. Звук стал глухим и напомнил мне вздохи бабушки, когда она часами сидела в общей комнате и смотрела на глухую стену.

В ванную комнату, в которой мы с сестрой случайно оказались вместе, не подозревая об этом, ворвался новый звук из коридора. Сестра выдохнула. Кусок мыла выпал и ударился о стенку раковины. Рука схватила с края ванны одежду так быстро, как осы вытаскивают свое жало после укуса. Порыв воздуха раскачал шторку. Потом

щелкнул язычок замка.

Сестра ушла.

В ванной опять стало тихо.

Но длилось это всего несколько секунд.

Потом внезапно вспыхнул свет. Я прижал ладони к глазам, защищаясь от неминуемой боли.

— Итак? — услышал я над головой голос отца. — Как тебе здесь спится?

Шторка распахнулась с металлическим лязганьем. От обилия света и шума мне стало казаться, что я уже не в том тихом месте, где, залети сюда муха, ее местоположение можно было угадать по биению сердца. Хотя сердце мухи — не что иное, как пульсирующий сосуд, где собирается гемолимфа.

— Хорошо?

Я открыл глаза, но увидел лишь лучи света, струящегося меж пальцами. Кольца опять звякнули, видимо, папа тряхнул шторку. Я постепенно привык к яркому свету и стал различать силуэт отца, прочерченную горизонтальную линию, тянущуюся от правого края к центру. Наверное, так видит труп своего могильщика.

Я заморгал, чтобы сфокусировать взгляд. Сначала я решил, что папа совсем голый, на торсе были хорошо видны черные отметины огня, но

потом я увидел резинку светло-голубых трусов. От волосатого бугристого шрама на его лице тянулась улыбка.

— Откуда у тебя подушка? — спросил отец.

Я молчал. Папа задернул шторку, ставшую синтетическим барьером между нами.

Я уперся ногами в дно ванны и оттолкнулся, чтобы сесть.

Потом потянул за край шторки, чтобы выглянуть одним глазом и не потревожить кольца наверху. Папа стоял перед унитазом спиной ко мне. На спине, местами покрытой черными волосами, висел на веревке ключ от спальни. Он оторвал кусок туалетной бумаги, чтобы вытереться спереди, когда закончит мочиться, — на этом настаивала мама. Шума бьющей в стенку унитаза струи я уже не слышал. Он чуть повернул голову, чтобы уловить малейшее движение за шторкой.

Я испугался и отдернул руку, боясь, что от ее дрожи затрясется и синтетическая ткань, которой я касался.

На спине папы я заметил две пары царапин, идущих от позвоночника к бокам. Две раны на обожженной коже. Похоже, они совсем его не заботили.

Он бросил клочок бумаги в унитаз и потянул за цепь. Потом еще постоял, пока вода не перестала литься. Он настаивал, чтобы так делали все, необходимо было убедиться, что оставляешь унитаз после себя чистым.

Помню, однажды унитаз сломался, и мы выливали всю жидкость в раковину, а для остального использовали ведро.

Последний булькающий звук стал сигналом того, что бачок заполнился водой.

Отец поправил трусы. Я видел это, потому что опять отогнул угол шторки. Не издав ни звука, прижался к ней носом и теперь видел перед собой лишь белую ткань.

По ту сторону вновь зазвучал голос:

— Я приучаю тебя к порядку, потому что, если не соблюдать правила этого дома, все рухнет.

Мне было непонятно, что это значит.

На краю шторки появились пальцы отца. Он отвел разделявший нас барьер в сторону, и теперь я смотрел прямо на него. В руке он сжимал кусок розового мыла.

— Когда чем-то пользуешься, — приподняв бровь, он перевел взгляд с мыла на меня, — клади на место.

Папа отпустил шторку и положил розовый ку-

сочек в мыльницу. Туда, куда совсем недавно не положила его моя сестра, после того как долго терла в темноте руки, лицо и неизвестно что еще.

— Это ведь несложно, верно? — назидательно продолжал отец.

Я хотел сказать, что его брала сестра, но папа не дал мне времени ответить.

Он фыркнул и задернул шторку. Вода опять полилась в раковину, потом свет погас, хлопнула дверь, и стало очень тихо.

Я посидел в ванне еще несколько минут, уставившись распахнутыми глазами в темноту, потом взял полотенце и принялся вытирать каждую каплю воды, попавшую на раковину, шторку, пол и зеркало.

Надо было сделать так раньше, тогда бы у папы не было повода устраивать мне выговор.

Забравшись в ванну, я устроился поудобнее. Если лежать на боку, поджав колени и обняв подушку, было вполне сносно. Я потянул угол наволочки и принялся теребить наполнитель внутри. Мне нравился этот неизвестный мягкий материал.

И тут я услышал треск сверчка. С каждым звуком дрожь охватывала меня все сильнее.

Я зажмурился и стал думать о светлячках, сидя-

щих в банке за стеной. Я не видел, но был уверен, что они светятся.

14

Утром пришла мама.

— Ты можешь выйти, — разрешила она.

Я крепко спал, несмотря на то что постель моя на эту ночь была жесткой и неудобной, и решил, что мама разговаривает со мной во сне — я как раз стоял в кухне перед той самой всегда закрытой дверью.

Скрип. Вертикальная полоска света в щели. Она становилась все шире, потом опять раздался голос мамы.

— Ты можешь выйти, — повторила она.

Дверь исчезла, оставляя видимой лишь дверную раму, я смотрел на нее, и лицо мое стало красным от падающего на него света. Так было с моим кактусом, когда я ставил его под солнечный луч в общей комнате. Между моими ресницами танцевали такие же мелкие пылинки, как и над ним. От света щекам стало жарко.

После маминых слов я услышал шум. Его нельзя было отнести ко сну, потому что он был явным и очень знакомым. Это отодвигалась шторка, отделявшая меня от остального помещения.

Свет снаружи ворвался в ванную, и реальность начала вырисовываться перед глазами. От него даже ноге, упиравшейся в холодную стенку, стало теплее. Стоило мне открыть глаза, ослепительно-белый цвет ванны уступил место разливавшемуся желтому.

— Ты слышишь? Можешь выходить, — в третий раз сказала мама и погладила меня по щеке.

Я улыбнулся. Это тепло было приятнее света из сна, о котором я уже стал забывать.

Я потерся щекой о шершавую ладонь. Мамин нос коротко свистнул.

— Спасибо, что принесла подушку, — прошептал я.

— Подушку? — Улыбка исчезла с ее лица. — Я?

Я погладил мамину руку, как и ночью. Складку между двумя косточками. Пятнышко обожженной кожи у большого пальца. Широкий шрам на запястье.

Мама все поняла.

— Ладно, давай ее мне, отнесу обратно в твою комнату. Папа не должен об этом знать.

Она схватила за угол подушки, зажатой между моих ног, и потянула. Я зашевелился, чтобы маме было легче ее вытянуть.

— Папа уже знает, — сказал я. — Он заходил

ночью.

Мамины глаза распахнулись, но их выражение было мне непонятно. Щеки стали красными.

— И мне не стоит сердиться из-за подушки, так?

В дверях ванной появился отец.

Мама вздрогнула и развернулась, спрятав подушку за спину, словно он мог ее не заметить.

— Тебе непременно нужно было разбудить мальчика? — спросила мама.

— Ну, пришлось, он ведь спал в ванне. Мне надо было включить свет. Он бы в любом случае проснулся.

Папа прошел к унитазу и посмотрел на поднятый круг, который сам оставил в таком положении после ночного посещения. Он встал напротив, чуть расставив ноги.

— Ты говоришь так, будто мальчик сам решил здесь спать, — продолжала мама.

Папа издал стон от удовольствия помочиться.

— Это не имеет значения.

За стеной ванной послышалось шевеление, затем быстрые шаги по коридору, шумные, как стук колес поезда. Дверь ударилась о стену, и появился мой брат.

— Па, — сказал он, оглядев отца, — мне очень

надо. — Он прижал обе руки к паху.

— Так давай. — Отец отодвинулся в сторону, освобождая место для сына.

— Но мне же надо встать на колени.

Папа захихикал, и мама шлепнула его по плечу.

— Да, да, я знаю. — Отец повернулся и взглянул на маму. — Прости.

Он отошел, открывая брату доступ к унитазу. Тот поспешил опуститься на колени. Он так же застонал от удовольствия, но значительно громче папы. Я поднялся в ванне и стал смотреть, как струя врезается в стенку унитаза.

Папа уже мыл руки у раковины.

— Смотри и учись. — Он намылил руки и аккуратно положил розовый кусок в мыльницу в форме рыбки. — Все надо класть на место. Понял? Обратно в мыльницу.

— Давай вылезай уже из ванны, — поторопила меня мама.

Брат встал и потянул за цепь.

В дверном проеме появилась сестра. Два глаза в прорезях маски были похожи на двух зверьков, попавших в клетку. Она оглядывала помещение, а я рассматривал кнопки на сорочке. Пять штук, которые она одну за другой расстегнула ночью. Я

вспомнил, как ее тошнило.

— Давай же, сынок, — поторопила меня мама.

Я взял ее руку и выбрался из ванны.

— А что этот сопляк здесь делает? — недовольно спросила сестра.

— Не называй его так, у него есть имя, — вступился за меня папа.

— Что он здесь делает?

Отец вытер руки и повесил полотенце на место.

— Иногда слов недостаточно, детей приходится наказывать.

Сестра выжидающе молчала. Очевидно, такого объяснения ей было недостаточно.

— Папа наказал его и отправил спать в ванну, — пояснила мама и подтолкнула меня к выходу. — Из-за случая с крысиным ядом.

Когда я проходил мимо сестры, тонкие паучьи пальцы сжали мое плечо.

— Спать в ванну? — переспросила она. — Ты был здесь всю ночь?

Я кивнул. С лицом под ее маской что-то происходило, но я видел только, как изменился цвет глаз.

— И… — Сестра замолчала и нервно сглотнула. — Ты правда спал здесь всю ночь?

Я сразу понял, каков истинный смысл вопроса.

— Нет, — ответил за меня отец. — Он крутился около умывальника. А потом я нашел мыло вот там. — Он ткнул в раковину.

Сестра теребила пальцами кнопку на сорочке. С губ слетело какое-то бормотание, видимо связанное с неприятными мыслями. Она попыталась перехватить мой взгляд, но мама потянула меня за руку, и мы вышли из ванной прежде, чем я успел что-то ответить. Белая маска скрылась из вида.

— Ты его разбудил? — спросила сестра отца, и эта фраза была последней, что я слышал из их разговора.

Мама привела меня в комнату и положила подушку на место в изголовье. Приподнявшись на мысках, она потрогала простыню на постели моего брата, поморщилась, стащила ее вниз и перекинула через руку.

— Иди в кухню, — сказала она мне. — Я готовлю завтрак.

Мама вышла, а я сразу открыл свой ящик. Скорлупка от яйца лежала в гнезде из футболки. Светлячки приветствовали меня зелеными вспышками.

— Нет, — ответил им я, постучав по стенке

банки, используя азбуку Морзе. — Я не ушел из подвала.

Войдя в кухню, я увидел бабушку в общей комнате. Она держала на руках ребенка.

— Доброе утро, — сказал ей я и подошел, чтобы обнять. Я любил прижиматься к ее мягкому телу, класть голову на грудь, ощущать щекой ткань платья и вдыхать запах ароматной пудры. Однако сейчас бабушка отстранилась от меня.

— Плохо, — сказала она и отошла еще дальше. — Малыш не просыпается.

Услышав шорох за спиной, я повернулся. Из двери ванной высунулся нос маски сестры. Один глаз ее был скрыт дверной рамой. Завидев меня, она поспешила скрыться со скоростью взлетающей стрекозы.

— Что это значит — малыш не просыпается? — спросил отец, сидящий в полосатом кресле.

Каждый день он поворачивал кресло — днем и вечером к телевизору, утром так, чтобы сидеть лицом к кухне. Оттуда папа наблюдал, как мама готовит завтрак, и задавал вопросы, не надо ли что-то починить. Например, дверцу шкафа, если та начинала проседать, или переставить полки, увеличив или уменьшив расстояние между ними. Тогда он доставал свой ящик с инструмен-

тами и был несколько часов занят работой.

Однажды я заметил, как мама сама откручивает винтики на петлях, чтобы потом попросить папу починить дверцу.

Мама вылила два яйца, предварительно разбив скорлупки, на сковороду, вытерла руки о фартук и, не обращая внимания на брызги масла, подошла к ходившей вокруг стола бабушке. Та не сводила глаз с малыша и похлопывала кончиком пальца по его губам.

— Ну же, просыпайся, — приговаривала она.

— Пусть ребенок спит, если хочет, — заявил папа из кресла. — Он и так постоянно плачет.

— Но что с ним могло случиться? — Мама положила руку на талию бабушки и отодвинула стул, чтобы усадить ее. Сама мама села рядом.

— Он не спит, — прошептала бабуля.

Мама расправила плечи и вскинула голову. Папа в кресле подался вперед, положив локти на колени. Я не смог устоять на месте и подбежал к малышу.

— Что это значит? Как это — не спит? — спросила мама и взяла ребенка у бабушки.

— Он не спит, — повторила та.

Яйца на сковороде зашкворчали, по кухне поплыл легкий запах гари. Мама встала, с тревогой

повернулась, потом опять посмотрела на малыша, быстро потрогала губами его лоб и шею ниже ушка и облегченно вздохнула.

— Что за глупости, — с упреком сказала она бабушке. — Конечно, он спит. И дышит ровно. Жара у него нет. Прекрати нас пугать.

— Но почему он не просыпается?

— Он же ребенок, — вмешался я. — Может спать, когда захочет.

Мама рассмеялась, но бабушкино лицо оставалось по-прежнему озабоченным.

— Тогда попробуй его разбудить.

Мама села, положила ребенка на колени и пальцем потрясла его головку. Малыш никак не отреагировал.

— Обычно каждое утро он меня будит, — вещала бабушка. Я заметил, как дрожит ее голос. Пальцы ее нашли на груди крест и сжали в кулаке.

Мама принялась попеременно поднимать колени, пятки выскочили из тапочек и опускались на голый пол. Так играл со мной папа, когда я был маленький. Он держал меня за руки и подбрасывал, поднимая колени. Я смотрел на лампочку на потолке и становился ковбоем, скакавшим на лошади по прерии, как в фильмах, которые папе

никогда не надоедало смотреть. Иногда я даже осмеливался отпустить его руки, с лихим криком хватался за невидимую уздечку и пришпоривал коня. Правда, потом игра наша прекратилась, папа решил, что я уже слишком тяжелый, чтобы скакать на его коленях.

— А сегодня я еще не слышала его плача, — продолжала бабуля. — С ребенком что-то случилось.

Мы смотрели на младенца и молчали. Слышно было, лишь как шипят яйца на сковороде и пятки мамы бьются об пол.

У входа возникла фигура сестры.

— С ним что-то случилось? — спросила она, не дождавшись ответа, вошла и взяла ребенка. Потом повернулась к плите, от которой поднимался дым. Яйца уже стали черными. — Вы ждете, когда начнется пожар. Опять?

Отец вскочил на ноги, постоял несколько секунд, поцокал языком и стремительно вышел из комнаты. Сестра проводила его взглядом. Лицо за плотной маской зашевелилось. Может, сестра улыбнулась? Невозможно представить.

Подойдя к маме, я вытянул руки и спросил:

— Можно мне?

Она кивнула, и я взял племянника, устроив на локте, как учили, и встал в пятно света.

— Только осторожно, — предупредила мама. — А что ты делаешь?

— Что он делает? — оживилась бабушка. Ей тоже было интересно.

Я сел, как и в тот день, когда малыш родился, повернулся ко всем спиной, будто защищая от них младенца.

— Что ты делаешь? — спросила мама.

Я переместил ребенка так, чтобы свет падал ему на лицо.

— Ты еще не знаешь о том, что дверь заперта, — прошептал я. — А это солнце. Смотри.

Племянник открыл глазки и захныкал.

— Видите? — услышал я за спиной голос сестры. — С ним все в порядке.

15

Вечером, когда я чистил зубы, в зеркале появилась маска сестры.

— Значит, ты был в ванне? — спросила она.

Она сжала мою руку, взяла зубную щетку и окунула ее в белую пену, которую я только что выплюнул в раковину. Были дни, когда нам приходилось всем так чистить зубы или пользоваться содой, а порой и просто водой. К счастью, зубная паста появлялась снова. Среди таблеток-

витаминов, которые ежедневно давала нам мама, был кальций, который очень полезен для зубов.

Сестра принялась яростно чистить зубы, и мы смотрели друг на друга в зеркало. И молчали. Я вытащил щетку изо рта и сплюнул. Потом сестра. На ее подбородке повисла красноватая слюна, от которой тянулась тонкая ниточка к лужице в раковине. Сестра подняла голову, и ниточка лопнула, кусок ее прилип к маске.

— Разве это нормально? — спросил я, указав на кровь.

— Учитывая, как мы живем, да.

Сестра быстро смыла слюну и вытерла подбородок рукавом ночной сорочки. Потом она позволила мне прополоскать рот, зачерпнула воду сама и завернула кран. Взяв меня за руку, она без слов потащила из ванной, как мама прошлым утром. Я сопротивлялся и упирался, пока не положил на место зубную щетку и проверил, что мыло лежит в мыльнице.

Мы вошли в комнату сестры. Она посадила меня на край своей кровати, а сама подошла к ребенку. Вся семья была в общей комнате после обеда.

Сестра повернулась ко мне и прислонилась бедром к решеткам кроватки.

— Скажи, ты всю ночь был в ванной?

Я кивнул, просунул сложенные ладони между коленями и сжал. На мне были только белые трусы.

— И что? — Сестра склонила голову. Я обратил внимание, что дверь она оставила открытой.

Сестра прошла, закрыла ее, почти бесшумно, и повернулась через плечо ко мне.

— И что ты видел?

— Ничего не видел. — Я сказал правду.

— Ты проснулся, когда я вошла?

Над ответом на этот вопрос я думал чуть дольше.

Сестра подошла и села рядом, положив руку мне на плечо. Нос ее маски почти касался щеки.

Я медленно кивнул.

— Что ты слышал?

Я пожал плечами.

— Говори, что ты слышал.

Маска уперлась в щеку.

— Тебя вырвало.

— Не ври. Меня не рвало.

— Я слышал, ты… — Я покосился на нее и не стал произносить слово, а показал, что она тогда делала.

— Но меня не вырвало.

— А потом ты что-то мыла.

— Я мыла руки. Что еще?

— Потом раздался шум в коридоре, и ты убежала.

— Это был папа, верно? — Острый нос сестры наконец отодвинулся от моего лица. — Что он делал, когда вошел в ванную?

— Ты оставила мыло на краю раковины.

— Я не об этом. Зачем папа приходил в ванную?

— Не знаю.

— Может, он приходил посмотреть, что делала я?

— Он меня отчитал. О том, что ты была там, он даже не знал.

— И зачем он тогда приходил?

— У него были царапины на спине, — вспомнил я. — Он их ничем не обработал.

— Царапины, — произнесла сестра и задумчиво провела пальцем одной руки по ногтям другой.

— Потом я видел, как он мылся… — Я смутился и посмотрел на трусы. — Там. Ну, ты понимаешь. Потом сходил в туалет и отругал меня за мыло.

Сестра будто меня не слушала. Она продолжала водить кончиком пальца по ногтям.

Мы довольно долго сидели молча. Так долго,

что я не выдержал.

— Почему ты спрашиваешь?

Ребенок в кроватке зашевелился, потом издал особенный звук, означавший, что теперь он устроился удобнее.

— Почему? — повторил я.

Сестра молчала еще несколько секунд, прежде чем заговорить. Она опустила голову так низко, что нос ее маски теперь почти касался моей груди, а потом покосилась на дверь.

— Ты знаешь, почему папе надо было вымыться?

Я покачал головой.

— Вы с мамой дошли в учебнике до той части, в которой написано, откуда берутся дети?

— Я и так знаю, откуда они берутся.

Сестра выдохнула и долго не дышала. Потом набрала в легкие много-много воздуха.

— Папа не такой хороший, как ты думаешь, — сказала она.

— Знаю. Он заставил меня спать в ванне.

Сестра взяла меня за руку и улыбнулась.

— Это еще что, — продолжала она. — Он и не такое может.

Она потянула к себе мою руку и прижала к своему животу.

— Этот ребенок появился из моего живота.

Словно понимая, что мы говорим о нем, малыш стал выбрасывать ножки в воздух.

— Я знаю, — сказал я. — Сам видел, как он вылез.

Я хорошо помнил, как держал сестру за ногу, когда она лежала голая на обеденном столе. Помнил, как она хотела сорвать маску, как костяшка локтя ударилась о деревянную поверхность, когда папа отпустил ее руку.

— А знаешь, как он там оказался? — усмехнулась сестра и наклонила голову. Хрустнул сустав на шее. На нижнем веке появилась слеза и стекла на край прорези в маске. На мгновение она засветилась, поймав лучик от лампы на потолке, и упала внутрь.

Я размышлял над ответом на ее вопрос. Единственное, что пришло в голову, — еще один вопрос.

— Это был Человек-сверчок?

Сестра цокнула языком, покачала головой и положила на мою руку вторую ладонь.

— Нет же, — прошептала сестра и выдохнула, готовясь дать ответ. — Это был папа, — выпалила она.

Малыш в кроватке стал пинать решетку —

прутья, похожие на те, что на окнах. Сестра посмотрела прямо мне в глаза, потом несколько раз моргнула и отвела взгляд.

— Папа? — Мне показалось, что кожа на руках и ногах покрылась пупырышками. Что-то изнутри рвалось наружу.

— Вчера это было не в первый раз, — продолжала сестра.

— Вчера?

Сестра положила руку на мою спину и несколько раз провела из стороны в сторону, царапая ногтями. Точно так же были расположены царапины на спине папы.

— Это была ты?

Она кивнула.

— Что он тебе сделал?

— Сделал мне больно.

— И малышу? — выпалил я.

Взгляд ее устремился в пустоту комнаты.

— Нет, не в этом смысле. Надеюсь, этого не случится.

Она вздохнула и резко выдохнула. Покачала головой, будто мысленно разговаривала сама с собой.

Сестра приподнялась и подсунула под себя ногу. Пружины скрипнули.

— Обещай, что никому ничего не скажешь. — Голос ее неожиданно стал серьезным. — Поклянись. Ни папе, ни маме, ни бабушке. Даже брату.

— Он часто это с тобой делал?

— Что?

— Папа. Он часто это делал?

Сестра выставила вперед кулак и начала разгибать пальцы. Выбросив все пять, она опять сжала их и начала сначала, отсчитывая вслух. Когда второй кулак превратился в раскрытую ладонь, она замолчала.

— А мама знает, что папа делает тебе больно?

— Если бы ты знал, откуда берутся дети, — ухмыльнулась сестра, — ты бы знал ответ, раз у меня есть ребенок.

Дрожь пробежала по всему моему телу.

— Ты обещал, что никому не расскажешь. Поклянись жизнью малыша. И еще… — Она огляделась. Острый нос указывал на разные предметы. Потом встала, взяла что-то с бабушкиной тумбочки и вернулась на место. Сестра сжала мои руки, и я увидел, что она держит четки. Она обернула ими наши ладони.

— Клянись именем Того, Кто Выше Всех. — Сестра сжала четками мои руки так сильно, что стало больно. — Повторяй за мной: я никому не

скажу то, что сейчас услышал. — Сестра дышала тяжело и часто, несколько раз она покосилась на дверь. — Я ни слова не скажу об этом ни одной живой душе. Клянусь именем Того, Кто Выше Всех. Повторяй! — На меня брызнула слюна с ее губ. — Повторяй! — Она сильнее затянула четки и сдавила мои пальцы. Они даже покраснели.

— Я не… — начал я, глядя на побелевшие полосы ее пальцев, — скажу никому о том, что сейчас услышал. Клянусь. — Я не мог вспомнить, какие слова произнесла сестра и в каком порядке. — Именем Того, Кто Выше Всех.

— Смотри, никому. Ты поклялся.

Я кивнул.

— Я знаю, что ты не проболтаешься. И не только потому, что дал клятву. Тогда я расскажу всем твои секреты.

Я понял, что она имела в виду банку со светлячками, которую я поставил в кроватку малыша.

— Никому? — спросила еще раз сестра.

— Никому, — повторил я.

Она размотала четки и встала, чтобы положить их на место, но на полпути остановилась.

Губами я ощутил прикосновение распятия.

— Целуй образ Того, Кто Выше Всех. Если ты нарушишь клятву, наказание будет страшным.

Она сильнее прижала крест, я едва смог пошевелить губами.

Все же мне удалось изобразить нечто, похожее на поцелуй, потому что сестра произнесла:

— Вот и хорошо.

Дверь в спальню отворилась, когда сестра положила четки на тумбочку бабушки. Прыгнув, она мгновенно оказалась на кровати рядом и, откинув голову, засмеялась.

— Что здесь происходит? — спросила бабушка.

Сестра продолжала хохотать.

— Ничего, — отмахнулась она. — Играю с братом.

Брови бабули поползли на лоб.

— Где же он?

— Здесь, — отозвался я, чтобы она могла по голосу определить мое местонахождение.

Но смотрел я на сестру. Прямо в ее глаза в прорезях маски.

— Что происходит? — спросила бабушка.

В глазах сестры еще стояли слезы, но она опять захихикала и подпрыгнула на кровати, продолжая воображаемую игру. Я перевел взгляд на младенца. Его внимание привлек скрип пружин, и он заплакал. Я повел плечами. Спина горела из-за царапин, оставленных ногтями сестры.

Такие же были на спине отца.

— Я не знаю, — ответил я. — Не знаю, что происходит.

И бабушка, которая всегда слышала больше, чем люди хотели сказать словами, поняла, что это ответ из глубины моей души.

На мою голую коленку упала слеза.

Я заплакал громко, как мой маленький племянник.

Словно мое место было рядом с ним в колыбели.

16

Позже мама пришла ко мне в спальню.

Я сидел в постели, прислонившись спиной к стене, прикрывшись простыней до пояса, и рассматривал картинки в своей книге о насекомых. Благодаря этой книге я узнал о стрекозе, прежде чем ее увидел. И о сверчке. И о бабочках. Я выучил названия почти всех насекомых, о которых рассказывалось на этих страницах. Однажды я пошутил над бабушкой, попытался убедить ее, что выучил латынь, и стал перечислять все названия насекомых по порядку. Actias selene, Inachis io, Colias crocea. Я тараторил без остановки, даже задал вопрос названием одного вида и ответил

названием другого. Со стороны моя речь звучала вполне гладко. Saturnia pyri? Acherontia atropos.

— Ты меня не одурачишь, — сказала бабуля, выслушав все термины до последнего. — Уверена, это слова из твоей книжки о насекомых.

Когда мама отворила дверь, я как раз открыл страницу с фотографиями жуков-светляков. На одной жук сидел на травинке, растущей среди собратьев на берегу озера. Огонек слабо отражался в поверхности воды. Светлячки стали моими любимцами с первого дня, когда папа подарил мне книгу.

Я был уверен, что нет существа более удивительного, чем то, которое может само вырабатывать свет.

— Бабушка говорит, ты плакал, — сказала мама, приоткрыв дверь и просунув голову в узкую щель. Вспышки света на экране освещали комнату, как молнии.

Я не ответил, настолько был поглощен изображением светляка со светящимся зеленым брюшком.

— Неужели эти жуки действительно сами производят свет? — спросил я отца в тот день, когда он достал для меня книгу с полки.

Это было еще тогда, когда он позволял мне

скакать, как ковбой, и не наказывал, заставляя спать в ванне.

— Как тебе сказать, — ответил папа. — Лично мне кажется, они получают свет от самого солнца. Днем они напитываются энергией, а вечером отдают ее.

Потом я спросил его, солнечный ли это свет проникает в нашу большую комнату сквозь щель в потолке? Отец не ответил, просто встал и вышел, оставив меня одного.

Чуть позже я выяснил, что папа ошибался, светляки действительно вырабатывали свет сами, благодаря химическим процессам в их организме. Не все, что говорил отец, было правдой.

— Я хотела узнать: ты плакал? — задала вопрос мама.

Я покачал головой.

— Но бабушка сказала, что ты плакал в ее комнате.

Я провел ладошкой по зеленому брюшку жука на глянцевой картинке. И этот свет ненастоящий.

Мама подошла к моей кровати.

— Не расскажешь мне, что случилось?

Я касался картинки той же рукой, которую сжала и обмотала четками моя сестра, когда взяла

клятву.

— Ничего.

И сразу подумал о малыше. Вспомнил день, когда сестра рожала на столе в общей комнате. О том, как плач младенца раздражал отца. Он ведь никогда не брал ребенка на руки. Горло сжалось до боли.

— Эй, что с тобой? — спросила мама. — Почему ты сейчас плачешь?

Она похлопала меня по ноге, призывая подвинуться и освободить место для нее. Мама села, голова ее почти касалась матраса койки брата. Она погладила меня по щеке.

— Это из-за того, что ты живешь здесь?

Я замотал головой.

— Здесь мой дом, я хочу жить вместе со всеми вами.

Нос тихо свистнул.

— В чем же причина?

Я подумал пару секунд и ответил:

— Вы меня обманываете.

— Что ты такое говоришь?

Мне ведь так никто и не объяснил, кто был отцом ребенка сестры.

— Вы все знали, что Человека-сверчка не существует, что дверь в кухне не открывается. Вы

знаете больше, чем мне говорите.

— Что ж, так поступают все родители. Это наша обязанность. Все родители знают намного больше, чем их маленькие дети.

— Я тоже хочу знать все.

— Поверь, в жизни есть вещи, которые совсем неприятно знать.

— Какие?

Мама вздохнула.

— Всему свое время, сынок.

— Видишь? Ты говоришь мне только то, что считаешь нужным сказать.

Я положил книгу себе на грудь, скрестил сверху руки и отвернулся.

— Хорошо. — Мама хлопнула в ладоши. — Спрашивай все, что хочешь. Обещаю, отвечу только правду.

Она повернула мою голову к себе и улыбнулась. Глаз ее привычно закрылся. Свет разбросал тени под складками на ее лице.

— Но только на один вопрос, — добавила мама.

Я вернул книгу на колени и перелистнул несколько страниц.

— Наверху живут все эти насекомые?

Мама кивнула.

— Все-все?

Она опять кивнула.

— А я смогу их однажды увидеть?

Мама подняла вверх палец.

— Ты мог получить ответ только на один вопрос, — нараспев произнесла она.

— Я смогу их увидеть? — упрямо повторил я.

Мама вздохнула и потрепала меня по голове.

— Ты ведь уже их видишь. — Она указала на книгу.

— Я имел в виду, по-настоящему, вживую. — Я произнес каждое слово отчетливо, выделяя интонацией, чтобы мама поняла, что я имею в виду. Она уже и так все знала.

— Ты не увидишь их, даже если выйдешь отсюда.

— Почему?

— Невозможно увидеть все сразу. Люди узнают о многих вещах лишь по книгам. Как ты сейчас.

Мама научила меня читать и писать. С помощью сестры я освоил математику. Географию объяснял отец.

— Ты не видишь этих жуков, но это вовсе не означает, что они для тебя не существуют. Они существуют здесь. — Она коснулась моего виска. — И здесь. — Палец ткнул меня в грудь. — Это самое главное.

Я улыбнулся.

— Там, наверху, есть люди, которые умирают, так и не увидев моря, — продолжала мама. — При этом многие живут совсем недалеко от него. — Она прижала ладонь к моей груди. — Будь мы сейчас наверху, ничего бы не изменилось. Я укладывала бы тебя спать, ты бы читал свою книгу о насекомых и наверняка спрашивал бы, почему не видел ни одной из этих удивительных бабочек.

Мама подцепила пальцем страницы книги и открыла ее на самой первой, где была изображена салатового цвета бабочка с двумя хвостиками внизу на крыльях. Actias luna.

— Думаешь, их многие видели? Смотри, она похожа на воздушного змея. Поверь, я никогда не видела такую бабочку вживую. И почти никто не видел.

Я задумался, выпятив нижнюю губу, потом произнес:

— Но ведь человек, сделавший эту фотографию, видел.

Мама рассмеялась, выдвинула вперед губу, и я тоже рассмеялся.

— Почему мы живем здесь?

Мой вопрос удивил маму, я видел это, хотя она и старалась скрыть это за улыбкой.

— Почему мы живем здесь? — повторил я.

— Я обещала дать ответ лишь на один вопрос, а ты уже сколько задал?

— Почему мы здесь? — спросил я, не собираясь сдаваться.

Лицо мамы стало мрачным. Она закрыла мою книгу и встала, чтобы убрать ее в ящик тумбы.

Вернувшись, она не села рядом, лишь наклонилась, чтобы поцеловать меня в щеку, а потом пошла к двери. Остановилась у входа, повернулась и произнесла:

— Потому что мы не можем находиться в другом месте.

Она выключила свет. Теперь ее силуэт был виден благодаря мельканию экрана телевизора.

Переступив порог, она задержалась на мгновение и добавила:

— Как и все остальные люди.

Мама плотно закрыла дверь, оставив меня в полной темноте.

17

Следующим вечером, перед ужином папа подошел к столу и взял с середины столешницы нож. Мама клала все приборы в центр, а мы их потом разбирали. Бабушка всегда проводила ножом

по руке, чтобы понять, какой стороной резать. Папа взял один из тех, что больше, с коричневой ручкой. Ладонь другой руки он прижал к столу, раздвинув пальцы.

— Смотри, сын, — обратился он к брату, — так делали во вчерашнем фильме, помнишь? — Папа принялся тыкать ножом в стол между пальцами, сначала медленно, потом все быстрее, и вскоре стук напоминал бешеный топот копыт несущегося табуна лошадей, как в его любимых вестернах.

Брат хохотал все громче, спазмы гортани затрудняли дыхание. Он раскачивался на стуле и, оттолкнувшись, хлопал в ладоши. Один раз он промазал, и ладонь попала в плечо. Сестра отвернулась и стала смотреть в коридор, видимо не желая быть свидетелем подобного зрелища.

Мама принесла кастрюлю. Крышки сверху не было, и ее лицо заволок полупрозрачный белый пар. Мама поставила ее на край стола и поймала в воздухе руку отца. Она явно не хотела, чтобы он продолжал демонстрировать развлечения, больше подходящие для салуна.

— Закончил? — спросила сестра, когда удары ножа стихли. Несколько секунд она сидела не поворачиваясь, желая удостовериться.

Затем белая маска все же повернулась к нам, и тогда мы увидели кровь.

Она появилась внезапно.

Темно-красная полоса на белом фоне, словно кровоточила маска. Сестра заметила ее последней. Она как ни в чем не бывало потянулась к половнику, когда на край прорези для рта упала капля.

— У тебя кровь, — сказала мама.

Сестра подняла руку, пробежала пальцами по маске, пытаясь определить источник. Пальцы ее были перепачканы, поэтому везде оставляли красные отпечатки.

— Кровь? — переспросила бабушка и замотала головой, а потом стала ощупывать маску сестры. Наткнувшись на липкие следы, она отдернула руку, будто ее обожгло, поднесла к носу и несколько раз резко вдохнула.

— Это кровь! — взвизгнула бабушка.

Мама подошла к сестре, заставила встать и принялась оглядывать края маски. На поверхность легли двадцать пальцев, почти полностью закрывая ее, как внезапно атаковавший рой муравьев.

— Ее надо снять, — заключила мама.

Неизвестно как появившаяся рядом рука отца сжала мое запястье.

— Идем, идем со мной. — Мама повела сестру к раковине в кухне.

— Обязательно делать это здесь? — скривился папа.

Мама ему не ответила, но развернула сестру так, чтобы она стояла к нам спиной. Я посмотрел на резинки, начертившие крест на голове сестры. Несмотря на предосторожности мамы, отец закрыл мне глаза ладонью.

Я услышал, как ножки стула проехались по полу.

— Тебе лучше не вмешиваться, — произнес отец, как я понял, обращаясь к бабушке.

— Что со мной? — заныла сестра.

— Сейчас посмотрим, — ответила мама.

— Это все из-за подвала, — продолжала сестра. — Он нас погубит.

Я ничего не видел, но по звукам догадался, что сестра сняла маску и показала маме лицо, такое, каким оно стало после пожара, а та принялась изучать старые шрамы, пытаясь определить, какой из них кровоточит.

Ей удалось это сделать, и достаточно быстро.

— Ничего страшного, — успокоила мама. — Просто кровь из носа.

— Если это можно назвать носом, — прошептал

отец мне на ухо.

Из крана полилась вода.

— Промой и подожди, пока остановится, — распорядилась мама.

— Ей надо запрокинуть голову, — посоветовала бабушка.

— Вот этого делать не стоит, — сказала мама.

— Я поступала так всякий раз, когда твой муж падал с санок или получал по лицу мячом, — настаивала бабуля. — В таких вещах я разбираюсь.

Вода стала падать в раковину с другим звуком. Похоже, сестра решила последовать маминому совету.

— Промывай, пока не остановится, — повторила та. — Кровь же не может течь бесконечно.

Сестра стала тереть лицо. Похожие звуки я слышал две ночи назад, когда спал в ванне. Тогда сестра приходила, чтобы умыться. Тепло руки отца стало мне неприятным, и я немного отодвинулся назад.

Вода лилась в раковину.

— Она не остановится, — произнесла через несколько минут сестра. — Кровь никогда не остановится.

— Заткни дырки пальцами, — сказал отец. — Делай, что хочешь, но нам пора ужинать, суп

остывает.

Стул под бабушкой опять скрипнул.

— Я же сказал, тебе лучше не вмешиваться, — повторил отец.

На этот раз бабуля его не послушалась, и я услышал торопливые шаги в сторону кухни.

— Возьми чистую тряпку и прижми к ее лицу, — скомандовала она. — Тогда кровь остановится.

Послышались звуки, которые остались мной непонятыми.

— Вот так, — сказала бабушка. — А теперь будем ужинать.

От тяжелых шагов в сторону стола задрожал пол. Все стали рассаживаться. Папа плотнее прижал ладонь к моим глазам.

— Ты должна есть в маске, — сказал он сестре. — Здесь мальчик. — Он повернул к ней мою голову, будто мое присутствие необходимо было доказать.

— Кого на самом деле беспокоит мое лицо? — спросила она. — Его? Или тебя?

Один из столовых приборов упал на деревянную поверхность. Стул резко отъехал в сторону, твердые шаги стали удаляться в направлении коридора.

— Как ты будешь есть суп без ложки? — спро-

сила мама.

— Справлюсь, — огрызнулась сестра и захлопнула дверь спальни.

— Теперь можем ужинать, — сказал отец.

Он убрал руку, и воздух, показавшийся мне прохладным, развеял запах его тела. Первое, что я увидел, была маска сестры на столе. Неживое лицо в пятнах крови, смотрящее пустыми глазницами в потолок, будто вознося молитву Тому, Кто Выше Всех.

Сестра не появилась из своей комнаты, чтобы вернуть тарелку. Ее принесла бабушка, когда пошла за ребенком. Она села на диван рядом с мамой и стала укачивать малыша, тихо напевая колыбельную. Потом стала менять ему подгузник. На коленях появилась банка с пудрой. Этот запах показался мне более резким, чем от детского памперса, который она отложила на пол.

Я забрался на диван и прижался к маме, пытаясь разглядеть, что у нее в руках. Это оказалась белая маска. Мама стирала с нее пятна серой тряпкой, от которой пахло нашатырем. Положив маску на одно колено, она тщательно терла лоб. Пятна слились в одно больше коричневое, потом оно побледнело, становясь сначала рыжим, затем бледно-розовым, наконец, проступил чистый

белый цвет. Теперь коричневой стала тряпка. Вывернув ее так, чтобы сверху была чистая ткань, мама принялась проделывать то же самое с носом. Казалось, лицо с ее колена смотрит прямо перед собой.

— Что? — спросила меня мама. — Ты так и будешь сидеть здесь всю ночь?

Я покачал головой.

— Хотел поцеловать тебя перед сном.

— Что ж, давай. И не забудь поцеловать бабушку. А потом иди в постель. Папа сейчас будет смотреть кино.

Она оторвала руку от маски, ожидая поцелуя. Когда я коснулся ее щеки, она улыбнулась и принялась тереть подбородок маски и вокруг прорези для губ.

— А ей обязательно ее носить? — не смог удержаться я от вопроса.

— Что?

— Почему она все время в маске, а ты нет?

Мама прервала свое занятие и повернулась ко мне.

— Она не все время в маске. Спит она без нее. И моется тоже без нее.

— Но здесь. — Я махнул рукой. — Здесь она всегда в ней. При мне точно.

Мама вздохнула.

— Огонь изменил всех нас по-разному, — заговорила бабушка и провела рукой по розовому личику малыша.

— Тебе будет неприятно видеть ее лицо, — добавила мама. — Ты можешь испугаться. У нее ведь нет… — Она коснулась носа. — Ты понял?

Я погладил мамину красную щеку.

— Но твое лицо меня не пугает.

Нос ее свистнул. Кажется, ей были приятны мои слова.

— Я хочу, чтобы у меня тоже было лицо, как у всех вас, — сказал я. — Не хочу быть другим.

Мама резко убрала мою руку от своего лица.

— Не говори так. У тебя лицо, на которое приятно смотреть людям. С такими красивыми родинками. — Она коснулась одной из них под моим правым глазом.

— Каким людям? — спросил я.

Мама тяжело вздохнула.

— Здесь ведь нет людей. Только мы. — Я огляделся. — Какая разница? Пусть бы мое лицо тоже было обожжено.

— Большая разница, сынок. — Мама погладила меня по щеке.

— Иди, — сказала бабушка. — Иди сюда.

Я переместился с одного края дивана на другой. Бабуля положила малыша на колени, подняла обе руки к моему лицу и стала мять его, словно вылепливая черты. Я почувствовал, как разрез глаз стал шире, губы сжались, нос сдвинулся в сторону, одна ноздря закрылась, когда она надавила на нее согнутым пальцем. Бабушка сжала пальцами мои брови, изгибая и придавая непривычную форму.

— Вот так, — сказала она, закончив. — Теперь ты похож на нас.

Я хотел улыбнуться, но руки бабушки сжимали лицо так, что это было невозможно.

— А я красивый? — Из-за новой формы губ слова звучали шепеляво. — Ой, я говорю, как брат!

— Очень красивый, — заверила бабуля.

— Ты же меня не видишь, так не честно. Мама, я красивый?

Склонившееся ко мне лицо виделось мне размытым пятном, освещаемым свисавшей с потолка лампой. Получается, если сильно растянуть веки, ничего не увидишь.

— Красивый?

— Отпусти его, — вместо ответа на мой вопрос произнесла мама. — Таким он мне не нравится.

Бабушка убрала руки, и лицо мое стало преж-

ним. Будто гусеница сбросила старую кожу и обрела новую. Я стал таким, каким был всегда.

— Тебе очень повезло, что в день пожара ты был здесь, — сказала мама и положила руку на свой живот. — Не надо желать иного.

Я скрестил руки на груди. Это был мой единственный ответ.

— На самом деле ты не так сильно от нас отличаешься, — заявила бабушка. — Он, например, такой, как ты. — Она взяла ребенка с коленей и прижала к груди.

Мамин нос присвистнул.

Я посмотрел на племянника. Розовое лицо, гладкая кожа, как и у меня. Он открыл глаза, словно почувствовал взгляд.

В комнату вошел папа, волоча ноги в старых тапочках, на подошве которых уже протерлись дыры.

— Эй, домашнее привидение, разве тебе нечего почитать? Можешь заняться опытами с лимоном.

Я молчал.

— А лучше пойди поищи свою сестру. Пусть заберет ребенка. Мне надо поговорить с твоей мамой и бабушкой.

Я встал. Уже добравшись до середины кори-

дора, услышал, как открылась дверца одного из шкафов.

— У нас есть все, что нам надо, — сказал папа.

— Да, — подтвердила мама, — все необходимое есть. Тут я вспомнил и побежал обратно. Услышав мои шаги, отец замолчал.

— Я же велел тебе позвать сестру.

— Не могу.

— Почему?

— Ее маска здесь. — Я вытянул руку, указывая на диван.

— Я схожу за ней, — сказала бабушка и принялась нащупывать маску, нашла и встала. Коробка с пудрой полетела на пол. Через секунду пол вокруг ног стал белым. Бабушка прошла по нему, оставив темные следы. К счастью, она не наступила на грязный подгузник.

— Ты намерен сидеть здесь всю ночь? — спросил меня отец из кухни. Открытая им дверца выставила на обозрение огромный запас витаминов, которые давала нам мама. — Иди уже к себе, ради бога!

В нашей спальне брат насвистывал любимую мелодию. Я воспользовался тем, что он не обращает на меня внимания, и решил пожелать спокойной ночи светлячкам. Когда я подошел

к кровати, чтобы лечь, он вытянул сверху ноги, преграждая мне путь.

— Прочь с дороги, Страшила, — сказал я.

Он гортанно загоготал, как глупый осел, и развел ноги в стороны. Я проскользнул между ними и лег. Брат продолжал смеяться, пружины поскрипывали в унисон.

В общей комнате с шумом пронесся поезд, затем заиграли на губной гармошке. Папа опять смотрел любимый фильм. Брат перестал гоготать, спрыгнул на пол и вышел из комнаты. Кровать заходила ходуном. Пошел смотреть с отцом кино.

Я поднял глаза к потолку, вернее, к матрасу верхней койки, и принялся одновременно с актерами произносить реплики.

Темнота в комнате стала более плотной и пугающей, когда зазвучала самая грустная мелодия. Оркестр заиграл крещендо, певица взяла самую высокую ноту, и, как всегда в этот момент, на глаза мне навернулись слезы.

Наступающую ночь мне предстоит провести без сна. Мне надо кое-что спросить у сестры, и я хотел сделать это сегодня.

Мама отправилась спать первой. Пол у двери скрипнул, когда она проходила мимо моей спальни. Полилась вода сначала из бачка, потом

из крана в раковину. Тихо закрылась дверь их с папой комнаты, а через несколько минут и бабушкиной. Даже еще тише.

Мой брат вел себя совсем не так. Когда закончился фильм, он вскочил с дивана и побежал, притопывая, по коридору, не беспокоясь о тех, кто уже спал. Ноги его разрезали полосу света под дверью, я накрылся с головой простыней, готовый к землетрясению. Десятки пружин заскрипели на все лады, принимая на себя его вес, рама тряслась еще несколько минут. Пружины прогибались и скрипели, дыхание брата стало тяжелым и шумным, потом он застонал, и скрип стих. Через секунду он уже храпел.

Последним в ванную пришел папа. Я слышал, как он долго чистил зубы, потом стал открывать ключом дверь спальни.

В подвале наступила тишина. Только капала вода в бачке и храпел над моей головой брат.

Не легла в свою кровать только сестра. Она еще сидела в общей комнате.

Я лежал, вглядываясь в темноту, и пытался уловить каждый доносящийся оттуда звук. Я весь обратился в слух, от меня не утаилось даже шуршание карабкавшихся по карандашу светлячков в банке.

Когда брат несколько раз перевернулся, я осторожно встал и вышел в коридор. К счастью, пол подо мной не скрипел, как под ногами мамы. Мои глаза привыкли к темноте, и горящие красные точки на телевизоре и видео показались мне очень яркими, как огоньки светлячков. Приблизившись к входу в общую комнату, я на всякий случай закрыл глаза: вдруг моя сестра решила снять маску.

Внезапно осознание совершенной ошибки резануло меня по животу острым лезвием.

Все это проделки Человека-сверчка. Он пришел в наш дом на запах крови сестры и спрятался где-то, чтобы его никто не заметил, а теперь разглядывает меня из темного угла своими выпученными глазами. Усики-антенны шевелятся и царапают потолок. Когда все разошлись, он захватил мою сестру и теперь использует ее в качестве приманки, уверенный, что сможет добраться до меня.

И у него получилось. Я стоял, беззащитный, посреди комнаты, крепко зажмурившись от страха. Я втянул голову в плечи, ожидая, что вот-вот заскрипят его колени и коснутся моего лица.

Однако ничего подобного не произошло.

Я осторожно приоткрыл один глаз и оглядел

комнату. Все здесь было привычно и на своих местах: диван, папино кресло, полки с книгами и кассетами. Красные огоньки на телевизоре и видеомагнитофоне осветили силуэт с длинными волосами.

Я зажмурился так сильно, что приподнялась верхняя губа.

— Что ты здесь делаешь, скажи на милость? — прошептала сестра.

— Человек-сверчок, — ответил я.

Сестра прикрыла щель на месте рта рукой и спросила:

— Ты слышал скрип?

Резинки на ее затылке натянулись, и, осмелев, я открыл глаза.

Красный свет подсвечивал застывшие черты ее маски. Она сидела на полу, скрестив ноги и прислонившись к дивану. Глаза в прорезях казались черными, такими, по моему мнению, были глаза у Человека-сверчка.

— Почему ты здесь? — спросил я.

Голова сестры упала на грудь. Я заметил на белой поверхности разводы крови, которые не оттерла мама. Я сел рядом, коснувшись ее левым боком. Слушая дыхание сестры, я размышлял, спросить ли ее о том, о чем хотел, или, как обычно,

позволить всему идти своим чередом. Наблюдать со стороны и принимать на веру объяснения отца и мамы. И бабушки, конечно.

— Это был папа? — наконец спросил я на выдохе, вытянув губы трубочкой, словно курящая кальян гусеница в книжке о приключениях Алисы в Стране чудес. Я не только читал о них, но и смотрел фильм. Это была одна из кассет, которые папа хранил на нижних полках.

— Па…па? — Первый слог сестра произнесла шепотом, второй нормальным голосом. — Что папа?

— Кровь, — пояснил я.

Сестра вздохнула.

Я поднял руку, чтобы погладить ее по щеке, но передумал. Рука зависла в воздухе. Сестра это заметила и сжала запястье. Глаза ее стали маленькими, как личинки пчел в сотах.

— Можешь ко мне прикоснуться, — прошептала она. — Если хочешь.

— Я не хочу…

Сестра потянула на себя мою руку. Кончик моего пальца лег на холодную щеку маски. Я сжал кулак. Сестра накрыла ладонью мою свободную руку. Ее жест меня немного успокоил. Я расслабил руку и положил ее на щеку маски.

Белая стена, скрывшая ото всех мою сестру.

— Я чувствую тепло, — сказала сестра.

Поверхность маски казалась мне холодной и жесткой, но под ней угадывалось живое существо, так было с моим цыпленком за скорлупой яйца.

— Это был он? — повторил я вопрос.

Личинки пчел забегали. Сестра оглядела мое лицо, наши руки и сглотнула.

— Да, — наконец ответила она. — Все из-за него. — Она сжала мои пальцы и оторвала их от пластика. Большой палец пронзила боль. — Но ты не должен никому говорить. Поклянись Тем, Кто Выше Всех.

Я вспомнил бабушкины четки. Сестра хочет, чтобы я опять дал клятву? Красный свет сигнальных огней изменил угол падения и цвет маски, теперь под глазами появились темные полукружия.

— Никому, — повторила сестра.

Свет исчез в прорези на месте рта. Сестра оттолкнула мою руку и встала. Шаги ее были тихими и легкими, пол под ногами в носках не скрипел. Я потер заболевший большой палец. Дверь комнаты закрылась раньше, чем я успел подняться. Сестра исчезла неожиданно, как лучик солнца, который я ловил днем в этой ком-

нате, из моих рук.

Я на цыпочках вернулся к себе в спальню и улегся в постель под громовой храп брата. Вытянув руку, я провел по изогнувшемуся матрасу его койки, потом погладил пальцем ладонь, касавшуюся маски сестры. Возможно, под ней скрывались обтянутые обожженной кожей кости. Лицо наизнанку.

Натянув простыню до самого подбородка, я стал просить Того, Кто Выше Всех, не наказывать меня очень строго, если я нарушу клятву и расскажу обо всем, что узнал, маме. И еще я попросил его удержать отца и не позволить ему делать сестре больно.

— Ты можешь больше не приносить для меня картошку, — предложил я и вспомнил о досках, из которых отец сделал колыбель для ребенка. Они появились в подвале за два дня до того, как сестра родила на столе в кухне. Бабушка тогда твердила, что кроватка нужна срочно; я уверен, что она просила послать нам доски еще с той поры, как сестра завела привычку сидеть, сложив руки на выпирающем животе. И все же они появились только тогда, когда сестра пожаловалась на боли.

Значит, Того, Кто Выше Всех, надо просить за-

ранее. Значит, тот, кто прибит гвоздями к кресту, висящему у бабушки на шее, не может исполнять желания мгновенно. Так что на данный момент защита сестры — моя обязанность.

18

На следующее утро, когда мама рассказывала мне о тектонических плитах Земли, которые постоянно сдвигаются, и образуются горы, я думал совсем о другой книге — «Как стать мальчиком-шпионом». В ней я найду все, что поможет защитить сестру.

Мама рассказывала о ядре, земной коре, мантии и прочем.

— Ты все понял? — спросила она в конце.

Я кивнул.

— Давай проверим. — Она открыла книгу на странице, где на картинке была изображена Земля с вырезанной, как у апельсина, долькой, и повернула ко мне. — Теперь практические занятия. Где мы живем? — Она протянула мне карандаш, которым подчеркивала самые важные предложения в тексте.

Я встал на колени на сиденье стула и принялся рисовать прямоугольник — подвал.

Мама вздохнула.

— Сынок, это ядро Земли, самый центр. Разве мы живем там?

Я поднял на нее удивленный взгляд, не понимая, что сделал не так.

Мама выхватила у меня карандаш и ткнула в сине-белую часть шара.

— Мы живем здесь.

— Правда?

Мама кивнула.

— Это хорошо. А я думал, намного глубже.

Ее рука с красными рубцами легла на мою. Мама посмотрела на меня с тоской.

— Что? — спросил я, не выдержав. — Почему ты так смотришь?

Мама улыбнулась и закрыла глаза.

— Ладно, урок окончен, — произнесла она.

Я опрометью бросился в свою комнату, открыл книгу и принялся читать главу с советами, которые должны были непременно помочь мне ночью. Первым был самый важный принцип любого хорошего шпиона.

– *Главное, чтобы тебя никто не заметил*, — громко прочитал я и добавил шепотом, склонившись к странице: — Никто и не заметит.

Еще в книге говорилось, что я должен изучить местность. Это не проблема, я знал комнату

сестры до мельчайших деталей. На картинке мальчик-шпион был одет во все черное. Самым подходящим по цвету из найденного в шкафу были черная футболка и серые пижамные штаны. Я спрятал их под простыню. На лице должна быть маска с прорезями для глаз и рта. На всякий случай я обыскал всю спальню, хотя знал, что ничего подобного в подвале нет. У мальчика на картинке была в руках такая штука — рация, с ее помощью он мог связаться со штабом в случае опасности. Я покачал головой, у меня не было таких устройств, впрочем, как и штаба, способного оказать помощь. В другой руке мальчик держал фонарик. У нас были только свечи и коробка спичек в ящике, самом верхнем в кухне. Когда я был маленьким, папа показывал мне фокус, который всегда меня смешил. Он раскладывал пять спичек, потом зажигал одну, от нее вспыхивали остальные и взлетали в воздух. Потом я подрос, и он перестал так делать. Я провел пальцем по картинке, по кругу света на грязной дорожке.

— Фонарь мне пригодится, — пробормотал я.

В этот момент карандаш внутри банки ударился о стенку, по нему ползали мои жуки. Я улыбнулся своей мысли. Пусть у меня нет рации и маски, но есть секретный фонарь. Я открыл

ящик, и светлячки вспыхнули, освещая все изнутри, включая кусок скорлупки.

— Только вам надо потухнуть и включиться, когда я скажу, — прошептал я. — Нельзя, чтобы нас увидела сестра. Или папа. Особенно папа.

Зеленые огоньки погасли. Я несколько минут наблюдал, как они ползают по стенкам банки, а потом громко повторил первое правило шпиона:

– Главное, чтобы тебя никто не заметил.

Весь следующий день я учился делать самое важное упражнение в своей комнате. Перекатывался по полу из одного конца спальни в другой. К ужину я так нервничал по поводу предстоящей операции, что почти не мог есть.

Мама встала, чтобы убрать тарелки, и задела головой лампочку. Тени сжались, потом вытянулись, искажая общую картину. Папа взялся за лампочку, чтобы остановить ее.

— Ты не голоден? — спросил он меня. — Половину оставил.

Вилкой я снес пик горы из картофельного пюре, отправил его в рот и стал медленно пережевывать: аппетита не было.

— Ну же, быстрее. Мама не может ходить туда-сюда за каждой тарелкой.

Я проглотил все, что было во рту.

— Вот молодец, — похвалил папа.

— Больше не хочу. — Я оттолкнул тарелку до самой середины стола. Она утащила за собой скатерть, образовав складку.

— А ты знаешь, что во многих частях планеты дети умирают от голода?

— Я ничего не знаю о всяких частях планеты.

— Ты все знаешь, — вмешалась мама. — Сегодня мы читали о мантии, ядре… А знаешь, он нарисовал наш подвал рядом с центром Земли.

Бабушка заморгала, сестра громко рассмеялась.

— Сейчас я тебе кое-что покажу, — сказала она и встала.

— Ты доешь или нет? — спросила мама.

Я замотал головой.

Отец оглядел меня с выражением крайнего удивления на лице.

— И ты даже не хочешь узнать, какой мы сегодня будем смотреть фильм?

— Какая разница. — Я пожал плечами. — Мне ведь все равно не разрешат его смотреть.

— Потому что ты моложе меня, — довольно произнес сидящий рядом брат. Капля слюны с его нижней губы упала на скатерть.

— Почему бы нам не посмотреть сегодня вече-

ром мультфильм? — предложила бабушка.

Брат недовольно застонал.

— Не волнуйся, бабуля, — сказал я. — Сегодня я устал и пойду спать.

— Голос у тебя совсем не усталый.

Остатки пюре превратились в твердый ком в горле. Бабушка меня раскрыла. Операция под угрозой, а ведь она еще не началась. Конечно, я никогда не был таким крутым, как мальчик на картинке в моей книге, ведь у него есть правильная одежда, фонарик и даже рация. Мне же приходилось писать секретные послания лимонным соком и разговаривать с цыпленком и светлячками азбукой Морзе.

Я чувствовал взгляды всех членов моей семьи, будто их глаза выделяли тепло. Или мне стало жарко от горячей крови, ударившей в голову? Я огляделся исподлобья, пытаясь найти способ выйти из неловкого положения, и увидел сестру около полок. Она присела и вела пальцем по корешкам книг на нижней полке.

— Вот она! — выкрикнула сестра, и внимание всех, собравшихся в комнате, переключилось на нее. Кроме бабули, которая все еще смотрела на меня с подозрением.

Я ощутил удар по плечу.

— Смотри. — Перед моими глазами появилась обложка. — Это о центре Земли. А мы всего лишь в подвале.

Папа зацокал языком.

— Отстань от него.

Я взял книгу и прочитал название: «Путешествие к центру Земли».

— Будет что почитать в кровати, пока ты на самом деле не устанешь, — вмешалась бабушка.

Она подмигнула мне, и подозрительное выражение лица исчезло, будто его и не было.

Я открыл книгу на первой странице и положил на пол у кровати. Она показалась мне похожей на палатку для подвальных крыс. Потом я вылез из-под простыни и надел одежду, похожую на форму мальчика в книжке.

Из коридора послышались шаги.

Я нырнул в кровать и накрылся простыней, не забыв подхватить книгу с пола.

В комнату вошла мама.

— И с каких пор ты ложишься, не поцеловав меня? — Она села на край, погрозила мне пальцем и опустила книгу. — И почему ты спишь в футболке?

Не сообразив, что ответить, я решил озадачить ее встречным вопросом:

— А мы живем в центре Земли?

— Мы ведь уже разобрались, что это не так.

Мне ужасно хотелось рассказать ей все, что я узнал: мой племянник — сын папы, а папа делает сестре больно и кровь из носа у нее пошла тоже из-за папы.

— Мама…

Я замолчал, вспомнив о клятве именем Того, Кто Выше Всех. Звуки превратились в металл и так и остались на губах. Язык стал тяжелым.

— Да…

Тот, Кто Выше Всех, мог перестать посылать нам продукты. Из-за меня вся семья могла остаться без еды и умереть.

— Могут ли представители одной семейной группы у млекопитающих спариваться и заводить потомство?

Мама не ответила.

— Почему ты спрашиваешь?

Я пожал плечами.

— Я прочитал в книге о животных, что они так не делают.

— Нет, не делают, — подтвердила мама и склонилась, чтобы поцеловать меня. — Это нехорошо, — добавила она шепотом. — Но иногда такое случается.

Тогда я понял, что сестра сказала правду. И мама обо всем знала.

— По-моему, кто-то не почистил зубы перед сном, — продолжала она. — От тебя пахнет пюре. Вставай. Это займет всего две минуты.

— А детеныши других млекопитающих чистят зубы? — ляпнул я первое, что пришло в голову.

— Ладно, ты выиграл, — улыбнулась мама. — Но я позволяю тебе отступить от правила только сегодня. Не понимаю, к чему ты завел этот разговор о млекопитающих, мне казалось, ты увлечен своими жуками.

У выхода она повернулась и спросила, оставить ли свет включенным.

— Да, я немного почитаю.

Как только закрылась дверь, я опустил книгу на пол, выбрался из кровати и положил подушку под простыню так, чтобы было похоже на очертания тела. Брат не заметит моего отсутствия, даже если я исчезну вместе с кроватью, он пребывает в каком-то своем мире, но родители могут заглянуть и проверить, сплю ли я. Открыв ящик, я достал банку со светлячками. Они засветились, словно подмигивали мне по очереди, должно быть, нервничали, как и я, перед сложной шпионской операцией.

— Нам пора, — прошептал я им.

Прежде чем открыть дверь, я выключил свет и прислушался. В кухне лилась вода. В общей комнате разговаривали. Брат громко обсуждал с отцом, какой фильм им посмотреть. Я бесшумно пересек коридор. В спальне сестры было темно, но ребенок не плакал. Мама была права, когда говорила, что лучший способ победить страх — посмотреть ему в глаза.

Я постучал по крышке банки, светлячки вспыхнули, освещая часть помещения. Копируя одно из движений, описанных в книге, выполнять которое тренировался весь день, я перекатился по полу к кровати сестры и стал заползать под нее. Сначала ноги, потом туловище и, наконец, голова. Я помогал себе свободной рукой и справился довольно ловко. Я лег на живот, поставил банку рядом с головой, положил руки на пол одну на другую и опустил на них голову.

— Отключитесь, — сказал я светлячкам. — Нам надо привыкнуть к темноте.

Несколько секунд я ничего не видел, кроме черной пелены перед глазами, но потом стал различать очертания предметов. Первым стали проявляться вертикальные линии, зависшие в воздухе прямо передо мной. Потом у них по-

явилось основание, и вскоре я видел детскую колыбель целиком.

Сам малыш был темным пятном. Я разглядел кровать бабушки и даже полосы на полу вокруг ее ножек, прочерченные за долгое время. Пол был своего рода кожей подвала, и время состарило его и изменило, как и лица всех моих родных. Пыль и крошки бетона. Я хорошо их видел и чувствовал запах.

Глубоко вздохнув, я стал ждать.

Пока наконец не открылась дверь.

19

Я сразу узнал шарканье тапочек бабули и уловил запах пудры. Я затаил дыхание, потому что она могла меня услышать. Тапки появились у меня перед глазами и были похожи на двух страшных грызунов. Остановившись у колыбели, бабушка медленно пошла к своей кровати.

Скрипнули пружины, растягиваясь под ее весом, и я позволил себе вздохнуть.

Я слышал, как она открыла ящик тумбочки, и в руках ее появились четки — я сразу понял это по звуку. Она стала молиться, слова слетали с губ и шелестели, как крылья бражника. Благодаря этому я мог свободно дышать.

Прежде чем закончить, бабушка произнесла странную фразу:

— Забери у меня дни и отдай ему.

Звук поцелуя означал, что бабушка дала какую-то клятву Тому, Кто Выше Всех.

— Тебе не надо об этом просить, — раздался, к моему удивлению, мамин голос. Оказывается, она вошла в комнату, пока бабушка молилась. Мама включила свет. — Я уверена, у него впереди много-много дней. Вот увидишь. — Она села на кровать рядом с бабушкой.

— Видит Бог, я хочу, чтобы ты оказалась права, — ответила бабушка. — Но он уже стар. Мы оба старые. Врач давно объяснил ему, чего ожидать. Он делал все возможное целых десять лет, но…

Мама обняла бабушку за плечи.

— …и я не хочу быть здесь, когда его не станет, — закончила бабушка, всхлипывая.

Я не представлял, о чем они говорят.

— Все образуется, — сказала мама. — Я уверена, у него впереди еще годы жизни. Он сильный.

Я услышал звук поцелуя.

— И твой сын в этом уверен. Поэтому он и хочет устроить переезд деда. Решать ему. Никому из нас не суждено узнать, как лучше, но…

Заплакал ребенок, и мама встала. Разговор

прервался. Мама склонилась над младенцем.

— Что с ним? — спросила бабушка.

Мама принялась тихо его убаюкивать. Малыш перестал громко плакать, лишь тихонько хныкал.

— Знаешь, наш мальчик задал мне сегодня очень странный вопрос, — произнесла мама.

Я навострил уши, поняв, что заговорили обо мне.

— Странный? — рассеянно спросила бабушка.

— О животных. О том… — Она помолчала, видимо вспоминая. — Могут ли члены одной семьи млекопитающих иметь потомство.

Ящик тумбочки у кровати бабушки с шумом захлопнулся.

— Он спросил об этом из-за ребенка?

— Даже думать об этом боюсь.

Бабушка опять всхлипнула, и мама поспешила сесть с ней рядом. Я увидел, что черное пятно из колыбельки исчезло, значит, мама взяла ребенка на руки.

— Ну, что теперь? Чем я тебя расстроила?

Бабушка зашмыгала носом.

— Ничем. Твоей вины тут нет. Дело в ребенке. Клянусь… я люблю его больше самой себя. Клянусь, это правда. Но каждый раз, когда я беру его

на руки… — она тяжело перевела дыхание, — каждый раз чувствую тяжесть ответственности за решение, которое мы приняли.

Бабушка плакала и всхлипывала, но продолжала говорить, хотя речь все больше походила на вой.

— Это самый страшный грех, совершенный в подвале. Самый тяжкий из всех наших грехов.

Из моих глаз потекли слезы. Я вспомнил, как сестра царапала мне спину, оставляя следы, как у папы. Вспомнил единственную слезу, которую она проронила, рассказывая мне о ребенке. Слеза тогда упала на край ее маски.

— Как мы могли такое допустить? — продолжала бабушка.

Мама помолчала и произнесла:

— Мы можем корить себя постоянно, но какой в этом прок?

Бабушка шумно высморкалась.

— И знаешь почему? — продолжала мама. — Потому что, к счастью, у нас есть здоровенький малыш. Такой же милый, как твои внуки когда-то. Мы будем заботиться о нем, как и о них. У этого ребенка впереди целая жизнь. И еще. Мы с тобой, ты и я, всегда будем любить этого малыша больше всех.

Мама вздохнула и прошептала:

— Красавец наш заснул. Такой прелестный, а мать его не любит.

Мама встала, чтобы положить ребенка в кроватку.

— И отец тоже не любит, — добавила бабушка.

Мама опять вздохнула.

— Это не важно, — прозвучал ее голос от двери. — Спокойной ночи. — Она выключила свет, и мы опять остались в темноте.

— Спокойной ночи, — прошептала бабуля.

Я старался дышать очень тихо, пока дыхание бабушки не стало ровным и почти неслышным. Мне удалось придумать сотни объяснений только что услышанному. Убедившись, что бабушка крепко спит, я осмелился перевернуться.

Вскоре появилась моя сестра.

В комнату проникли блики телевизионного экрана, исчезнувшие сразу, как вспыхнул свет. Я закрыл глаза рукой, чтобы привыкнуть к новой картине реальности, а убрав, увидел две ноги у колыбели. Я прижал подбородок к полу, чтобы увеличить обзор. Сестра положила руку на животик малыша и покачала. Ребенок спал.

Сестра повернулась чуть в сторону и замерла. Теперь я хорошо видел острый нос ее маски,

уголок рта. Наверное, она прислушивалась к дыханию бабушки, так же дышал и я всего минуту назад. Я смотрел, как поднимается и опускается ее грудь, и вдыхал и выдыхал в унисон, то замедляясь, то ускоряясь.

Сестра опять покачала младенца.

Она чего-то ждала.

Затем рука оторвалась от животика ребенка и опустилась в один из карманов на ночной сорочке с пятью кнопками. Она медленно расстегнула их одну за другой, не сводя глаз с малыша. Пальцы быстро шевелились в кармане, словно он жил своей жизнью, например, там завелись тараканы.

Скрипнула бабушкина кровать, и раздался ее голос:

— Еще не время.

Пальцы выскочили из кармана со скоростью настоящих тараканов.

— Если покормишь его сейчас, потом все равно придется вставать, — добавила бабушка.

Маска сестры повернулась к ней, потом опять к ребенку и обратно.

— И выключи свет. Его будет непросто приучить к темноте. Гораздо сложнее твоего брата.

Я улыбнулся в ладошку, будто выиграл приз.

— Откуда ты знаешь, что я включила свет? — поинтересовалась сестра.

— Думаешь, я не слышала щелчок выключателя?

Сестра подошла к двери и с силой ударила по выключателю.

— И теперь слышала?

— Отлично, — спокойно ответила бабушка, игнорируя язвительный тон сестры. — Без света лучше.

Из темноты постепенно выплыли пол, колыбель и ножки кровати. Ко мне приближались два пятна — ноги сестры. Что-то коснулось моей спины — матрас, просевший, когда она села. Я положил банку на бок и прижался щекой к полу. Я вспомнил, как мама объясняла мне, что лапша — это расплющенные на столе спагетти.

Пружины дрогнули, сильнее надавив на спину. Я выгнулся, чтобы повторить контуры матраса. Растянулись резинки маски и щелкнули. Шуршание — маска легла на тумбочку.

Вскоре сестра дышала в точности как бабушка.

Я долго лежал и прислушивался к ним обеим, стараясь подстроиться. Я несколько раз моргнул, чтобы прогнать сон, и провел рукой по шершавому от крупиц бетона полу. Такое же ощущение

было, когда я гладил волосатую складку на лице папы.

Глаза закрылись, кажется, всего на секунду.

Оказалось, не на секунду.

Меня разбудили торопливые шаги.

Кто-то ходил по комнате.

Я распахнул глаза, испугавшись, что это Человек-сверчок вернулся в подвал за ребенком, которого ему не удалось выкрасть в первый раз. Или чтобы посадить в свой мешок меня за то, что я прячусь под кроватью и шпионю.

Моргнув несколько раз, я вспомнил о своей миссии и решил, что около двери в комнату ходит папа. Он хочет сделать так, чтобы у сестры опять пошла кровь или в животе ее появился ребенок.

Матрас с одной стороны кровати надо мной приподнялся, я уже был готов дать команду светлячкам загореться. Чьи-то ноги ступали по полу около колыбельки. Я услышал, как сестра напевает, не открывая рта. Мм… мм… Это была мелодия из любимого фильма отца. Самая грустная из всех, что я слышал. Теперь я смог разглядеть фигуру сестры около кроватки малыша.

На самой высокой ноте сестра замолчала, и ребенок заплакал.

— Я же тебе говорила, — сказала бабушка таким

глухим голосом, словно он вылетел из страны снов и не сразу добрался до этой комнаты. — Включи свет.

Сестра не ответила, но сделала, как велела бабуля. Услышав щелчок выключателя, я изо всех сил зажмурился, но потом немного расслабился, слушая грустную мелодию, от которой ребенок то кричал громче, то успокаивался.

Я хотел выглянуть из-под кровати, но вспомнил, что сестра сняла маску перед сном и положила на тумбочку. Лучше я буду смотреть ей на ноги. Я поднял глаза выше, к ее бедрам, потом увидел ножки малыша, которого она держала на левой руке. Пальцы утонули в складках подгузника.

Продолжая напевать, сестра расстегнула верхние пуговицы сорочки и достала грудь.

Я заметил фиолетовый кружок у соска и подался вперед, чтобы увидеть больше, однако не забыл об осторожности и остановился прямо у рамы кровати, загораживающей лицо сестры.

Сестра внезапно замолчала, и я испугался, что выдал себя неловким движением или она услышала, например, шуршание песка под моей рукой. Сестра перевела дыхание и продолжила.

Теперь я видел голую грудь и младенца целиком. Лицо его было сморщенным, глазки

закрыты. Рот, напротив, широко открыт, будто он готовился закричать. Нет, вместо этого он стал покусывать другую грудь сестры через сорочку.

— Не эту, — сказала она ему и движением плеча оттолкнула головку. И тут я заметил шевеление в ее кармане. Воображаемые тараканы вернулись. Спрятанная там рука продолжала двигаться.

Сердце забилось у меня в ушах. Казалось, весь дом мог услышать.

Сестра опять взяла самую высокую ноту, замолчала, а через мгновение начала сначала.

И тогда рука ее вылезла из кармана. Я сразу заметил, что пальцы сжимают голубой кубик. Такого цвета был крысиный яд, который давал мне папа. Подняв руку, она провела кончиками пальцев вокруг соска, не переставая при этом напевать. Затем опустила ее и отряхнула о карман сорочки, так делала мама после того, как добавляла соль в салат.

— Все в порядке? — спросила бабушка.

— Все хорошо, — ответила ей сестра, прервав на время песню.

Я во все глаза смотрел на голубой порошок на ее соске.

— Вот так, — сказала сестра ребенку. — Теперь правильно. Теперь можешь поесть.

Она направила в рот малыша припорошенный голубым порошком сосок.

20

Пытаясь выбраться, я задел головой пружины, поддерживающие матрас. Подбородок ударился об пол, я случайно толкнул банку, и светлячки покатилась, кружась в ней. Я принялся бить руками и ногами, стараясь шуметь как можно громче. Закричать я не смог.

Высунув голову, я уперся в пол руками и приподнялся. Меня уже не заботило, какое лицо я увижу вместо маски сестры. Непривычно было видеть ее волосы лежащими на плечах, ведь их больше не удерживали резинки.

— Что происходит? — закричала бабушка.

Она встала и принялась размахивать руками, будто на нее набросился рой ос.

Сестра отпрыгнула от кроватки ребенка и скрылась в дальнем углу комнаты. Она вела себя как крыса, которую я нашел в этой самой кроватке. Упершись в стену, она остановилась, не зная, куда бежать.

Малыш громко заплакал. Крик звучал глухо, что вполне объяснимо, ведь он был зажат в небольшом пространстве между грудью сестры

и стеной.

Я подбежал и попытался обхватить ее, но она оттолкнула меня локтем. Рука ее угрожающе повисла в воздухе и показалась мне огромной, как лапа жука-богомола.

— Отпусти ребенка! — завизжал я.

Грубая ладонь накрыла мне рот. Я почувствовал вкус пудры. Бабушка развернула меня и потащила в сторону. Я тянул назад руку, пытаясь ухватить сестру. Или племянника. Пальцы сжимали лишь воздух. Бабушка взяла меня за плечи и присела напротив. Пряди белых волос упали ей на лицо, застревая в складках век и уголке рта. Впервые ее залысины были так близко.

— Что случилось? — прокричала она и взяла мое лицо в ладони. — Быстро рассказывай, что ты видел.

Я выдохнул.

Сестра зашмыгала носом в углу. Я вытер пот со лба и застонал от бессилия. Ничего сказать я не мог.

Прошло некоторое время, прежде чем я выдавил из себя:

— Она хотела дать ребенку крысиный яд.

Брови бабушки почти сошлись на переносице. Она пожевала губами, но ничего не сказала.

А потом я услышал грохот в своей спальне. Он пронесся по коридору, приближаясь. Наконец дверь распахнулась, ручка ударилась о стену, и появился мой брат.

— Возьми у нее ребенка, — мгновенно распорядилась бабушка и ткнула пальцем в угол, где корчилась сестра.

Я отступил, пропуская брата. Локоть моей сестры не стал для него препятствием. Как и нога, которой она пиналась. Все же брат получил несколько ударов, прежде чем схватил ее за руку и потянул на себя, увеличивая расстояние между стеной и ее телом. Сестра истерично рыдала, уже не пытаясь защититься.

— Берите ребенка! — закричал брат, обращаясь к нам.

Вперед вышла бабушка. Она принялась ощупывать внуков, пытаясь отыскать зазор между ними, где должен был лежать ребенок.

— Вот он, — сказала бабушка и положила руку на плечо брата. — Отдай мне ребенка, — велела она сестре.

Та лишь рыдала и корчилась.

— Отпусти его, — грозно повторила бабушка.

Толстая вена на ноге сестры изменила цвет, когда она поднялась на цыпочки. Из-за спины

появилось красное лицо племянника. Бабушка схватила его под мышки, и малыш засучил ножками. Она села на кровать и принялась его укачивать.

В следующую секунду в комнату вбежала мама.

— Отпусти ее! — крикнула она брату, прижимавшему сестру к стене. — Отпусти!

Брат увернулся от острого локтя сестры и ответил недовольным ворчанием.

— Это не то, о чем ты подумала. На этот раз он ничего плохого не хотел, — сказала маме бабушка. — Виновата твоя дочь.

Мама замерла в нерешительности. Старая футболка, в которой она спала, съехала вперед, опускаясь до самых колен, и открыла ложбинку на груди.

В дверях появился отец.

Он заморгал, увидев, что мама стоит, расставив ноги, а руки ее безжизненно висят вдоль тела. Брат оттолкнул сестру обратно в угол. Бабушка подняла ребенка, будто предлагая взять его любому, кто захочет.

— У него губы голубые? — спросила она.

Малыш стал пинаться и заплакал.

— В смысле? — не понял папа и повернулся ко

мне: — Что такое говорит твоя бабушка?

Вместо ответа, я подошел и прижался к бабушке. И схватил ее руку, чтобы она поняла, что я рядом. Она передала мне ребенка, и я взял его, как учила мама.

— Почему у него должны быть голубые губы? — спросил отец.

Я тихонько сел на край бабушкиной кровати и раздвинул пальцами губки ребенка. Пузыри слюны и слизь из его носика потекли мне на руку. Я принялся изучать его десны. Малыш закричал, и я смог заглянуть ему в рот. Не обращая внимания на слезы, которые так не вовремя потекли у меня из глаз, я наклонился к малышу и принюхался.

— Нет… — оторопело протянула мама. Должно быть, она наконец поняла, что происходит. Может быть, она вспомнила о том, что пропал крысиный яд, и поняла смысл вопроса бабули. И почему я плачу, а брат не выпускает сестру из западни в углу.

— Что ты сделала с ребенком? — закричала мама, повернувшись на мгновение к сестре, а потом присела напротив меня и принялась рассматривать лицо ребенка. Потом она ущипнула его легонько, потом еще раз и еще. Я хотел убрать малыша подальше, но тут он заплакал, и я понял,

чего добивалась мама. Она сжала его рот так, чтобы он не закрывался, пока она не увидит голубую точку на кончике языка.

Мама выхватила у меня ребенка.

— Надо сделать так, чтобы его вырвало, — сказала она.

— Не волнуйся, — выпалила сестра из угла. — Он не умрет. — Она судорожно схватила ртом воздух. — Никогда… никогда не умирал.

Шрам на лице отца изогнулся и превратился в прямой угол. Такого я никогда не видел.

— Вы не сможете заставить… — Сестра задыхалась, глотая слова. — Не сможете… заставить… меня полюбить… его. Этот ребенок — мерзость.

— Заткнись! — закричал отец. — Здесь мальчик!

Родители переглянулись и вместе посмотрели на меня.

Бабушка выпрямилась, и я услышал, как хрустнули ее шейные позвонки. Мама с ребенком на руках поспешила в ванную. Отец подошел к углу и оттеснил брата.

— Что ты сделала с ребенком? — обратился он к сестре.

Та закрыла ладонями уши поверх волос и замотала головой. Отец заставил ее повернуться. Я

быстро закрыл ладонями глаза.

— И почему ты без маски? Разве не видишь, здесь твой младший брат?

— Мне плевать. Ты классно натренировал сына. Он знает, что делать, чтобы не увидеть мое лицо.

— Вот и отлично. Незачем ему это видеть.

Сестра застонала.

— Отвечай, что ты сделала с ребенком?

— Дала немного этого, — ответила сестра, и я услышал звук, который не смог разобрать.

— Убери язык. И отвечай: почему он голубой?

— Тебе не все равно — папа?

Последнее слово она произнесла с издевкой. Я сразу понял причину. Потом услышал звук пощечины. Потом еще один, а следом булькающий смех брата.

Бабушка взяла меня за руку.

— Пойдем отсюда, — прошептала она.

Еще одна пощечина и стон сестры.

— Хочешь унизить меня? Еще больше? — выкрикнула та.

Бабушка потащила меня к выходу. Я вспомнил о банке со светлячками под кроватью и стал упираться, но бабушка была сильнее. За нами хлопнула дверь и закричала сестра.

В ванной мама держала ребенка у себя на груди.

В некоторых местах ее футболка была мокрой.

— Получилось, — сказала мама. — Его вырвало. — Она показала на голубые разводы на стенках умывальника. — Видишь?

— Что там? — спросила бабушка.

Я ответил.

Мама взяла ребенка под мышки, подняла на вытянутых руках и стала разглядывать его лицо.

— С ним все будет хорошо? — спросила бабуля.

— Выглядит он нормально. Надеюсь, в желудке ничего не осталось.

— Ты промыла ему язык?

— Пришлось потянуть за него, только так я смогла вызвать рвоту.

— Он не мог проглотить много, — вмешался я. — Как только он собрался взять грудь, я вылез из-под кровати.

— Да, а почему ты там прятался? — спросила бабушка.

Мама покачала малыша.

— Прятался? И почему ты так одет?

Я вспомнил о секретной операции, о желании защитить сестру от отца. А надо было защищать племянника от сестры.

Я повернулся и вышел из ванной, так и не ответив маме.

— Где он прятался? — спрашивала мама, уже шагая по коридору в сторону кухни.

Бабушка принялась подробно объяснять, что произошло в комнате. Я нажал на выключатель, и на полу появились конусы света. Приставив стул спинкой к духовке, я забрался на него, чтобы дотянуться до самого верхнего шкафчика. И открыл. В нос ударил запах сухих тряпок. Там же стояли бутылки с отбеливателем, нашатырным спиртом, две сгоревших наполовину свечи, спички, мочалки для посуды с истертой зеленой стороной, а за ними, у задней стенки, коробка, которую я искал. С крысиным ядом. Я спрыгнул вниз, забыв о том, что надо поставить стул на место, и посмотрел на морду крысы в желтом круге.

Открыв коробку, я высыпал все оставшиеся голубые кубики в раковину и включил воду. Взяв деревянную ложку, я стал подталкивать их под струю воды, дробя на мелкие кусочки, чтобы они скорее проскочили в сливное отверстие.

Стоило мне представить, что могло бы случиться, слезы сами собой полились из глаз. Мне больше не довелось бы держать малыша и сидеть вместе под солнечным лучом в общей комнате. Или стоять у окна в коридоре и вдыхать воздух,

прилетевший снаружи. Мы не выросли бы с ним вместе, и я никогда бы не рассказал ему, как поставил банку со светлячками в его колыбель, когда он боялся темноты.

Сестра ошибалась, говоря, что для меня и малыша существование в подвале — не жизнь.

Это жизнь. Самая настоящая.

Наша жизнь.

Другой у нас нет.

Последние крупицы яда растворились в раковине.

В коридоре открылась дверь одной из комнат, и я сразу услышал плач сестры и удары о стену.

— Прочисти и ей желудок, — сказал отец. — Она сама наглоталась этой дряни.

В умывальник потекла вода.

Пока вся семья занималась сестрой, я воспользовался моментом и проскочил в комнату племянника. Первым делом я полез под кровать и нашел то, за чем пришел. Банка со светлячками откатилась к стене. Я взял ее и решил спрятать под черной футболкой. Конечно, она выпирала, но я знал, что сейчас никто не обратит на это внимания.

Брат стоял в коридоре и, вытянув шею, пытался разглядеть, что происходит в ванной. Дом напол-

нился звуками: стоном сестры, глупым гиканьем брата, вздохами бабушки и ее советами, что и как делать. Закрывая дверь своей комнаты, я услышал, как отец сказал:

— Я не желаю возиться еще с одним трупом.

21

Я быстро поставил банку в ящик и разделся. Взяв подушку, замещавшую меня все это время, я положил ее на место, лег и накрылся простыней до самого подбородка.

Сестру рвало в ванной. Она плакала и кричала от боли.

Помню, она так же плакала еще беременной, когда я случайно увидел ее выпирающий пупок. Это было вечером, мы собирались принять ванну и уже разделись, ожидая, пока она наполнится.

Я посмотрел на ее пупок и спросил:

— Это ребенок готовится выйти?

— Надеюсь, еще нет, — фыркнула сестра. Она смотрела на себя в зеркало и массировала грудь.

Я присел, чтобы ее огромный живот был у меня перед глазами.

— А там внутри темно? — обратился я к ребенку и приложил ухо к животу, чтобы лучше услышать ответ. — У тебя там есть свет?

— Отойди! — прикрикнула сестра. — Думаешь, внутри меня включается лампочка? Откуда там свет?

— Но мы ведь не знаем, откуда появился свет, который попадает к нам через трещину в потолке.

Губы сестры скривились под маской.

— И папа не знает? — спросила она.

Я покачал головой, затем повернулся к ванне, поднял ногу и осторожно погрузил в воду.

И тут же отдернул.

— Что? — спросила сестра. — Холодная?

— Ледяная.

Вода в подвале никогда не была по-настоящему горячей. Даже если выкрутить кран до упора, она была умеренно теплой. Сестра стала поворачивать кран вправо.

— Зачем ты это делаешь? — не выдержал я.

— Убирайся.

— Я тоже хочу помыться.

— Убирайся, говорю. Иначе я сниму маску. Ты этого хочешь?

— Папа нас отругает, если мы будем два раза набирать ванну.

— Придешь позже.

Она двинулась прямо на меня, подталкивая

огромным животом к выходу. Когда я был уже в коридоре, сестра высунулась и огляделась.

— Считай до десяти, потом заходи, — сказала она и захлопнула дверь.

Я прислонился к стене и стал считать.

Один. Два. Три. Четыре. Я услышал, как тело сестры погружается в воду. *Шесть.* Она выдохнула через рот и сдавленно закричала от боли. *Девять*. Зубы ее застучали так громко, что было слышно через дверь. *Десять*. Я вошел.

Сестра сидела по шею в ледяной воде, только живот ее возвышался над поверхностью.

Я ступил в лужу на полу и отдернул ногу. Мурашки от холода побежали по коже.

— Она же ледяная, — сказал я.

Мокрая маска сестры повернулась в мою сторону.

— Вот и хорошо, — с трудом ответила она, стуча зубами.

Этот звук я запомню на всю жизнь.

Сейчас я наконец понял, что происходило тогда в ванной. Сестра хотела избавиться от ребенка, как и сегодня с помощью крысиного яда.

Из ванной доносились отвратительные звуки. Мама все еще пыталась промыть желудок сестре.

Дверь моей комнаты неожиданно распахнулась.

По полу от проема до моей кровати протянулся прямоугольник света. В нем темнели два силуэта — отца и сестры. Он обнимал ее за плечи, она стояла лицом к нему и спиной ко мне. Обрывки ткани ее розовой сорочки окутывали кулаки отца, как носовые платочки. На заднем плане мелькало лицо брата. Он и включил свет. К ним подошла мама с маской в руке.

— Надень, — велела она сестре и прижала маску к ее лицу.

Та оттолкнула руку.

— Больно.

Отец встряхнул сестру, сжав кулаками, покрытыми тряпочками. Ноги сестры подогнулись, голова безвольно покачивалась на шее, волосы разметались в стороны.

— Я тебя едва коснулся, — фыркнул отец.

— Успокойся, — где-то рядом сказала бабушка. — Ты заслужила не такое за то, что сделала. Бедный, беззащитный малыш.

Мама сильнее прижала маску к лицу сестры.

— Давай надевай. Здесь твой брат. Без маски ты не будешь здесь спать.

Маме удалось закрепить маску на голове сест-

ры.

— С сегодняшнего дня сестра будет спать с тобой, — сказал мне отец. — Мы не можем оставить ее с ребенком.

Отец втолкнул сестру в комнату. Она покачнулась, изогнулась, пытаясь удержать равновесие, но все же упала на спину. Я почувствовал, как рамка кровати завибрировала. Сестра потянула скрещенные руки к груди. Папа так и стоял в дверях с обрывками ткани в руках. Я пригляделся и увидел, что ворот сорочки сестры порван, в прорехах виднелась ее грудь.

— Делай, что хочешь, — процедил отец и бросил в нее кусочки ткани. Металлические кнопки ударились об пол.

Сестра несколько секунд сидела не шевелясь, затем завалилась на бок. Я быстро встал, чтобы помочь, но рядом уже были мама и бабуля.

— Может, это действие яда? — спросила она, приседая.

— Быть не может, — ответила мама. — Ее вывернуло наизнанку.

— Что же тогда с ней? — спросил отец. — Она хоть дышит?

Он подошел и прижал руку к груди сестры.

— Дышит. Просто обморок. Опять.

Я не помнил, чтобы за время нашей жизни в подвале сестра теряла сознание.

— Просыпайся, дочь! — выкрикнул папа ей в ухо.

Сестра застонала.

— Ха, ну вот… — криво усмехнулся отец.

Сестра перевернулась животом вверх. Маска обратилась к потолку, словно вознося молитву, как в ту ночь, когда у нее шла кровь носом. Она тихо что-то бормотала и мотала головой из стороны в сторону.

Отец положил ладонь ей на лоб, заставляя остановиться.

— Только попытайся что-то сделать с ребенком, и я…

Он не высказал угрозу, но пальцы его с силой сжали пластик маски. Сестра поставила ступни на пол и выгнулась всем телом.

— Надеюсь, ты меня поняла, — угрожающе произнес отец.

Сестра помедлила и кивнула.

Он взял ее под мышки и легко поставил на ноги, затем отошел на два шага и посмотрел, не упадет ли она снова. Сестра согнулась пополам, и я решил, что она не сможет удержаться, однако вскоре она выпрямилась.

— Помогите мне уложить ее в кровать, — сказал отец.

Мама подошла к ним и растерянно замерла, будто не понимая, что делать.

Отец покосился на нее:

— Что стоишь? Откинь простыню.

Мама встала на вторую ступеньку лестницы сбоку от кровати и потянула за угол простыню на койке брата.

Отец толкнул сестру в спину. Она неожиданно стала сопротивляться и уперлась пятками в пол.

— Я не лягу на его белье, — бормотала она.

Отец толкнул сильнее. Сестра продолжала упираться и бормотать:

— Не лягу я на его простыню. — Она замотала головой.

Отец дернулся, стряхивая с себя прядь ее волос.

— Их можно заменить, — сказала бабушка.

— Я принесу чистые, — спохватилась мама.

Отец толкнул сестру между лопаток, и она завизжала:

— Ни за что! Я не лягу на его простыню!

Тело ее неожиданно обмякло и стало похоже на лопнувший воздушный шарик, из которого выходил воздух.

— Только не… — бормотала сестра и стала зава-

ливаться на бок.

Отец попытался удержать ее за плечо, но вес оказался слишком большим для него, и он позволил сестре рухнуть на пол.

— Возьми себя в руки! — крикнул он, глядя на тело, скрючившееся у двухъярусной кровати.

Отец потер ладони одну о другую, словно хотел таким образом снять напряжение. От этого простого жеста на меня навалила тоска из-за всего, что произошло в доме этой ночью. Я представил, что отец мог точно так же тереть руки, когда сестра защищалась и исцарапала ему спину. В голове всплыли слова бабули о том, что ребенок был тяжким грехом. А теперь сестра хотела отравить малыша, чтобы он не жил со мной в подвале.

В груди появилось незнакомое жжение, будто там вспыхнула искра, стремившаяся разгореться в пламя.

Из глаз потекли слезы. Фигуры родных превратились в размытые пятна. Папа зашаркал тапочками, возвращаясь в свою спальню. Мама закончила менять белье наверху и взбила подушку.

— Давайте ложиться спать, — сказала она.

Она вышла из комнаты, даже не заметив, что я плачу. Слезы текли по моим щекам и скаплива-

лись в уголках губ. Я с трудом сдержался, чтобы не шмыгать носом, зная, что этот звук привлечет внимание бабушки. Она вышла из комнаты последней, но сначала несколько раз провела рукой в воздухе, пытаясь найти мою голову. Я открыл рот, чтобы глубоко вздохнуть, и во рту появился соленый привкус. Горло сдавило, когда я пытался сдержать рвущиеся наружу рыдания.

— Завтра я скажу маме, чтобы приготовила тебе завтрак, какой пожелаешь, — сказала мне бабуля и потрепала волосы. — Что бы ты хотел? Яйца или тосты?

Я пошевелил во рту языком, проверяя, могу ли говорить.

— М-м-м?

— Яйца, — прошептал я, проглотив «й».

— Значит, будут яйца. И не переживай за сестру. Она поступила очень плохо.

Она снова потрепала меня по голове и вышла. Запах пудры улетучился.

Спазм в горле наконец прошел. Я рукой вытер мокрый нос.

Сестра выглядела как кучка одежды на верхней койке. Только издавала странные сипящие звуки.

Искра в моей груди стала разгораться.

Я встал на колени у ящика.

Сглотнул скопившуюся во рту слюну.

И достал волшебную банку.

— Вы можете посветить? — спросил я светлячков. — Я хочу увидеть огоньки. — Я поднес банку к самым глазам. Внутри было по-прежнему темно.

— Прошу вас…

Я вглядывался в пространства между пальцами, мечтая увидеть свет, похожий на лучики солнца, того, что наверху. Хотя и понимал, что он будет ненастоящим, еще один искусственный свет в моей жизни, появляющийся благодаря химическим процессам в животиках жуков.

— Пожалуйста, заберите меня из темноты. — Крупные капли слез текли по щекам и щекотали губы. — Я хочу попасть туда, откуда прилетели вы.

Я моргнул, готовясь к зеленым вспышкам. Даже закрыл глаза. И стал ждать. Наверное, надо дать светлячкам время подготовиться. Осторожно подняв веки, я оглядел комнату, надеясь, что она окрасилась в зеленый цвет. Но нет, вокруг было темно.

— Ну же, — взмолился я и встряхнул банку.

Потом еще несколько раз подряд.

Карандаш бился о стеклянные стенки. Я не

останавливался, пока не понял, что произошло.

Положив банку обратно в ящик, я разрыдался по-настоящему, потому что вспомнил волшебный момент, когда впервые увидел по ту сторону окна зеленый огонек. Это был мой первый гость, прилетевший из мира за пределами подвала. То событие было самым радостным с той поры, как я понял, что мне самому никогда не побывать в мире наверху, ведь дверь в кухне не открывается.

Он был первым светлячком, поселившимся в моей банке, стеклянном подвале, в котором его заточил я. Впервые я ощутил себя потерянным в темноте, давно ставшей моей реальностью. Мне было в ней неуютно. Я стал чужим в подвале.

Искра, появление которой я не мог объяснить, превратилась в пламя. И оно обжигало.

— Я хочу уйти отсюда, — произнес я в темноту. Желание было столь острым, что я тяжело задышал.

Я знал, что выбрал новую жизнь.

— Я хочу уйти отсюда, — повторил я, вслушиваясь в каждое слово.

Куча одежды, которая была моей сестрой, зашевелилась. Звуки были новыми. Ткань издавала непривычное шуршание. Хрустнули суставы.

— Ты действительно хочешь уйти? — Новые

звуки разнеслись в темном пространстве.

Я погладил банку, внутри которой уже никогда не загорятся огоньки.

— Я хочу уйти отсюда.

— Могу тебе помочь, — сказала сестра. Маска ее чуть приподнялась, когда резинки скользнули по волосам, и теперь слова звучали по-новому, сопровождаемые дребезжанием пластика. — Если не умру.

— Ты не умрешь. Мама прочистила тебе желудок, как и малышу. Весь яд в раковине.

Сестра застонала.

— Почему ты не хотела, чтобы ребенок жил в подвале? — спросил я. — Почему тебе не нравится наша жизнь здесь?

— Мне плевать, где живет этот ребенок. Я просто не желаю им заниматься. И еще я хотела заставить страдать твоего отца. Ты не понимаешь? — Она потянулась к маске, и я на всякий случай закрыл лицо ладонями.

— Не глупи, можешь посмотреть.

Я убрал руки. Сестра поправила сорочку, села удобнее и провела ладонью по маске.

— Мне больно.

— Что отец с тобой сделал?

— Очень больно. Мне надо ослабить резинки.

Она встала под лампой и положила руку на маску так, что три пальца попали в три отверстия для глаз и рта. Я слышал, как натянулись резинки.

— Не надо, — прошептал я.

Сестра потянула маску вперед.

— Разве ты не видел, что твой отец со мной сделал? Пластик давит на раны, и мне больно.

Уведя руку в сторону, она застонала. С того места, где я сидел, лицо ее выглядело так, будто его по-прежнему закрывала маска. Сестра опустила ее и принялась регулировать резинки.

Она резко выдохнула, плечи ее опустились.

— Ты правда хочешь уйти из подвала? Наконец-то.

Я опять посмотрел на свой потухший живой фонарь.

— Да. А ты знаешь как?

— Конечно, знаю. Но сначала ты должен мне кое-что обещать.

— Что?

— Ты будешь слушать только меня. И открой наконец глаза, — произнесла сестра, растягивая гласные звуки. Она сделала круг бедрами, будто крутила невидимый обруч.

— Обещаешь?

— Да, — прохрипел я.

— Если ты сейчас не откроешь глаза, то никогда не узнаешь, что на самом деле происходит в этом подвале. Ты ничего не понимаешь и…

Она отпустила маску, не закончив фразу, и та упала.

Я на мгновение увидел ее лицо, хотел немедленно закрыть глаза, но веки отказались опускаться. Лицо, скрывавшееся под маской, все изменило.

Сестра моргнула. Ее, как и меня, переполняли эмоции оттого, что мы можем смотреть друг на друга без привычной преграды. На ее лице не было отвратительной дыры вместо носа. И не было ни одного шрама. Если не считать следов от пощечин отца, лицо сестры было таким же гладким, как мое. Мне даже удалось разглядеть две родинки под глазом — такие же, как у меня.

— Видишь?

В следующую секунду светлячки в банки засветились все разом, и даже ярче, чем раньше.

Одиннадцатью годами ранее

22

От порыва ветра задрожало стекло в раме, заставив женщину отвлечься от своего занятия. Она смотрела телевизор. Городские новости. Ранее они занимали не более минуты эфирного времени, но в последние десять дней каждый канал отправил своего корреспондента на остров. Сидевшая за кухонным столом женщина оторвала взгляд от экрана буквально на секунду, момент был чрезвычайно важным, представитель семьи пропавшей девочки собирался сделать заявление.

— Может, она упала с обрыва? — пролепетала женщина, глядя в экран. Стекло в окне опять задребезжало.

Женщина машинально продолжала нарезать морковь. Ударив несколько раз ножом, она вытерла руки лежащим на коленях полотенцем, встала и прошла к раковине. Попутно закрыла окно, оглядев черные облака, затянувшие небо на горизонте, — предвестники неминуемой грозы. Сумерки и приближающаяся буря затемнили

краски, извилистая дорожка, выложенная крупными камнями, тянущаяся от дома, казалась такой же темно-серой, как и асфальтовая, ведущая вниз, в город.

Неподалеку от одного из изгибов, рядом со старой выгребной ямой, билось на ветру постиранное белье. Очередной порыв сорвал прищепку, и белая рубашка, которую она удерживала на веревке, отлетела в сторону. За ней устремился и лист гофрированного железа, закрывавший яму.

Женщина толкнула дверь кухни, прошла через гостиную к главному входу и выбежала на улицу искать рубашку. На тропинке ее не оказалось, как и на площадке у дома. Она развевалась, как приспущенный флаг, на зарослях бурьяна. Женщина пошла вдоль участка. Если присесть и идти, припадая на руки, то ветру не удастся сбить с ног. Женщина так и сделала, но смотрела не перед собой, а устремила взгляд к серому горизонту, туда, где заканчивалось море.

Она подхватила рубашку за ворот и потянула, отрывая от чертополоха, зацепившегося за карман. Ткань в этом месте разошлась. Ветер трепал юбку женщины, коса, темная и толстая, которую она заплела утром, как делала и каждое утро до этого дня, раскачивалась за спиной, а

потом перескочила через плечо и упала на грудь. Женщина отползла на коленях от края обрыва и встала с корточек, лишь отойдя на значительное расстояние. Ладонью она стряхнула грязь и комья земли с юбки и перевела взгляд на веревку, с которой готовилось улететь и остальное постиранное белье.

Женщина вернулась в дом.

По телевизору закончили рассказывать о городских новостях и пропавшей девочке, началась следующая программа и новая история. Женщина положила спасенную рубашку на стол, взяла коробку из-под датского печенья, в которой хранила принадлежности для шитья, и положила сверху на рубашку, чтобы не забыть заштопать дырку. Оглядевшись, она поискала глазами большой таз насыщенного терракотового цвета, в котором купала старшую дочь в первое лето ее жизни. Он обнаружился под раковиной. Ветер дул яростно и трепал белье за окном, собираясь сорвать с веревки.

Женщина добралась до нее, прижав таз к бедру, и потянулась за первой попавшейся под руку вещью — очередной белой рубашкой мужа. Потом подхватила бабушкину юбку. Прищепки срывались и отскакивали в сторону. Вельветовые

штаны деда. Бюстгальтеры дочери. Десяток трусов младшего сына, которые он пачкал каждый день. И его простыни, которые тоже приходилось менять ежедневно. На веревке остался одинокий носок. Женщина оглядела веревку от края до края, опустила глаза к земле и стала поворачиваться, отыскивая взглядом второй. Тогда она и заметила на каменной дорожке фигуру наблюдавшего за ней человека. У него не было лица. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы справиться с испугом и прийти в себя.

— Поправь волосы. Ты меня испугала! — прикрикнула она на дочь.

— Надеюсь, мне удалось, — ответила та и движением головы, отточенным за многие годы, убрала волосы с лица, потом собрала пальцами на затылке и подняла голову. — Пришлось закончить, — продолжала она и указала на свернутые плакаты, которые держала под мышкой. — Мы не можем их и дальше расклеивать. Дождь собирается.

— Вижу. — Женщина сорвала с веревки носок, болтавшийся прямо у нее перед носом.

Прищепка перевернулась, но продолжала крепко удерживать ткань. Дочь рассмеялась и побежала к дому.

— И не вздумай запирать дверь! — крикнула ей вслед женщина.

В следующую секунду хлопнула дверь. Женщина зло рванула носок, кусочек его так и остался болтаться с прищепкой на веревке. Она повертела ущербный носок в руке и отбросила в сторону. Ветер подхватил его и понес к утесу. Носок покружил у башни маяка и полетел вниз, скрывшись из вида.

В воздухе неожиданно появились брызги воды. Женщина пригнулась, будто могла укрыться от дождя, и крепче прижала к себе таз с бельем. На крыльце, не имея возможности нажать на кнопку звонка, она повернулась спиной к двери и несколько раз ударила в нее каблуком. Дочь, которую мало заботило положение матери, могла стук и не услышать. Муж, как всегда, был наверху, в башне маяка, и читал одну из книг по медицине, в которой не разбирался, он тоже не обратит внимания на стук. После несчастья на лестнице на помощь сына рассчитывать не приходилось. От воспоминаний о случившемся грудь сжала тоска.

Женщина вновь несколько раз постучала. Подталкиваемые ветром струи дождя изменили направление и стали падать на крыльцо. Небо

озарила яркая молния. Грохот доносился с неба и от земли одновременно. Было слышно, как волны в море разбиваются о скалы. Лист гофрированного железа, унесенный с выгребной ямы, уперся в ствол дерева и еще противостоял ветру.

Женщина прислонилась спиной к двери, вжалась плечами, уперев край таза в живот. Когда дверь отворилась, она едва не упала.

— Похоже, никто и не думал мне открывать.

— Я здесь, — произнесла бабушка.

— Твоя внучка ведет себя невыносимо. Она специально заперла дверь.

— Ты о своей дочери?

— Не верится, что ей восемнадцать. — Женщина не отреагировала на замечание. — До сих пор ведет себя как подросток.

Пожилая женщина вырвала таз из рук невестки, та не возражала и принялась стряхивать капли воды с флисовой куртки. Затем она провела рукой по лицу, волосам, быстрыми движениями переплела косу.

Бабушка скрылась в кухне и хлопнула дверью.

— Все белье опять мокрое, — громко сообщила женщина. — Где мы его развесим?

— В подвале, — ответила бабушка. — Хоть какой толк от него должен быть. — Она прошла и

толкнула распашные двойные двери в кухню.

Женщина сняла куртку и повесила на перила лестницы, ведущий на верхний этаж, рядом с черным плащом дочери. К стене был прислонен рулон плакатов с чуть выгнутыми мокрыми углами. Изнутри виднелся кусок напечатанного изображения — синие глаза пропавшей на острове девочки. Как и большинство жителей, дочь помогала семье, в которой произошло несчастье. Люди разбились на несколько поисковых групп и прочесывали остров. На ратушной площади организовали митинг с целью привлечь внимание властей. Все суда, выходящие из порта, тщательно досматривали. На улицах расклеивали плакаты с фотографией девочки, на ней она ехала на велосипеде в розовой кофточке и радостно улыбалась в камеру, тогда еще не подозревая, для чего этот снимок будет использован.

Женщина отвела взгляд от плакатов. Положив руку на перила, она громко прокричала несколько слов, обращаясь к дочери, ругая за содеянное. Та вновь хлопнула в ответ дверью, на этот раз укрывшись в ванной. Помимо этой внизу в доме были еще четыре ванные комнаты на втором этаже. Имелась и вторая лестница, винтовая, в башне маяка. Перед ней были установлены

ворота. Ей женщина не пользовалась с того происшествия с сыном. Однако муж поднимался по ней ежедневно и проводил большую часть времени наверху.

Они жили здесь с той поры, когда маяк еще функционировал. Дом удалось сохранить и после того, как должность смотрителя была ликвидирована за ненадобностью, но муж временами зажигал маяк, как это делал всю жизнь его отец.

Женщина поднялась на две ступеньки и прокричала в лестничный проем:

— Ветер унес крышку с выгребной ямы! Ее надо закрыть, начался дождь.

Металлическая лестница заскрипела, когда муж стал спускаться.

— Заодно проверь, как там мальчик, — распорядилась женщина.

— Мне заниматься ямой или мальчиком? — проворчал муж. — Я не могу все делать одновременно.

В щель под дверью и меж оконных рам в дом со свистом врывался ветер. С улицы доносился его вой.

— Ямой. Пока крышка не улетела в море. К мальчику я зайду сама.

Мужчина глянул в окно у входной двери, оце-

нивая погоду. Маяк скрывал обзор и спрятал часть последствий грозы. Во впадинах на земле образовались глубокие лужи, на бельевой веревке раскачивался зажатый прищепкой клочок носка. Почти прижавшись лицом к стеклу, мужчина наконец разглядел, что выгребная яма осталась открытой. Он приложил ладонь ко лбу, чтобы убрать блики, и стал искать глазами лист на небольшом участке вокруг дома. Лист по-прежнему прижимался к своему спасителю, от которого ветру не удалось его оторвать. Благодаря вспышке молнии пейзаж стал виден отчетливее, будто проявили сделанную раньше фотографию.

Спустившись с крыльца, мужчина поскользнулся на глинистой почве. Дождь сразу бросился в атаку на его глаза.

Когда он добрался до крышки, упорный ветер все же оторвал ее от дерева. Мужчине удалось подхватить лист железа и прижать одной рукой к телу. Ветер ударил расчетливо в один его край, и мужчина пошатнулся, теряя равновесие, когда сделал шаг. Он комично изогнулся несколько раз, чтобы не упасть, такая сцена рассмешила бы зрителей немого кино. По пути к яме он склонился к дорожке из булыжников, оглядел их, раскачал и вынул самый крупный. Им он прижал

крышку, поместив ее на бетонные стенки, потом проверил, достаточно ли его веса. Порыв ветра приподнял один угол квадратного листа.

Из дома послышался крик.

Острый край железа пришел в движение и рассек большой палец мужчины.

Он повернулся к дому, услышав голос жены, повторявшей его имя. Поспешность, с которой мужчина бросился к дому, едва не привела к падению. Поскользнувшись, мужчина все же поднялся по крыльцу и дернул запертую дверь. Он несколько раз позвонил, отчего трехтактная мелодия превратилась в беспрерывное тремоло.

Ему открыла бабушка.

— Что случилось? — спросил мужчина.

— Не знаю, только что услышала крики. Я была в подвале.

Порыв ветра захлопнул дверь. Вниз по лестнице сбежала женщина, перепрыгивая через ступеньку.

— Мальчика там нет. Он не в своей кровати.

— И где же он? — задал неуместный вопрос муж.

— Думаешь, я стала бы кричать, если бы знала? — На площадке внизу она задела свернутые в рулон плакаты. Синие глаза пропавшей девочки

замелькали, когда листы покатились по полу. — Пойдемте поищем снаружи.

— Что ему делать на улице в такую грозу? — спросил муж.

— Не знаю, — ответила женщина, — но ведь в доме его нет. Я не хочу, чтобы он сорвался с обрыва, как та несчастная девочка, — добавила она, уже жалея о том, что недавно высказала эту мысль телевизору.

— Не говори так, — перебила ее стоявшая наверху дочь. В руках она сжимала полотенце, которым вытирала мокрые от дождя волосы, местами прилипшие к шее. — Ее ищет весь город и надеется найти живой.

— В данный момент я больше хочу найти твоего брата. — Женщина надела дождевик, перекинув за спину косу. — Если с ним что-то случится… Конечно, не время об этом говорить, но в этом будет и твоя вина.

— Моя? Какое я имею к этому отношение?

— За мальчиком, которому тринадцать, надо приглядывать лучше, чем за шестилетним. Нам всем хорошо известно, кто виноват, что он стал таким.

В самом начале словесной перепалки бабушка принялась перебирать четки. Очередная выво-

лочка девочке из череды непрекращавшихся упреков после случая на лестнице. Четыре года назад дочь оставили присматривать за ее младшим братом. Главной задачей было не допустить, чтобы он добрался до лестницы в башню, каждый виток которой был опасен для десятилетнего мальчика.

Стоило родителям уйти, дочь сделала именно то, чего они боялись: она уговорила брата подняться наверх, туда, где все, еще по рассказам деда, казалось волшебным и загадочным, куда мальчику разрешалось подниматься нечасто и только в сопровождении взрослых. Там он, открыв рот, восхищенно смотрел на красное солнце над потемневшим морем. Опасливо провел рукой по стеклу огромной линзы перед прожектором, представляя себя капитаном одного из судов, которое ведет этот маяк. Медленно, чтобы запомнить навсегда, он вдохнул удивительные запахи, всегда витавшие в этом помещении. Сестра позвала его снизу, предлагая продолжить праздник по поводу отсутствия родителей. Мальчик поспешил, споткнулся и повалился в лестничный пролет, скользя руками по кирпичной стене, пытаясь найти, за что ухватиться.

Он приземлился прямо напротив сестры. Она

легонько толкнула его, решив, что это игра. Брат не ответил. Она склонилась проверить, дышит ли он, прижала ладонь к груди и услышала биение сердца. Она могла позвать на помощь. Снять трубку кремового телефонного аппарата и вызвать скорую. Но это вынудило бы ее признать, что она ослушалась родителей. Ей было страшно даже представить лицо папы, когда он вернется и увидит у дома машины с сиренами. К тому же мальчик дышал нормально, сердце билось ровно. Девочка сочла, что он не мог серьезно пострадать при падении, поэтому решила перенести брата подальше от лестницы, попутно убедив себя, что отсутствие стонов и криков — хороший знак. Что плохого могло с ним случиться, если он молчит и не жалуется на боль.

Он начал дрожать. Она отнесла его в спальню и укрыла, обвинив во всем холод, хотя проблемы требовали на самом деле более серьезных мер. Она даже стала разговаривать с братом, шептать ему на ухо просьбу не выдавать ее, обещала, что это останется их тайной.

Несмотря на крики внутреннего голоса, она оставила брата одного и ушла.

Когда родители вернулись, она сказала, что брат почувствовал себя плохо и она уложила

его в постель. Мама пошла выяснить, что же случилось, и все в доме услышали ее истошный крик. Вскоре к дому подъехала машина скорой помощи с сиреной. Намного позже, чем это было необходимо. Мальчик, которого они положили на носилки, был уже не тем, который несколько часов назад, открыв рот, любовался красивым закатом, ставшим символом завершения как дня, так и его прежней жизни. И не тем, который с восторгом вдыхал волшебный воздух, желая запомнить его навсегда. Об этом он уже никогда не вспомнит, прошлое сотрется из памяти, причиной тому стала черепно-мозговая травма — следствие падения.

Трещина в черепе. Трещина в отношениях с дочерью родителей и их родителей, отныне считавших девочку позором семьи из шести человек.

Дочь бросила сверху полотенце. Оно упало прямо на голову женщины.

— Не стоит тебе каждый день напоминать ей о том случае, — вмешалась бабушка. — Я же этого не делаю.

Женщина протянула мокрое полотенце свекрови.

— Пусть теперь смотрит в лицо своего брата и

вспоминает тот день.

Она резким движением застегнула молнию.

— Пошли, — сказал ей муж и сжал запястье. — Скоро совсем стемнеет.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— Вот и ваш мальчик! — выкрикнула сверху дочь. — Бегите обнимайте свое сокровище.

Она прошла уже в халате в спальню и захлопнула дверь.

Звонок прозвучал снова.

— Слава богу, хоть сегодня он вернулся самостоятельно, — вздохнула женщина.

— Что я слышу? Нашему мальчику с каждым днем все лучше! — с оптимизмом воскликнул ее муж.

В первый год после падения сын поднимал крик, когда они пытались вывести его из комнаты, но в последние недели поведение его изменилось, он был рад идти куда угодно в любое время. И уже два раза терялся. Оба раза его находили на дороге в город. К ужасу его матери, он был насквозь промокший в морской воде, она почти теряла сознание от одной мысли, что сын мог упасть с обрыва. Они пытались отругать его, но он убегал в дальний конец участка, рыдая во весь голос и затыкая уши, чтобы не слышать

собственный плач.

Сквозь рыдания он гортанным голосом молил море замолчать.

В дверь опять позвонили.

По спине женщины пробежала дрожь. Что-то в этом звуке казалось пугающим. В воздухе появилась тревога и поплыла по гостиной.

— Я открою, — сказал мужчина.

— Нет, пожалуйста, не надо, — взмолилась женщина и посмотрела на мужа и его мать, удивленных таким порывом.

— Что с тобой? — спросил мужчина. — Мальчик, должно быть, промок и замерз.

Когда он сделал шаг, женщина была совершенно уверена, что снаружи, на коврике, стоят полицейские. Склонив голову в знак сочувствия, они сообщат им новость о том, что близость обрыва для их сына оказалась роковой. Она сразу вспомнила, как произнесла пророческую фразу, нарезая морковь у телевизора.

— Мой сын! — закричала она.

Одним рывком она обогнала мужа, спешившего к двери. Попутно отшвырнула ногой плакаты, принесенные дочерью, и они покатились впереди нее к двери. Женщина наклонилась поднять их. Несколько капель уже растеклось по поверх-

ности. Столь обыденная вещь немного успокоила женщину.

— Сынок, — уже сдержаннее произнесла она.

Мурашки поднимались по шее, когда она выпрямилась и взялась за ручку. Дверь навалилась на нее, подталкиваемая порывом ветра. Не успев понять, что перед ней, она услышала крик бабушки из-за спины.

— Что за… — только и смог произнести муж.

Женщина открыла рот, но в легких не осталось воздуха для крика. Она стояла неподвижно, капли дождя летели ей в лицо, стучали в плотную ткань дождевика. Ладони стало покалывать, словно бумага выпустила иголки. Пальцы вскоре онемели, и рулон упал на пол. Ветер подтолкнул его и унес в дом, будто не желая оставлять свидетелем сцены у порога. То, что происходило, не должны видеть глаза девочки на плакате.

23

Женщина не сопротивлялась, когда сын оттолкнул ее, просто закрыла глаза. Что-то теплое коснулось щиколотки. От этого в груди вспыхнула жгучая боль. Мальчик прошел в комнату, вместе с ним в дом проник запах сырой земли и грозы, бушевавшей на улице.

Не открывая глаз, женщина потянулась и нащупала край двери, которую выбил из ее рук ветер. И закрыла. От прилива крови к лицу все капли дождя мгновенно высохли. Ворот дождевика внезапно стал тесным. Она дрожащей рукой потянула за язычок молнии, все отчетливее ощущая запах моря и потного тела своего ребенка.

— Помогите, — произнес мальчик, проглатывая некоторые гласные и застревая на согласных. — Не понимаю, что с ней. Она ничего не говорит.

Мужчина подошел и зажал ему рот.

Бабушка схватилась за четки и поспешила наверх. Она собиралась позвать деда, но отчего-то лишь бессвязно бормотала. На последнем шаге она споткнулась и навалилась на дверь своей комнаты. Войдя, она рухнула на кровать. Громкие рыдания разбудили деда, чей послеобеденный сон не смогли прервать ни гроза, ни громкие звонки в дверь. Не в силах разобрать смысл сказанного женой, он поднялся, взял очки с тумбочки и поправил две пряди волос над висками — единственные, оставшиеся на голове. На щеке краснела складка от подушки.

Держась за руки, бабушка и дедушка подошли к лестнице. Дверь соседней спальни отворилась, и появилась их внучка, по-прежнему в халате.

— Появился ваш мальчик? — спросила она.

— Иди в комнату и не выходи! — крикнул снизу отец.

Девушка презрительно фыркнула и хлопнула дверью. Злость на отца душила ее всякий раз, когда он говорил с ней в таком тоне. Она надеялась, что брат попал в серьезную переделку.

Дедушка посмотрел на жену, надеясь получить объяснения. Она даже не повернулась, глядела куда-то в пустоту. Он подтолкнул ее вперед и подвел за руку к лестнице, ведущей вниз, в гостиную. Оттуда слышался голос их внука.

— Ма, открой глаза, — произнес он с неизменным бульканьем. — Ты должна мне помочь, она перестала говорить.

Женщина дико закричала.

Бабушка закрыла глаза и заплакала.

Дед вздрогнул от зародившегося внутри страшного предчувствия.

— Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — громко спросил он.

Затем стал спускаться по лестнице, потянув жену за собой, на последней ступеньке остановился и окинул всех взглядом, пытаясь понять, что происходит, а потом прижал лицо бабушки к своей груди, чтобы она не смотрела.

Первое, что он заметил, был клок светлых волос, которые сжимал в кулаке его внук. Он размахивал им, пытаясь привлечь внимание матери. Каждое движение сопровождалось глухим, тяжелым звуком потрескивающих позвонков шеи, когда голова девочки безвольно покачивалась, соединенная с телом лишь желтовато-синей кожей.

— Она перестала говорить, — повторил мальчик, сжимая собранные в хвост светлые волосы.

У мамы было выражение лица механической куклы, у которой кончился завод. Она смотрела в синие глаза, такие же как на фотографии на плакате. Губы девушки изогнулись в немом крике. Ее сын принес в дом тело, держа под мышки. Светловолосая голова лежала у него на груди.

— Скажи ей, пусть опять заговорит! — завизжал сын. Голова девушки стала болтаться из стороны в сторону на сломанной шее и с хрустом упала назад. Теперь она лежала на плече мальчика.

Реальность затуманилась, глаза женщины заполнились слезами. Фигура сына превратилась в размытое пятно, подталкивающее вперед другое. Не переставая просить о помощи, он потянулся рукой к ее талии.

— А у нас будет ребенок.

Мужчина, стоящий за спинами своих родителей, увидел, как жена закрыла лицо руками. Заметил, как с розового рукава девочки упала на пол капля дождя. Он вспомнил, что в кофту именно такого цвета была одета девочка на плакате, которыми был обклеен весь город. Мужчина вздрогнул.

Каждый шаг оставлял на полу в гостиной комья земли. Отцовский инстинкт проявился у него странным образом, он решил, что необходимо прежде всего вырвать из рук сына тело. Положив девочку на пол, видимо не вполне понимая, что делает и насколько это необходимо трупу, он накрыл ее рот своим и стал шумно выдыхать воздух. В легкие его проникал затхлый запах земли и морской воды. Он сжал ледяные щеки и опять стал вдыхать воздух ей в рот. Он чувствовал, что грудь девочки расширяется, но воздух ускользает куда-то, не вызывая никакой реакции на лице. От запаха изо рта его стало тошнить. Он проникал в тело мужчины и действовал, как токсичный газ.

— Она мертва, — сказала женщина. Голос ее дрожал.

Мужчина не реагировал и по-прежнему пытался сделать трупу искусственное дыхание, чтобы вернуть к жизни. Он стал с силой надавливать на

грудь. От запаха моря его едва не вырвало, потом он случайно коснулся кончика языка девушки, оказавшегося мягким, как моллюск в раковине. Этого он не смог вынести. Отпрянул и конвульсивно изогнулся, сжимая живот, будто не мог сдержать рвоту. Потом быстро зажал рот обеими руками.

— Она мертва, — повторила женщина. Глаза ее стали сухими. Она подняла их на сына, смотревшего на родителей с непониманием и удивлением. Мужчина остался стоять на коленях. Он тяжело дышал, борясь с тошнотой. Утерев рот рукой, он сглотнул ставшую кислой слюну.

— Это та девочка, — произнесла жена и потерла глаза тыльной стороной ладони, — которую все ищут.

Бабушка подняла к губам распятие, висевшее на четках, и поцеловала.

Мальчик опять подошел к девочке и потянул за белокурый хвост волос.

— Не надо говорить, что она мертва! — выкрикнул он. — Она не может умереть. У нас же будет ребенок.

На лице читалась эйфория и восторг. Постепенно они исчезли под взглядами родных. Все смотрели на него с ужасом. Мальчик отпустил

хвостик, и голова упала, ударившись об пол с глухим звуком, как старая тыква. Растерянное лицо мальчика вызвало жалость матери. Несмотря на пятна крови на его одежде. И прилипшие куски грязи. И клочья светлых волос, торчащие между сжатыми в кулак пальцами.

Женщина подалась вперед и обняла сына. В том месте, куда лег ее подбородок, к плечу прилипла кучка морских водорослей.

Мальчик громко зарыдал. Мать схватила его за руки, которыми он пытался бить себя, и зашептала на ухо успокаивающие слова. Она гладила его по голове, сбрасывая капли соленой воды и пляжный песок. Когда сын успокоился, она обхватила его лицо ладонями.

— Что ты сделал, милый? — Большим пальцем она вытерла мокрые губы.

— Я ухаживал за ней.

— За кем ты ухаживал?

— За девочкой, которую нашел на камнях у скал. — Он ткнул пальцем в безжизненное тело.

— Ты нашел девочку у скал?

Мальчик кивнул.

— Когда?

— Давным-давно.

— Как давно? Несколько часов назад? — с на-

деждой в голосе спросила мать.

Мальчик поднял руку и уронил кисть вперед, согнув запястье. Потом принялся выбрасывать вперед пальцы — таким странным образом он считал.

— Пять, — объявил он. — Пять дней назад.

— Она была?.. — Задохнувшись, она помолчала и продолжила: — Когда ты нашел ее она была?.. — Грудь сдавил спазм, не давая произнести последнее самое трудное слово.

Мужчина встал и обошел тело девочки, случайно наступив на прядь прилипших к доске пола волос. Лицо ее исказилось, будто в тело вернулась жизнь. Мужчина отвел взгляд и присел около сына.

— Послушай меня. — Он повернул к себе его голову за подбородок. — Тогда эта девочка была жива?

Мальчик нахмурился, задумавшись. Родители следили за выражением его лица, вглядывались в каждую складку, появившуюся на лбу, словно пытались угадать мысли сына. Дедушка тяжело перевел дыхание. Бабушка наконец смогла посмотреть на внука.

Он насупился, потом улыбнулся.

— Да, она была жива, — ответил он, словно

обрадованный хорошей новостью. — Потом перестала разговаривать… — Он прижал язык к небу. — Она перестала разговаривать сегодня.

Через несколько секунд мужчина произнес трагическим голосом на выдохе:

— Черт…

Дочь наверху лежала в своей постели и читала. От донесшегося снизу крика рука ее дрогнула. Уголок рта пополз вверх. Так и есть, брат влип во что-то серьезное. Очень серьезное. Хочется верить, что это наконец свергнет его с пьедестала, куда родители поместили его после того трагического случая. На лице девушки сформировалась довольная улыбка, глаза стали узкими. Она склонила голову и перевернула страницу.

Внизу отец орал не своим голосом:

— Черт! Черт! Черт!

Он прижал кулаки к вискам, будто голова его могла лопнуть от давящей боли. Встал, дрожа всем телом от охватившей его паники, и принялся ходить по гостиной, печатая шаг; каблуки ботинок утопали то в мягком ковре, то постукивали по гладкому деревянному полу. Он обошел большой диван, на котором вся семья смотрела по вечерам фильмы, прошел мимо сундука у стены, даже не взглянув на часы с кукушкой, миновал

два торшера, освещавших комнату. Когда на пути его возник стул, он подхватил его и отбросил в стену. Оконные стекла задрожали сильнее, чем от последнего порыва ветра. Кремового цвета телефонный аппарат упал со столика. Трубка не отлетела далеко лишь благодаря витому шнуру, соединявшему ее с аппаратом; все женщины в доме любили накручивать его на палец, когда разговаривали.

Мальчик опять заплакал.

— Черт! — громко выкрикнул отец.

— Тебе надо успокоиться, — сказал ему дедушка. — Ты видишь, в каком мы все состоянии.

Мужчина последний раз выругался, освобождаясь от напряжения в мышцах, и остановился — теперь он был достаточно спокоен, чтобы посмотреть на присутствующих. Жена сидела на полу, обнимая и укачивая сына, как гигантского младенца. Бабушка, испуганная, не отошедшая от шока, глядела прямо перед собой и цеплялась рукой за стоящего рядом дедушку. Пропавшая девочка лежала на полу там, где ее оставили. Судя по всему, мальчик сказал правду, мертва она недавно. Уж точно не все шесть дней, которые ее разыскивали в городе. Кожа еще не высохла, была эластичной, не видно и явных признаков разло-

жения. Мужчина догадался, что она долгое время находилась в морской воде, ее били волны, и…

Стоило подумать, что бить ее мог и его сын, как захотелось швырнуть еще один стул в стену.

— Что ты с ней сделал? — заорал он, бросаясь к мальчику, не в силах сдержать ярость.

Женщина повернулась к мужу спиной, защищая ребенка. Дедушка убрал руку бабушки, оставшейся стоять неподвижно, схватил мужчину за шею и стал оттаскивать от дрожащего внука. Мужчина заморгал, будто впервые разглядел страх в глазах сына, и неожиданно успокоился. Он вырвался, оттолкнув руку деда, и обнял жену, так и не снявшую дождевик. Мальчик оказался между ними. Отец пробормотал в лицо жене слова извинений и тихо спросил сына:

— Что ты с ней сделал?

Его тяжелое дыхание заполнило неприятным запахом пространство между родителями, прижимавшимися друг к другу лбами.

— Я ухаживал за ней, — сказал мальчик. — Она была на камнях у скал. — Звук с присвистом вылетел в щель между зубами. — Она не двигалась. Но говорила. Со скалами. И со мной.

— Почему ты ничего не рассказал?

Мальчик молча моргал, будто ждал следующе-

го вопроса, достойного ответа. Он выдохнул, и в воздухе появился запах горечи.

— У нас будет ребенок, — сказал он.

— Ребенок? — переспросила женщина.

— Ребенок, — подтвердил сын.

— Но как?

— Я его сделал. Вот так… — Сын задвигал тазом вперед и назад, вперед и назад… — У нее в животе появился ребенок, — прошептал он.

Женщина обхватила его за шею и надавила, заставляя прекратить отвратительную демонстрацию. Он вывернулся, запрокинул голову, издавая странный звук, похожий на мяуканье, и тут его мать вспомнила слова врача, рассказывавшего о возможных последствиях травмы.

Мальчик замолчал.

Родители опустили руки, разрывая объятия.

Четыре взрослых человека стояли и обменивались тяжелыми взглядами, необъяснимыми, как и мысли в голове мальчика. Гробовая тишина повисла в комнате, ее изредка нарушали лишь бьющие в окна струи дождя. Капли морской и дождевой воды собирались в тонкие ручейки на лице и теле девочки и стекали вниз, образуя маленькие лужицы на деревянном полу.

Женщина сняла плащ и встряхнула.

— Отойди, — сказала она сыну, попытавшемуся обхватить ее колени.

Под взглядами родных, она подошла к трупу и набросила дождевик, прикрывая тканью от головы до пояса. Рукава упали по обе стороны импровизированного савана. Мыском она подтолкнула их ближе к телу.

— Что нам теперь делать?

— Ты что предлагаешь? — спросил муж.

— А у нас есть выбор? — вмешался дед.

Поразмыслив несколько секунд, мужчина повторил вопрос:

— И все же что?

В скорбной тишине не прозвучало ни одного ответа.

— Как мы это объясним? — произнесла женщина, кивком указывая на мертвую девочку.

Бабушка покачнулась и ухватилась за перила лестницы, чтобы устоять на ногах.

— Это мой внук ее убил, — отчетливо произнесла она и сразу же повторила: — Девочку убил мой внук.

— Мы не можем утверждать, что это сделал он, — вмешался мужчина.

— Он не сделал ничего, чтобы ее спасти, — заключила женщина и прижала к груди сына.

— Сколько дней назад ты ее обнаружил?

Мальчик посмотрел на пальцы.

— Пять.

Мать повернулась к остальным, кивая, будто ответ сына подтверждал ее слова.

— И она с ним разговаривала, — продолжала женщина. — Иными словами, она была жива. Скорее всего, девочка упала с обрыва на выступ или камень внизу, а наш сын ее нашел…

Она замолчала, вспомнив, что за последние несколько дней мальчик дважды уходил из дому и его находили мокрым на дороге в город. Женщина опустила голову и закрыла глаза. Перед внутренним взором появилась фигура сына, нависшего над распластанным телом девочки, двигавшего вперед-назад бедрами.

— Бог мой, что же нам делать? — Она с шумом сглотнула и принялась тереть рукой шею. А потом напомнила остальным, будто они могли забыть, что о девочке говорили в каждом выпуске новостей. Она видела новости и когда нарезала морковь, перед дождем. Девочку искали все: и полиция, и пожарные. Группы добровольцев прочесывали остров. — Даже наша дочь расклеивала плакаты с ее фотографией, — вздохнула она, указывая на рулон, который ветер отбросил

к стене гостиной.

Мужчина посмотрел на жену и приложил палец к губам.

— Надо сделать так, чтобы его сестра ни о чем не узнала.

— Необходимо что-то решать, — кивнула женщина.

— Наш сын несовершеннолетний, — размышлял вслух мужчина. — К тому же он болен. Что ему может грозить?

— Исчезновение девочки наделало много шума. Представь, что будет, если люди в городе узнают, что в ее смерти виновен наш сын? — Она тряхнула головой, прогоняя страшные мысли. — Его жизнь будет сломана. Уже второй раз.

Она подняла на мужа полные тоски глаза, вспомнив, как сын прощался с ней днем, незадолго до несчастья.

— Он будет последним. Этого люди ему никогда не простят. — Женщина закусила губу, чтобы не расплакаться. — Как несправедливо… Второй раз…

Мужчина же думал о юридической процедуре, грозящей сыну. Будущее мальчика, отвергнутого обществом, он представлял себе очень хорошо. Будущее, которое было определено судьбой в

момент его падения, люди способны сделать еще ужаснее. Он посмотрел на сидевшего у трупа сына, гладившего рукой светлый хвост волос, и вспомнил жизнерадостного мальчишку, выдумщика, наделенного богатым воображением, любившего играть с чучелом из соломы — Страшилой из его любимой книжки. Его смастерила для внука бабушка, и он очень смешно переставлял человечка, будто тот ходил вокруг его тарелки с кашей, приготовленной на завтрак. Нежданный поворот судьбы сделал его самого похожим на любимого героя.

— Как несправедливо, он не заслужил такого, — твердила женщина.

— Девочка тоже не заслужила такой участи, — произнес дедушка. — У нее тоже есть семья.

Он сделал шаг вперед, под его подошвами скрипнули песчинки, которые мать стряхнула с волос мальчика. Дедушка прошелся по комнате, ступая по грязному ковру, и остановился у телефона на полу у столика. Он присел, и колени его хрустнули. Подтолкнув очки, сползшие по носу, он взял аппарат и потянул за шнур трубки. Когда она оказалась в его руках, он приложил ее к уху. Услышав гудок, встал. Колени опять хрустнули.

— Что ты намерен делать? — спросила жен-

щина.

Дед ответил не сразу. Он поставил телефон на место и прижал трубку плечом к уху.

— Лучше всего в такой ситуации поступить так, как должно, — ответил он. Прижав палец к отверстию на диске, он повернул его.

— Не звони. Пожалуйста, — взмолилась женщина. — Это же твой внук.

Диск с треском вернулся в исходное положение.

— Подумай, что будет с твоим внуком, — продолжала женщина.

Дед не ответил и опять повернул диск.

— Он же не отвечает за свои действия.

Диск стал выкручиваться в обратную сторону. Дед быстро набрал третью цифру, прежде чем его невестка успела что-то еще сказать. Он опять поправил очки и склонился к телефону, чтобы лучше разглядеть цифры.

— Девочка ведь мертва, — не умолкала женщина. Дед нашел нужную цифру и ткнул в нее пальцем. — А у твоего внука впереди вся жизнь.

Палец дрогнул. Ноготь царапнул пластик циферблата. Через секунду, успокоившись, он резко повернул диск.

И тут вмешалась бабушка:

— Он же наш внук. — Она с трудом сглотнула и продолжала: — Мы вернулись и живем у маяка ради него. Мы присматриваем за ним.

Не убирая трубку от уха, но задержав палец в отверстии на диске, дедушка повернулся к жене. Им не нужны были слова, чтобы понять друг друга, и они завели немой разговор. На лбу деда появились морщины: он хотел знать, уверена ли бабушка в своем выборе. Она отлично все поняла. Обхватила пальцами балясину лестницы, словно хотела ее задушить, и ответила:

— Конечно, я уверена.

Взгляд его скользнул по кресту, висевшему на ее шее. Бабушка сжала его в кулаке, вторую руку занесла назад и расстегнула замочек на четках. Два кончика упали и повисли с обеих сторон кулака. Она поцеловала сжатые пальцы и опустила руку в карман кофты, которую сама же связала.

— Он мой внук, — прошептала бабушка, поднимая глаза к потолку, словно извиняясь перед Всевышним.

Дедушка все понял. И принял ее решение. Он убрал палец, но забыл, что уже набрал последнюю цифру номера, и его соединили со службой спасения. Женщина рванулась вперед к телефону и нажала на рычаг, как только в трубке прозву-

чал девичий голос, а потом вырвала трубку из руки деда и положила на аппарат. Повернувшись так, чтобы всех видеть, она произнесла:

— Я должна защитить сына. — Тот захлопал в ладоши, но быстро прекратил, видя, что его никто не поддерживает.

— И что мы будем делать с телом? — спросил мужчина и отвел взгляд, будто стыдился своего вопроса. Потом поскреб ногтями лоб, хотя тот и не чесался.

— Они еще не обыскали северную часть острова. От дома девочки они двинулись на юг. Здесь поиски пока не велись.

— И что мы сделаем? — спросил мужчина и умолк, надеясь, что кто-то другой озвучит возможную версию. Он не хотел произносить вслух то, о чем думал в этой комнате каждый. Не дождавшись ответа, он все же сказал: — Спрячем ее?

Бабушка приглушенно застонала. Закрыв лицо рукой так, чтобы не видеть тело девочки, она подошла к внуку и обняла его. Слюна, сочившаяся из уголка его рта, намочила ее блузку.

— Похороним? — спросил за спиной отец, произнося слово так, будто оно было новым в его лексиконе. Он поморщился, вспомнив соленый

вкус губ девочки, зловоние, доносившееся изнутри тела, и склизкий язык, которого ненароком коснулся. — Мы действительно ее похороним?

Ему никто не ответил.

В небе вспыхнула молния, на мгновение подсветив неземным светом лица людей в комнате.

Следом раздался грохот. Завибрировали стекла в оконных рамах. Из часов выскочила кукушка. Куку. Куку. Третий раз. Четвертый. Пятый. Шестой. Седьмой. Восьмой. Всего девять раз.

— Скажите же мне наконец, что мы будем делать! — не выдержал мужчина.

Наверху его дочь, встревоженная криком отца и неожиданно громкими раскатами, вскочила с кровати. Книга упала на пол. Девушка подошла к окну, из которого было видно освещенное крыльцо. В фасад дома ударил сильный порыв ветра. Затряслись несколько секций железного забора, скрывавшие от посторонних глаз кусок земли у дома. Невидимые руки раскачивали ветки деревьев, словно хотели их оторвать. В воздух поднялся смерч из жухлых листьев. Лист гофрированного железа, закрывавший выгребную яму, изогнулся под весом камня, угол его поднялся, и булыжник покатился на землю. Самодельная крышка взлетела, будто бумажный змей, которо-

го никто не держал за веревочку. Задержавшись всего на долю секунды, она врезалась в стену дома, как выпущенный кем-то снаряд. Девушка прижала ладони к лицу. Зазвенело стекло в окне гостиной, разбитое углом железного листа. Бабушка в тот момент прижала к себе внука, а мужчина спросил, что, черт возьми, они будут делать с девочкой. Подталкиваемый ветром, лист железа перевалился через подоконник и упал на пол гостиной. Он скользил по нему, пока не уперся в лежащий на пути труп.

Мужчина не сразу понял, что перед ним. Наконец осознав, он вытаращил глаза и повернулся к жене. Сердце забилось от пришедшей в голову мысли. Женщина кивнула, соглашаясь с решением.

— Выгребная яма, — прошептал муж.

Дед угадал смысл сказанного по шевелению губ сына. Идея стала обретать смысл. Он толкнул очки на носу и натянул до локтя рукава свитера.

Наверху открылась дверь.

— Кажется, окно разбилось, — сказала дочь и стала спускаться по лестнице.

24

Голос внучки заставил деда выполнять то, что он начал, но не успел закончить, растерявшись от внезапно возникших ограничений по времени.

Бабушка закрыла глаза, прижала к груди внука, готовясь к худшему. Женщина искоса глянула на плакаты, принесенные днем дочерью. Невозможно предугадать последствий, если она узнает, что натворил ее брат.

Мужчина метнулся к телу девочки.

— Не вздумай спускаться вниз босиком! — прокричал он, задрав голову. — Здесь везде осколки.

Деревянная ступень скрипнула под ногами дочери. На второй она остановилась. Приняв душ, она не надела тапочки, и теперь по коже пробежал холодный воздух. Резинки, стягивающие штанины серой пижамы у лодыжек — той, любимой, хотя уже поношенной, — колыхнулись.

— Значит, стекло все же разбилось! — выкрикнула она.

— Я уже порезался, — сообщил отец и наступил на несколько осколков, хрустнувших под ногой. — Тебе лучше пока не спускаться.

— Это не безопасно, — поддержала женщина.

На несколько секунд повисла тишина. Четыре

взрослых человека обменялись взглядами. И тут мальчик закричал:

— У нас будет ребенок!

Бабушка прижала его голову к своей щеке. Мужчина подхватил труп, завернул в дождевик и готов был бежать к выходу.

— Что за чушь он говорит?

— Ничего, ничего, возвращайся к себе в комнату.

— Радуетесь, что ваш сынок дома, да? И не хотите, чтобы я вам мешала. Все ясно.

— Причина в осколках, — постаралась убедить ее женщина.

— У вас всегда на все есть своя причина, — бросила девушка и сделала еще шаг. Дерево скрипнуло.

Бабушка, прижимавшая к себе внука, не смогла сдержаться:

— Пожалуйста, не упрямься, иди к себе. — Она помолчала, ожидая реакции внучки, и, словно загипнотизированная, не отрывала взгляд от шторы на окне. Ее трепал врывавшийся снаружи ветер. Меняющиеся изгибы ткани демонстрировали, как неожиданно случайность может изменить судьбу, от нее сейчас зависит будущее мальчика. Жизнь его связана с тем, как девушка

отреагирует на произнесенную просьбу: «Пожалуйста. Иди. К себе».

Раздались шаги по лестничной площадке второго этажа. Хлопнула дверь в спальню.

— Быстрее, — прошептал мужчина. — Надо действовать.

Он поднял тело девочки и прижал к груди. Дождевик сполз вниз и открыл ее посиневшее лицо. Женщина поспешила вернуть его на место и завязала рукава на сломанной шее. Мужчина кивком попросил деда подхватить труп за ноги.

— Быстрее, — торопил он. — Яма может наполниться водой. В таком случае нам не удастся…

— Замолчи, — отрезал дед. — Больше ни слова. — Колени хрустнули, когда он присел. — Господи, прости меня.

Он обхватил щиколотки девочки, такие тонкие, что сомкнулись пальцы, и в глазах потемнело. Он поднял девочку, оказавшуюся легкой, как его внучка несколько лет назад. Он кружил ее, подхватив на вытянутых руках, когда они играли в самолет. От внезапных воспоминаний стало еще хуже, теперь он был отвратителен сам себе. Дед сделал шаг, и каблук одной туфли, чудом не потерявшейся, глухо стукнул об пол, издавая звук незавершенного танцевального шага.

— Не могу, — выдохнул он, вытягивая повернутые вверх ладони, словно на них было что-то написано. — Не могу.

Мальчик вырвался из объятий бабушки и занял место деда.

— Папа, пошли к скалам. Она жила у скал.

Отец открыл рот, но проглотил фразу вместе с комом в горле. Женщина подошла к сыну и стала один за другим разжимать его пальцы на щиколотках девочки.

— Ты поможешь ему или нет? — обратилась она к свекру.

Дедушка покачал головой и опять вытянул руки.

Мужчина сжал челюсти, проглатывая со словами и крик досады.

— Я справлюсь сам, — процедил он и поднял девочку на руки, подтверждая сказанное. Дувший в окно ветер высушил пот на его лице. Мужчина повернулся к двери.

— Я тебе помогу, — спохватилась женщина, делая знак бабушке заняться внуком. — Ты поможешь ему принять душ? — Она ткнула пальцем в детскую макушку. — Он может простудиться.

Затем она подхватила лист железа, коснулась руки мужа, напрягшейся от усилий, и прошепта-

ла на ухо, поднявшись на мыски:

— Я не могу предать сына. — И первой сделала шаг к выходу, готовая идти к выгребной яме.

— Не уносите ее, — заныл за спиной сын. — Я ее хочу.

Женщина повернулась и увидела в глазах мальчика то же выражение, как в день, когда маленький хомячок перестал шевелиться в его руке. Они купили его сыну сразу после несчастного случая, когда он плакал и боялся оставаться в комнате один. Новый питомец принял смерть от хозяина, сжимавшего его пальцами, чтобы показать, как сильно его любит.

— Я очень ее хочу, — хныкал сын и тянул руки к телу, уносимому отцом к двери.

Женщина всхлипнула, подумав о результате проявления его сильных чувств, о том, как отмывала руки сына от шерсти и крови хомяка пропитанной нашатырным спиртом тряпкой. Сейчас они с отцом так же ликвидировали последствия, унося труп любимой им девочки в выгребную яму.

— Открой мне дверь, — сказал мужчина.

Женщина с трудом оторвала взгляд от сына, недовольно надувшего губы, и потянула за ручку двери.

Вспышка молнии озарила небо, помогая лучше разглядеть бетонные стенки ямы. Резкий порыв ветра заставил обоих одновременно остановиться. Женщина сглотнула и произнесла:

— Я не отдам им сына.

Бабушка подтолкнула внука к лестнице.

— Пойдем, ты помоешься и высушишь волосы.

Они стали подниматься на второй этаж и у дверей ванной услышали, как хлопнула входная дверь.

— Значит, они действительно решились, — задумчиво произнесла бабушка, подтолкнула внука, закрыла за собой дверь и усадила его на край ванны. — Руки вверх.

Мальчик послушно подчинился и засмеялся, когда ткань защекотала под мышками. Бабушка вытерла футболкой грязное лицо внука и велела ему снимать остальную одежду и забираться в ванну.

Она оглядела его, не переставая удивляться тому, что в некоторых местах на его теле появились волосы.

— А почему я такой грязный?

Бабушка отлично слышала вопрос, но предпочла сделать вид, что не разобрала слов. Она взяла гибкий душ и включила воду, а затем поднесла

под струи руку, проверяя температуру. Мальчик сосредоточенно вычищал песок из-под ногтей.

— Я такой грязный, — захныкал он. — Почему, бабушка?

Та не сводила глаз со струй воды, от которых поднимался пар, и открутила кран с холодной водой.

— Ты грязный, потому что лазал по скалам.

Мальчик так сильно насупился, что его глаза почти закрылись. Со стороны казалось, будто он усиленно вспоминает, что с ним приключилось.

— Почему ты не рассказал нам, что нашел девочку? — спросила бабушка.

Мальчик выгнул пальцы, стыдливо опустил голову и прижал к глазам одну ладонь. Он признавал, что виноват.

Бабушка сжала его плечо.

— Ты понимаешь, что случилось с этой девочкой?

Внук заскулил.

— Говори, ты понимаешь?

После недолгой паузы мальчик убрал руку, поднял глаза и громко рассмеялся.

— У нее будет ребенок! — Он принялся ритмично двигать бедрами.

— Довольно! — прикрикнула на него бабушка

и посмотрела на воду, убегавшую в сливное отверстие. — Прекрати!

Мальчик опять послушался, но потом сморщился и открыл рот, собираясь расплакаться или сделать вид, что собирается плакать.

— Не надо, — предупреждающе сказала бабушка. — Прости. Только не плачь.

Искривленные губы сомкнулись.

— Ты должен мне кое-что обещать.

Внук смотрел на нее с тем же восторженным любопытством, как и в день, когда она подарила ему соломенное чучело.

— Никому об этом не рассказывай. Ты обязательно сделаешь, как я говорю.

Внук обеими руками зажал рот.

— Никому, — повторила бабушка. — Поклянись.

Мальчик застегнул воображаемую молнию от одного уголка рта до другого и покрутил рукой, будто поворачивая ключик. Затем открыл рот, несмотря на то что мгновение назад запер его, и проглотил ключик.

— Вот и молодец, хороший мальчик. Рот на замке, а ключ у тебя в животике. Ты никому ничего не расскажешь. Даже сестре. Особенно сестре.

Мальчик нахмурился.

— Она меня не любит. — А потом произнес то, что часто повторяли в доме: — Это из-за нее я упал с лестницы.

Бабушка наклонилась и обняла внука за голые плечи.

— Сестра меня не любит. А я очень ее люблю.

Услышав эту фразу, мама обязательно вспомнила бы клочья шерсти и кровь хомяка на его ладонях, но бабушка просто поцеловала в макушку и вдохнула запах моря и маленького ребенка.

— Пора мыться. От тебя отвратительно пахнет, — сказала она. — А потом ты присыплешь немного ароматной пудры, и запах станет таким же приятным, как и от меня.

Закончив принимать душ, мальчик весело смеялся, посыпая лицо пудрой. Бабушка поцеловала его в шапку волос и вспомнила, как выглядел его проломленный череп.

— А теперь спать, — скомандовала она.

Они прошли мимо лестничной площадки второго этажа, и бабушка прислушалась. Тишина внизу подсказывала, что сын с невесткой еще не вернулись, завершив операцию у выгребной ямы. Она посмотрела на ворота, ограждавшие проход на винтовую лестницу, и недовольно зацокала: сын слишком часто забывает их запереть. Ограж-

дение установили сразу после падения мальчика, чтобы помешать ему еще раз подняться на маяк. Пройдя по коридору, она остановилась у картины, демонстрировавшей морскую баталию штормовой ночью, и провела пальцем по массивной золотой раме, оставляя бороздки в пыли. Там лежал ключ на брелоке в виде русалки, который запирал ворота. Жаль, что взрослым не пришла в голову мысль установить ограждение раньше, хотя бы на день. Ключ она положила туда, откуда взяла, в потайное место за рамой.

Они прошли мимо комнаты дочери и не задержались ни на секунду. В комнате мальчика бабушка сразу прошла к окну, выходившему туда же, куда и окно комнаты его сестры, подняла затвор, запирая, вгляделась, пытаясь определить, что происходит на улице, и едва не задохнулась.

— Что случилось? — спросил из-за спины внук, рассматривая побелевшие пальцы бабушки, сжимавшие затвор. Под дождем во дворе, у бетонной стенки выгребной ямы, стояли две фигуры. Бабушка сразу поняла, что сейчас происходит в соседней спальне.

Внучка наверняка так же стоит у окна и наблюдает за каждым движением мужчины и женщины внизу.

Она прижималась к окну носом и часто дышала, вырывающийся изо рта теплый воздух каждый раз рисовал новый круг на стекле. Ей удалось разглядеть родителей, переносивших что-то к выгребной яме, но действия их были непонятны. Молния осветила хвост светлых волос, свисавший под рукой отца. Девушка прижала руки к груди. Вторая вспышка позволила ей отчетливо разглядеть, как четыре руки подхватили длинный сверток и бросили вниз. Она увидела кусок розовой кофты. Мышцы лица резко дернулись, искажая черты. Девушка прижала ладони к глазам, но продолжала наблюдать сквозь щель между пальцами. Мама и отец больше дюжины раз отходили к тропинке и возвращались обратно к яме, принося с собой камни, которые бросали внутрь. До тех пор, пока не наполнили доверху. Крупным булыжником они придавили сверху гофрированную крышку, залетевшую в дом через разбитое окно.

Увидев, что они возвращаются в дом, девушка сбежала вниз по лестнице.

В приоткрытую дверь комнаты внука за ее торопливыми шагами наблюдала бабушка. Она отпустила затвор, и он скользнул вниз, как лезвие гильотины из серого пластика, потом достала из

кармана четки и надела на шею, с удовольствием ощутив тяжесть распятия, оттягивавшего нить.

— Сохрани нас Всевышний, — прошептала она и приложила крест ко лбу, губам и груди. — Аминь.

— Что случилось? — спросил мальчик уже из кровати.

Бабушка плотно закрыла дверь, будто хотела защитить внука от того, что он мог услышать.

— Ничего. — Она села на край его кровати. Мысль о том, что, возможно, она укладывает его спать последний раз, вызвала слезы. Бабушка поспешила смахнуть их, пока он не заметил.

— Ну-ка, покажи, как ты стрекочешь, — сказала она, чтобы отвлечь мальчика. — Как сверчок.

Улыбка озарила его хмурое лицо. Затем он сложил губы и выдохнул, издавая прерывистый звук. Сверчков на участке было много, и он научился безупречно им подражать. Бабушка слушала стрекот, пытаясь отвлечься.

Спустившаяся вниз дочь увидела промокших насквозь родителей, стоящих посреди гостиной. Руку она положила на перила, чтобы скрыть дрожь.

— Что вы делали? — спросила она.

— А что ты видела? — задал встречный вопрос

отец.

— Все.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Голос его был усталым и серьезным. Слова образовали стену между ними, она выросла мгновенно и была похожа на скалы, на которые упало тело девочки.

— Это была она? — Дочь кивнула в сторону рулона с плакатами.

Родители переглянулись, не представляя, как реагировать.

— К этому причастен мой брат?

Ветер влетел в окно и прижал штанины пижамы к ее ногам.

— В некотором смысле, — ответила женщина. — Он ведь не отвечает за свои действия.

— Что он с ней сделал?

— Тебе лучше не знать, — вмешался отец.

— И вы никуда не позвонили?

— А ты как думаешь? — Женщина перебросила на грудь косу и отжала, словно она была полотенцем. — Ты ведь знаешь, где мы так промокли.

— Папа?

— Девочка уже была мертва, — объяснил он. — Мы защищаем того, кто еще жив. Твоего брата.

— У той девочки тоже есть семья. Если брат

сделал ей что-то плохое, мне все равно, что с ним будет дальше.

— Нам всем уже давно известно, как тебя беспокоит судьба брата, — резко произнесла мама.

Дочь сжала кулаки так крепко, что ногти впились в кожу.

— Ее ищет весь город, — процедила она сквозь зубы.

— Но люди уже догадываются, что могло случиться, — отозвался папа. — Именно это и случилось. Девочка упала на скалы.

— Тогда почему вы спрятали ее тело? В ее гибели повинен мой брат?

— К чему тебе это знать? — опять спросил отец. — Через несколько дней ее объявят мертвой. Она не первый ребенок на этом острове, упавший с обрыва.

— Но семья не смирится с тем, что ее будут считать мертвой.

— Ну… — протянул отец. — Она ведь действительно погибла.

— Из-за брата.

— Вовсе нет! — воскликнула мама.

— Нет? — Губы девушки скривились в ухмылке. — Тогда пусть люди решают, виновен он или нет.

Дочь сошла с последней ступени, осколки хрустнули под резиновыми подошвами тапочек, которые она все же надела. Отец понял ее намерения и первым оказался у телефона. Схватив аппарат, он спрятал его за спиной.

— Я тебе не позволю.

— Отдай. — Дочь протянула руку.

— Ты хочешь разрушить жизнь своей семьи? — спросила мама.

— Виновен мой брат, а не вы все.

— А как ты объяснишь людям, почему девочка лежит в нашей выгребной яме? Под грудой камней. — Мама подошла к дочери. Мокрые сапоги при каждом шаге хлюпали.

Девушка открыла рот, чтобы ответить, но не нашла слов.

— А что они скажут, когда узнают, что натворила ты? — сурово добавила мама. — Ты останешься одна.

— Я и так одна.

— Нет, ты не понимаешь, рядом с тобой не будет никого.

— Никого и нет. С того дня, как брат упал с лестницы. С того дня меня обвиняют во всем, что случается в этом доме.

— Лучше следи за собой. — Мама подняла руку

и махнула ею в воздухе. — Это ведь ты собираешься все рассказать. Разве не ты будешь виновата в том, что нашу семью уничтожат? Какое совпадение.

Дочь дернулась, убрала волосы с лица, перекрутила пряди так, что у нее получилось два хвостика, и положила на плечи.

— А бабушка и дед тоже в этом замешаны?

— Мы все одна семья. Как и всегда. — Мама помолчала, раздумывая, что сказать дальше. — Кроме тебя.

— Скажи, — вмешался отец, — ты готова лишить бабушку с дедушкой покоя на старости лет?

Девушка потянула за хвосты так, что заболела кожа головы. Это позволяло встряхнуть мысли и раньше всегда помогало. Мысленно она прокрутила разговор с самого начала. Подумала о бабушке. Дедушке. На несколько секунд возможность избавиться от семьи показалась ей привлекательной. Затем она огляделась, представляя, что дом опустел. Из глаз полились слезы, вызванные совсем не болью. С губ слетел трагический вздох. Казалось, ей вырвали сердце. Девушка отпустила волосы и посмотрела на размытые из-за слез в глазах фигуры родителей,

которых когда-то считала идеальными.

— Я вас ненавижу, — выпалила она. — Ненавижу за то, что заставляете меня так поступать.

— Мы тебе благодарны, — сказал отец.

— Но я могу в любой момент передумать и все рассказать.

— Но ты этого не сделаешь.

— Не стоит меня вынуждать.

— Ты, возможно, впервые приняла правильное решение, — произнесла мама. — Ты выбрала семью.

— Я думаю только о себе.

— Это не так. — Женщина подошла и взяла дочь за руку, та взвизгнула и отдернула ее.

— Не смей! Не желаю, чтобы вы ко мне прикасались. — Она тихо застонала.

Подождав несколько секунд, отец спросил:

— Я могу оставить телефон на месте?

Дочь ему не ответила. Она развернулась, мечтая скорее оказаться в своей комнате, и наступила на что-то скользкое. Ей сразу стало ясно, что это, не стоило и смотреть — плакат с фотографией девочки с синими глазами, внешний уголок прикрыл мысок ее тапка. Бумага намокла, когда перекатывалась по лужам на полу в гостиной. Осколки прорезали в некоторых местах дыры.

Девушка поспешила отвести взгляд. Ей было тяжело и стыдно.

— Я вас ненавижу! — выкрикнула она, повернувшись к родителям, и бросилась вверх по лестнице. На площадке она замерла.

— Немедленно возьми свои слова обратно. — Перед ней стояла бабушка. — Тебе не за что ненавидеть родителей.

— Отстань.

— И еще извинись.

— Пропусти.

— Попроси прощения у отца, — не сдавалась бабушка. Внучка схватила пальцами крест, висевший у нее на шее, и развернула так, чтобы фигурка на нем была прямо перед глазами бабушки.

— Ты будешь просить прощение у Отца за то, что вы сделали с безвинной девочкой, — зло произнесла она и отпустила крест, упавший на грудь пожилой женщины с такой силой, что та отшатнулась и вынуждена была ухватиться за стену, чтобы не упасть.

25

Лучи оранжевого заходящего солнца подчеркивали каждый выступ на листе железа. Несмотря

на то что яма была доверху заполнена камнями, крышку все равно оставили. Еще одна мера, неспособная заблокировать воспоминания.

Через окно в гостиной, разбитое два месяца назад этим листом, женщина вглядывалась в густеющую сумеречную тьму. Нервным движением она теребила кончик лежащей на груди косы. Расплетала на треть, потом вновь заплетала. На мгновение свет изменился, и ей показалось, будто на землю во дворе накинули фиолетовую кисею. Задребезжал лист железа на яме, напоминая о погребенной под ним девочке. Пейзаж за окном стал нечетким, и женщина принялась разглядывать полоску силикона между стеклом и рамой, оставшуюся в результате неаккуратной работы деда, вставлявшего стекло.

За спиной распахнулась дверь кухни.

— Ну вот, все готово, — сказал муж.

Женщина повернулась и перебросила косу за плечо.

— И как получилось?

— Увидишь.

Меж теней, отбрасываемых балясинами на пол, появилась фигура, и послышался голос.

— Меня от вас тошнит, — сказала дочь, сидящая на той же ступеньке, откуда смотрела несколь-

ко недель назад на промокших родителей. На ней была длинная коричневая юбка, пуговицы рубашки застегнуты до самого горла. Рукава закрывали руки почти до пальцев. Волосы лежали на лице, будто темная вуаль. Привычным движением дочь их откинула. — Со стороны может показаться, что вы совершенно счастливы, — проворчала она.

Мужчина поднял палец, делая знак жене молчать.

— Не стоит радовать ее, вступая в перепалку. Она тебя провоцирует.

Дочь ехидно улыбнулась.

— Кто бы говорил! Какая у вас плохая дочь.

Мужчина поманил жену.

— Вы действительно решили это сделать? — спросила дочь.

— Ты знаешь, у нас нет выбора, — ответила мать.

— Вы всегда считали собственное мнение единственно верным. Скажите хоть, что моему брату об этом известно?

— Пока ничего.

Девушка рассмеялась.

— И когда вы планируете ему сообщить? После того, как он окажется там, внизу?

Мужчина цыкнул на жену, запрещая отвечать на вопросы дочери, и увел из гостиной, демонстративно закрыв за собой дверь. Девушка фыркнула им вслед и даже не попыталась выйти из тени. На плите в кухне над двумя кастрюлями подпрыгивали крышки. Пахло морковным супом. У плиты стояла бабушка и мешала попеременно содержимое обеих кастрюль одной деревянной ложкой. Отступив на шаг, она наклонилась и чуть сдвинула ручку, регулируя температуру нагрева конфорки. Потом выпрямилась и прижала руку к пояснице. Другой рукой провела по запотевшему оконному стеклу.

— Солнце почти зашло, — объявила она, удивляясь темноте. — Вы идете вниз?

— Ты тоже должна спуститься с нами, — сказал мужчина.

Вместо ответа, бабушка завязала ненужный узел на тесьме фартука, а потом принялась мешать суп, проверяя, насколько он густой.

— Это же дом для твоего внука. — Мужчина попытался пробиться сквозь стену безразличия.

Бабушка вздохнула, наклонилась вперед и принялась оглядывать двор через полоску на стекле.

— Дом моего внука здесь, — заявила она. На последнем слове голос дрогнул.

— Но ты же понимаешь, мы должны так поступить.

— Конечно, понимаю, я еще не в маразме. Но также я понимаю, что мое мнение никого не интересует.

— Не говори…

— Иногда мне кажется, что меня слушал только Бог. — Бабушка коснулась распятия. — Вот только не знаю, будет ли слушать и после этого. Любое его наказание станет заслуженным.

Пар из кастрюль полностью заволок стекло и, кажется, даже взгляд бабушки. Она резко повернулась.

— Вы действительно решили запереть его там?

— Я не желаю начинать разговор сначала, — отрезал мужчина. — Мы поступаем так, чтобы защитить его жизнь. И нашу.

— И как он будет жить в темном подвале? Видеть нас только раз в день?

Мужчина надул щеки и выпустил воздух. Потом посмотрел под ноги, на жену и на мать.

— А ты что предлагаешь?

Бабушка решительно открыла рот, но не нашлась что сказать.

— Мы в опасности каждый раз, когда мальчик уходит из дому, — продолжал мужчина. — И ко-

гда сюда кто-нибудь приходит. Он не понимает, что не должен ничего говорить о девочке. Или надо отправить его в школу, чтобы он все выболтал? Ты этого хочешь? Забыла, как он напугал нас в тот день, когда занимался с учителем?

Женщина оценивала степень накала гнева по тому, как цвет ушей мужа менялся от розового к красному. Она попыталась успокоить его, положив ладонь на плечо.

— В любую минуту он способен превратить жизнь нашей семьи в ад, как мог бы сделать два месяца назад. По-твоему, мы должны сдаться?

Бабушка смотрела на сына, не смея даже моргнуть.

— Или ждать, когда наш сын сбежит, прикончит еще кого-нибудь и притащит труп в наш дом?

— Довольно! — выкрикнула женщина и зажала рот мужа руками, чтобы он больше не произнес ни слова. — Этого мы не хотим.

Мужчина мотнул головой, освобождаясь от ее пальцев.

— Только таким способом мы можем гарантировать сыну будущее, — сказал он. — И нам всем. Никогда не забывай об этом.

Бабушка все же моргнула. Потом вздохнула и

произнесла:

— Я не уверена, что хочу такого будущего.

— Тогда подумай о будущем другой девочки, которая может однажды оказаться мертвой на этом полу.

— Мой внук больше ничего подобного не сделает.

— Но ведь в первый раз смог?

Бабушка молча повернулась и выключила плиту. В следующую минуту дверь в кухню отворилась.

— Вас слышно даже наверху, — сказал дедушка.

— Уведи ее. — Мужчина ткнул пальцем в мать. — И попытайся все ей объяснить. Похоже, меня она отказывается понимать.

Бабушка развязала фартук, бросила его на пол и, всхлипывая, вышла.

Мужчина подвел жену к лестнице, ведущей из кухни в подвал. Встав за ее спиной, он закрыл ей глаза рукой. Точно так он делал, когда впервые показывал ей маяк. Много-много лет назад.

Воспоминания заставили женщину улыбнуться. «Со стороны может показаться, что вы совершенно счастливы», — вспомнились слова, брошенные недавно дочерью.

Она убрала руку мужа от глаз. Под ногами скрипнули деревянные ступени.

— Что это за стена? — Женщина указала на новую перегородку в трех шагах от лестницы. Она отделяла часть огромного подвала, примерно одну восьмую пространства.

— Одна из новых стен. Мы ее построили.

Женщина приложила руку, будто хотела проверить твердость нового бетонного сооружения, возведенного мужем и свекром.

— Вам пришлось потрудиться… — произнесла она.

Мужчина достал ключ и отпер дверь в стене.

— Ты еще ничего не видела, — сказал он и жестом пропустил жену вперед.

Взявшись за руки, они вошли в новый дом их сына, так же они прошли когда-то в палату, когда навещали его первый раз в больнице.

— Ему здесь будет удобно, — сказал мужчина.

Женщина поежилась. Муж потер ее спину ладонью, словно желая согреть. Шерсть ее кофты наэлектризовалась, и в воздухе проскочили две искорки. Они напомнили обоим те, что отскакивали от камней, которые они бросали в выгребную яму. Женщина переложила косу на грудь, покрутила кончик и вздохнула.

— Здесь совсем не влажно, — сказала она.

— Потому что мы все сделали правильно.

Мужчина прошел в самую просторную комнату в подвале, обошел большой стол.

— Здесь есть кухня. Телевизор. — Он указал на тумбу у стены. — Посмотри на эти полки. На них можно поставить книги и фильмы. Я уже перенес сюда некоторые, их хватит на первое время. И видеомагнитофон.

Женщина оглядела несколько пустых полок. Лишь одна была заполнена кассетами с надписью «Бетамакс», на них были записаны фильмы с телевизора. Остальные двадцать были пусты. Она невольно задумалась, сколько же лет будет их сыну, когда заполнятся остальные.

Перед глазами возник образ мальчика, лежащего на диване, спустя годы вынужденной изоляции.

— Я не хочу потерять сына, — сказала она.

— Ты и не потеряешь.

Он погладил жену по розовой руке, вспоминая, как влюбился в нее двадцать лет назад. Она тогда позировала на камнях у скал, там, где разбивались волны, и, когда фотография была сделана, юбка ее почти совсем промокла. Он пригласил ее к себе, чтобы высушить одежду. Он закрыл глаза,

а она поднялась по лестнице маяка на самый верх. По той лестнице, которая много лет спустя лишила их покоя и счастья. Они стояли у окна и любовались ночным морем. Обнаженная, лишь завернувшись в два полотенца, она тогда спросила, на каком расстоянии смогли бы люди на корабле увидеть сигнал маяка, если бы работал прожектор?

— Иди сюда. — Мужской голос гулко разнесся по подвалу. — Посмотри на это.

Они прошли под аркой, ведущей в коридор.

— Что это? — Женщина указала на круглое пятнышко света, отброшенное на пол пробившимся сверху лучом. В ярком свете кружились пылинки. — Откуда он?

— Должно быть, где-то в потолке трещина, — объяснил муж. — Солнце добралось и сюда. — Он сделал шаг в сторону, будто пятнышко было живым существом, которое он, по неосторожности, мог раздавить. — Надо будет проверить и заделать, чтобы…

— Не надо. Не заделывай. Пусть он иногда видит луч солнца.

Мужчина пошевелил ногой. Пятнышко переползло через нее и устроилось на полу с другой стороны.

— Пойдем, я покажу тебе ванную.

Он толкнул дверь.

Женщина вошла. Огляделась. Отрыла шкаф, где были сложены тюбики с зубной пастой, куски мыла. Повернула кран, ожидая, что из него посыплются куски штукатурки или вылетит струя воздуха. Однако увидела довольно мощную струю воды. Закрутив его, женщина повернула другой и поднесла руку.

— Горячей воды нет, — с сожалением сказал муж. — Пока не получилось провести.

Женщина посмотрела на мужа в зеркало, подбородок ее задрожал, словно отсутствие горячей воды сделает жизнь мальчика в подвале невыносимой. Мужчина подошел и обнял жену.

— Не расстраивайся. Я еще раз попробую. Проблема в трубе, но я не знаю, где она проходит.

Они посмотрели на отражения друг друга. Женщина сжала руку мужа, лежавшую на ее талии.

— Мы ведь правильно поступаем? — спросила она.

— Наверху он не может оставаться. Это слишком опасно для многих.

— Твоя мама сказала… Ты тоже считаешь, что это не жизнь? Та, которую мы можем ему пред-

ложить?

Мужчина развернул жену к себе лицом.

— В создавшемся положении это лучшая жизнь, которая у него может быть.

Она вздохнула.

— Пойдем. Ты еще не видела спальню.

Скрипнули петли, когда он распахнул перед ней дверь.

— Двухъярусная кровать? — удивилась женщина.

— Ему же нравилось на ней спать.

Женщина вспомнила, как однажды днем они приехали в магазин, чтобы выбрать кровать побольше, когда сын вырос и перестал помещаться в детской. Тогда она и увидела эту, двухъярусную, в самом углу магазина и робко указала на нее мужу. Завуалированное предложение родить третьего ребенка, которое он принял, даже не задумываясь. Мальчик тотчас же согласился с выбором матери, ловко забравшись на верхнюю койку. К ужасу продавцов, не успевших накрыть матрас защитной пленкой.

До сего времени на втором уровне кровати так никто и не спал. Он по-прежнему ожидал прибытия нового члена семьи и в тот день, когда несчастный случай на лестнице изменил жизнь

в доме.

— Помнишь? — спросила женщина. Впрочем, ответа она не ждала.

Она подошла к кровати и погладила красноватую металлическую раму. Сжала и потрясла. Оглядела каждую деталь, изучила каждый угол.

— Судя по тому, как растет наш мальчик, эта кровать сломается через несколько месяцев, — заметила она.

— Мы ведь будем рядом, наверху, — успокоил ее мужчина. — Если кровать сломается или ему не будет хватать еды… — Он встал за спиной жены и положил руку на раму кровати. — Мы его спрячем, но не оставим одного.

Женщина поправила косу. Намотала кончик на палец. Затем повернулась на каблуках, чтобы осмотреть комнату. Ее внимание привлекла полка на одной из стен. Запахнув кофту, она не стала ее застегивать, лишь прижала к телу, скрестив руки на груди. Присев, взяла одну из дюжины книг, выстроившихся в ряд перед ней. Натянув рукав, вытерла им обложку. «Удивительный волшебник из страны Оз». Она читала сыну книгу перед сном, а он лежал на верхней койке и хохотал над глупостями, которые говорил Страшила.

Однажды он сказал, что хочет быть таким,

когда вырастет. Сейчас, вспомнив его слова, женщина едва не расплакалась. Они оказались пророческими. Она вспомнила, что произошло с их мальчиком и что хотел найти Страшила в стране Оз.

— Мы читали ему такие добрые книжки…

Мужчина через плечо жены разглядывал обложку.

— Наш сын чудесный ребенок, — прошептал он ей на ухо.

Женщина провела указательным пальцем по краям, очерчивая прямоугольник. В правом верхнем углу ее рука замерла, и она наугад открыла книгу. Лицо мужа, зависшее над ее головой, озарила улыбка.

— Смотри. — И провел пальцем по строчкам одного предложения, в нем говорилось, что нет места лучше дома. — Его дом будет здесь.

— Дом, — повторила женщина и загнула уголок двадцать первой страницы, делая закладку.

Мужчина взял книгу из рук жены, закрыл и поставил на полку.

— А вот кто будет рядом с ним ночью. — Он подхватил фотографию в раме.

Женщина улыбнулась изображению. Это была первая фотография, сделанная мужем у скал.

— Как же я тогда промокла. Ты очень долго не мог сделать снимок.

— Специально ждал, когда брызги волн сделают свое дело и я смогу пригласить тебя к себе, — пошутил муж.

Женщина взяла из его рук фотографию и провела пальцами по изображению, вспоминая счастливые времена.

— Ты всегда будешь рядом с ним.

Женщина вздохнула.

— Мы еще не все здесь посмотрели.

Мужчина взял рамку и поставил на место. Выходя из комнаты, жена бросил взгляд на двухъярусную кровать. И полку. Потом оглядела стены, каждый угол и потолок. Эта комната станет спальней ее сына на очень долгое время, возможно, на всю оставшуюся жизнь. В груди стало больно, она поспешила отвернуться и вышла в коридор вслед за мужем. Его рука уже потянула за ручку двери напротив.

— А это гостевая спальня.

Они вошли в помещение немного меньше предыдущего. Здесь также стояла кровать.

— На случай, если кому-то из нас захочется остаться с мальчиком на ночь, — объяснил мужчина.

Женщина оглядела почти пустую комнату.

— Может, нам стоит делать это постоянно, по очереди? — Она представила, как спала бы здесь, будто навещала сына, который вырос и живет отдельно. От этой мысли внезапно стало легко и спокойно. Еще не вполне осознав всю гамму зарождавшихся в душе чувств, она улыбнулась мужу. На лице появилось гордое и счастливое выражение матери, уверенной, что ее сын — лучший на всем белом свете.

— Что ж, идея мне нравится, — кивнул муж.

Женщина натянуто улыбнулась, ведь на самом деле ее сын не переезжал в собственное жилье, все совсем иначе. Он будет жить взаперти, в подвале их дома, потому что они решили спрятать тайну под ногами. Были готовы ходить по ней. Так мать ежедневно приходит на могилу рано ушедшего из жизни сына. Женщина сделала вид, что рассматривает кровать, на самом же деле ей необходимо было время, чтобы высохли слезы, она справилась с собой и убрала улыбку, больше похожую на рану на лице.

— Есть еще кладовая, — произнес муж.

Женщина несколько раз моргнула и повернулась к нему. От улыбки осталась лишь горечь на губах.

— Сюда, — махнул он, прошел в конец коридора и открыл дверь слева, напротив ванной. Она отличалась от остальных и была серого цвета.

Мужчина постучал по поверхности, будто просил позволения войти.

— Она обита железным листом. Снаружи ее не открыть. Видишь, даже ручки нет. — Он несколько раз провел ладонью в воздухе в том месте, где она должна быть. — Вот, ее можно открыть только ключом. — Он просунул его в скважину замка. — У мальчика не будет доступа сюда, сейчас поймешь почему.

Плечом он толкнул дверь, она распахнулась, скользнув по песчинкам на бетонном полу. Помещение было больше, чем все остальные в подвале.

Внутри женщина сразу обратила внимание на огромные стеллажи вдоль стен. Внезапно раздался скрип и удар, от которого плечо ее дернулось. Она решила, что из-за ремонта, которым муж был занят последние два месяца, повредился фундамент дома.

— Дверь закрывается сама. И она очень тяжелая.

— А я решила, что на нас падает башня маяка. — Она открыла глаза и посмотрела на мужа.

— Жителям этого города так не повезет, — усмехнулся он.

— Никто этого и не хочет, — укорила жена.

— Если бы они знали правду…

Она нервно запахнула кофту.

— Здесь холодно. — Наверное, оттого, что помещение нежилое.

— Это и к лучшему, верно? — Мужчина вытянул руку к потолку. — В подвале всегда одинаковая температура. Здесь не бывает ни жарко, ни холодно.

— Да, это хорошо.

— Нет нужды в отоплении. Или вентиляции. Земля сама регулирует температуру. Об этом не стоит беспокоиться. Мальчику будет здесь комфортно и зимой и летом.

Женщина вгляделась в лицо мужа. Оно стало грубее за те недели, что он был занят благоустройством подвала. И он не побрился.

— Здесь очень много места, — заключила она.

Муж улыбнулся, глаза его сверкнули, как бывало всегда, когда он готовился открыть секрет, и подошел к противоположной стене с четырьмя огромными дверцами в шкафах. Взявшись за одну из ручек, он несколько секунд хитро смотрел на жену. Та молча ждала.

— Что? — наконец не выдержала она.

Мужчина подмигнул.

— Ну, что же это?

Муж не ответил.

— Ну же, прошу тебя…

Он распахнул дверцу, когда жена сделала шаг к двери, явно готовясь уйти.

— Это не простой шкаф.

Железная защелка сдвинулась и лязгнула. Ручка ударилась о соседнюю дверцу. Женщина ничего не увидела, перед ней была лишь непроглядная темнота. Подол юбки шевельнулся. Она потерла лодыжки, будто желая остановить поднимающийся с пола подвальный холод.

— Ты мне объяснишь, что это значит?

Муж встал в центр темного прямоугольника.

— Еще один вход.

— Вход?

— Иди сюда, я объясню. — Кривая полоса света упала на подбородок, выдавая его присутствие. — Идешь?

Полоса стала шире, когда она сделала несколько шагов. Поток воздуха прижал юбку к бедрам.

— Что мне делать? Войти в шкаф?

— Да, иди сюда.

Из темноты протянулась рука, и женщина

вскрикнула. Нечто подобное она часто видела в кошмарном сне, тогда из выгребной ямы к ней тянулась посиневшая рука. Сейчас она увидела ее в реальности прямо перед собой. Когтистая детская рука вылезла из-под земли, словно ядовитое растение. Она заморгала, видение рассеялось, и она увидела перед собой ладонь мужа, на которую поспешила опереться.

— Ты меня напугал.

Сделав шаг, она очутилась в полной темноте.

Вокруг ничего не было — пустота.

Внутри шкафа пахло сырой землей.

— Сюда, — донесся, будто издалека, мужской голос. — Не бойся.

— Куда? — Она ничего не видела. — Как мы вдвоем здесь поместимся?

Тоннель вел их влево и был просторнее, чем ей показалось. Ноги ступали по дереву, потом по земле. Женщина отпустила руку мужа, и они пошли дальше по темному коридору, тянувшемуся неизвестно откуда. За спиной мерцал свет лампочки, горевшей в кладовой, становясь все более тусклым. Они повернули направо, потом налево, потом опять направо. Влажный воздух окутывал их, как саван. Мужчина резко остановился, и женщина натолкнулась на него и обняла, при-

жавшись к спине.

— Ужасное место, — прошептала она ему на ухо.

— А почему шепотом?

— Скажи, где мы? — И положила подбородок на плечо мужа.

— Смотри.

На противоположной стене появилось оранжевое светящееся пятно. Оно немного подрагивало: рука мужчины тряслась. Женщина увидела перед собой стену из земли, пронизанную корнями. Пятно скользнуло по ней, и женщина поморщилась. Мужчина повернулся, чтобы посмотреть на жену, свет переместился, в нос ударил резкий запах серы и сгоревшего дерева. Огонь вспыхнул, подсвечивая обращенные друг к другу лица оранжевым. Оба были хмурыми и серьезными.

— Так мы будем приносить ему все необходимое.

Мужчина выдохнул, и пламя заплясало в воздухе, искажая его черты.

— У тебя такое страшное лицо. Будто изуродованное.

— У тебя тоже. — Мужчина поднес руку ближе к ее щеке. Пламя изменило цвет глаз, сделав почти красными, они светились в центре оранжевого

круга. Он смотрел, словно завороженный. Спичка дрогнула, пламя коснулось щеки жены. Она оттолкнула руку.

— Эй! Ты меня обжег!

Мужчина достал следующую спичку.

— Все в порядке, — заключил он, склоняясь ближе к ее лицу, и осторожно подул, как очень давно дул на коленки детей.

— Больно. — Злость ее испарилась, когда он нежно поцеловал больное место.

— Все, больше не больно.

Они оба улыбнулись. Внезапно вспыхнувшее влечение напомнило то, что они испытывали все годы брака, которое умерло несколько дней назад.

— Все необходимое? — Женщина решила вернуться к прерванному разговору. — Продукты?

— Продукты, туалетную бумагу, лекарства, лампочки — все, что ему потребуется. Мы будем переносить через этот тоннель и оставлять в кладовой.

— А почему не через дверь? Ту, через которую мы вошли?

Спичка догорела и потухла.

Мужчина зажег следующую и поднес к стене, на которой, словно огненные змеи, высветились

две железные перекладины.

— Это ступени, — объяснил он. — Видишь? Теперь посмотри туда.

Ступеней было много, они тянулись вверх, до самого края освещенной части стены.

— Они ведут на поверхность, там в земле люк, — продолжал мужчина. — Об этом подвале никто не должен знать. В него нельзя будет войти из нашего дома. Когда мы перевезем сюда сына, мы закроем ту дверь. Я ее замурую. Таким образом, из дома в подвал не будет прохода.

Сорвавшийся с ее губ вздох потушил огонь. Картина перед глазами стала невидимой, будто подвал на самом деле перестал существовать.

Мужчина не стал зажигать новую. Он обхватил лицо жены ладонями и нежно погладил щеки большими пальцами.

— Мы будем пользоваться этим ходом, — прошептал он. — А если кто-то вдруг придет в наш дом, заинтересовавшись историей исчезновения мальчика, и захочет обыскать комнаты, то найдет лишь замурованный вход в подвал. Сюда никто не сможет попасть.

Женщина кивнула, соглашаясь с доводами мужа. Лишь две упавшие на кончики его пальцев слезинки выдали ее истинное состояние.

— Не плачь. Это лучшее, что мы можем сделать.

Прижав ее к себе, он ощутил, как сильно забилось сердце в ее груди, так отчетливо, будто было его собственным. Женщина всхлипнула.

Внезапно что-то мокрое коснулось ее щиколотки. Захотелось немедленно бежать из этого темного места куда угодно.

— Это крыса, — сказал муж. — Вот еще один вопрос, который надо решить. А сейчас не двигайся.

Она замерла. От страха губы едва шевелились, когда она произнесла:

— С ним все будет хорошо?

— Что?

— С нашим мальчиком. С ним все будет хорошо?

В гробовой тишине земляного тоннеля несложно было услышать, как крыса убегает в сторону кладовой.

26

Вернувшись из подвала, женщина отправилась искать сына. Дочь она увидела по-прежнему сидящей на предпоследней ступени лестницы. Мать попыталась заставить ее уйти с дороги, но

та увернулась. Догадавшись, что дочь не собирается ее пропустить, женщина, ловко перебирая ногами, пробежала мимо нее наверх. Маневры их не сопровождались звуком.

Мальчик сидел в своей комнате в рабочем кресле, доставшемся ему по наследству от сестры.

Встав коленями на сиденье, он отталкивался от стола вытянутыми руками, клал лоб на спинку, кружился и весело хохотал. В комнате пахло грязными носками и чем-то еще, похожим на отбеливатель.

Мама подошла к кровати, уже зная, что обнаружит. Стянула покрытую пятнами простыню и повесила на согнутую руку. Мальчик не переставал кружиться. Искренний восторг его заставил мать улыбнуться; она стояла так до тех пор, пока он не отвлекся от фантазий, полностью занимавших мысли. Она дала ему возможность насладиться беззаботностью детства, дать волю воображению, позволявшему с ребяческой невинностью придумывать новые игры. Увернувшись от ноги, она распахнула окно, чтобы впустить свежий воздух. Влетевший ветер принес с собой стрекот сверчков. Мальчик положил ладонь на стол, завершая путешествие по одному ему известному миру, и повернулся к окну. Сжав

пальцами раму, он высунул голову и стал стрекотать. Голова его при этом поворачивалась из стороны в сторону.

— Сынок. — Мать обняла его за плечи. — Сынок, послушай меня.

Мальчик не обращал на нее внимания, по-прежнему находясь в мире своих фантазий. В их разговор вмешивалось лишь существо, прятавшееся где-то в траве или ветках.

— Нам надо поговорить, — не отступала мама.

Мальчик не пожелал прервать диалог с тем, другим собеседником и продолжал крутить головой. Женщина с трудом сдержалась, чтобы не схватить его за голову, но с сожалением вспомнила, как делала это раньше, повторяя безрезультатные попытки убедить его прекратить вести себя подобным образом. Быть нормальным ребенком. Таким, каким был до падения.

Мальчик остановился, будто услышал тревожные мысли матери. Взгляд чуть косых глаз сфокусировался, насколько это было возможно, на ее лице.

— Я знаю, что ты скажешь, — заявил он.

Женщина прижала к себе простыню.

— Что?

— Я знаю, что вы со мной сделаете.

Не представляя, что ответить, мать наморщила лоб.

— Вы меня спрячете.

Она не поверила своим ушам.

— Что ты сказал?

— Я видел папу и дедушку. Они… — Мальчик с усилием оторвал язык от нёба. — Они строили в подвале. Строили дом для меня. Под землей. Вы там меня спрячете. Из-за того, что случилось с девочкой.

Мальчик посмотрел на мать, хотя, казалось, не видел дальше своего носа. Женщина вытерла слезы грязной простыней. Сын увидел, что она плачет, и взял у нее простыню. Он обнял мать и теребил косу, пока плечи ее не перестали вздрагивать.

Женщина всхлипнула и перестала плакать. Сын отодвинулся от нее и стал вытирать лицо ладонями. Потом поцеловал левый глаз и правый.

— Не грусти, — произнес он громким шепотом. — В подвале живут сверчки. Я тоже смогу жить, как они.

Мать крепко прижала его к себе. Через ее плечо мальчик увидел, что в дверях стоит сестра.

— Ой, как мило. Такие моменты оправдывают все, что вы сделали.

Женщина резко повернулась. Тон ее дочери убивал все эмоции.

— Оставь нас, — распорядилась она.

За спиной дочери появился ее муж, а за ним бабушка и дед. Они только что извинились друг перед другом за то, как вели себя в кухне. Всем хотелось забыть обиды, быть в хорошем настроении и благополучно проводить мальчика в новую жизнь. В подвале. Они решили, что в такой момент надо вести себя благодушно.

— О, вся семейка в сборе! — с деланым удивлением воскликнула девушка. — Хотите выглядеть нормальными?

Мужчина оттолкнул ее от двери.

— Пора, — сказал он жене. — Надо идти.

Сын взял его за руку и наступил на лежащий на полу угол грязной простыни.

— Ты хоть представляешь, куда они тебя ведут, братик?

Мать закрыла руками уши сына.

— Разумеется, он все знает, — ответила она дочери. — Твой брат намного умнее, чем ты считаешь.

— Вы специально ведете его туда в пижаме, чтобы он сразу почувствовал себя как дома?

Никто не ответил. Ей невольно осталось место

замыкающей в веренице, возглавляемой отцом и сыном. Следом шла мать, в шаге от нее бабушка, рядом дед. Бабушка зашмыгала носом и положила голову на плечо своего мужа.

— Похоронная процессия! — воскликнула внучка. — Может, вы решили его похоронить, тогда все понятно.

Она удовлетворенно улыбнулась, когда всхлипы бабушки стали громче.

Мужчина открыл дверь кухни и пропустил вперед сына. Затем жену. Подождал, пока подойдет бабушка, затем дед. Когда все они стали спускаться по лестнице, он закрыл дверь прямо перед носом дочери.

Она повернулась, посмотрела на телефонный аппарат кремового цвета и вспомнила вечер, когда узнала тайну родителей и позволила им шантажом добиться своего. Почему она тогда поддалась и не позвонила в полицию? Или родным девочки, которых видела в тот день, когда расклеивала плакаты. Она знала, что еще не поздно это сделать. Каждый день собиралась и каждый день трусила, но молчать становилось все сложнее. Сначала два дня показались ей огромным сроком. Она боялась, что ее сочтут сообщницей своих родных, раз она не сообщила, как только

узнала правду. Прошло еще пять дней. «Нет, я не могу». Восемь дней. «Теперь уж совсем глупо». Две недели. «Я обязана позвонить». Три недели. «Теперь мне никто не поверит».

Прошло два месяца, и родители реализовали план: спрятали сына. Точнее, скрыли, как преступники улики. Так они поступили с телом девочки. Только вот брат был до сих пор жив.

Вспоминая два месяца внутренней борьбы, девушка подошла к столику в гостиной. И даже сама удивилась, увидев перед собой телефон. Из кухни доносились голоса. Внезапно эти люди стали ей отвратительны, после случая с мальчиком они относились к ней как к призраку, поселившемуся в доме. Смотрели на нее так, будто она не родной им человек. Они должны за все заплатить. Девушка подняла трубку. Послушала несколько секунд гудок и набрала номер. Нажала цифры в тоновом режиме. Она держала трубку до тех пор, пока оттуда не стали доноситься короткие гудки.

Затем положила ее на рычаг.

Потерла лицо ладонями, выдыхая через пальцы, размышляя. Заходила мелкими шагами взад-вперед по ковру по прямой воображаемой линии. Подол длинной коричневой юбки покачивался при каждом движении.

Выбрасывая ногу, она делала шаг. Еще три — и девушка встала у двери. Толкнула ее и вошла в кухню. Вся семья спускалась по лестнице.

— Для меня вы бы сделали нечто подобное? — спросила она.

На нее уставились пять пар глаз.

— Что ты сказала? — переспросил отец.

— Для меня вы бы сделали нечто подобное? Если бы я поступила так же ужасно, как он, вы бы тоже стали меня защищать?

Все молчали. Мужчина открыл рот, чтобы ответить, но жена бросила через его плечо:

— Ты уже это сделала. Ты уложила брата спать с пробитым черепом. И мы защитили тебя. Мы скрыли от врачей в больнице правду.

Дочь дважды моргнула. Об этом она не имела понятия.

— Это не одно и то же, — заявила она и вскинула голову, давая понять, что не двинется с места. — Он убил девочку.

— В тот день твой брат мог умереть.

Дочь обвела взглядом родных, остановилась на брате.

— Глядя на это, невольно задумаешься, что так было бы лучше. — Она кивнула, указывая на мальчика.

Бабушка тихо вскрикнула и прижала ладони ко рту.

— Что с тобой случилось? Я тебя не узнаю.

Мужчина двинулся на дочь, вскинув над головой руку. Девушка согнулась, закрыла лицо руками и зажмурилась, ожидая пощечины. Отец стоял напротив и смотрел на нее, пока она не открыла глаза. Он тяжело дышал, переполняемый гневом. Или тоской и печалью. Разочарованием. Вглядывался в глаза дочери и молчал. Красивые глаза, которые закрывались, когда она весело смеялась. Так было в тот вечер, когда они смотрели на закат, стоя у обрыва недалеко от маяка, и он заставил дочь поверить, что веснушки на ее носу — это упавшие звездочки. Она запрыгала, воздев руки к небу, он подхватил ее и закружил, а дочь болтала ногами от радости. Мужчина, как и все остальные, понимал, что той милой девочки больше нет.

— Не удивлен, что на твоем лице больше нет звездочек, — сказал он.

Девушка улыбнулась уголком рта.

— Это твое наказание? — фыркнула она. — Ты подходишь, чтобы ударить меня, а теперь несешь какую-то чушь.

То презрение, с которым дочь отвергла трепет-

но хранимые воспоминания, разожгло потухающую ярость. Она вспыхнула в груди, пронеслась по плечам и дальше, до самых кончиков пальцев. Отец ударил наотмашь. Теперь дочь смотрела на него сквозь пелену слез. Дедушка дважды выдохнул на стекла очков и потер их рубашкой. Бабушка перекрестилась. Мама покачала головой и стала гладить мальчика по волосам, будто хотела передать некое зашифрованное сообщение. Опустив глаза, мужчина потер горящую ладонь.

— Ты об этом пожалеешь, — процедила дочь и сжала губы, чтобы слюна не текла на подбородок. В уголке рта появилась красная капля.

— Еще пожалеешь.

Девушка выбежала из кухни.

— Что ты хочешь сказать? — крикнул ей вслед отец, но слова ударились в распашные двери, которые на этот раз, как и всегда, закрылись сами.

Бабушка подошла к сыну и оглядела его руку. Мужчина несколько раз повернулся, будто ждал от дочери ответа.

— Что еще ты нам сделаешь? — закричал он, потом добавил тише, обращаясь к бабушке: — Ма, все в порядке, нет там ничего. — И вырвал руку жестом, напомнившим о его детстве. — Я спросил тебя, чем еще ты решила испортить

нам жизнь. — У него вышло даже громче, чем в предыдущий раз. Он принимал в расчет, что дочь уже поднялась на второй этаж. Открыв рот, чтобы повторить вопрос, он замолчал. Язык стал тяжелым от внезапной догадки.

— А ведь она может это сделать. И я знаю что, — озвучила его мысли жена.

Бабушка и дед сразу все поняли и переглянулись.

— Не хотелось бы думать, что она способна… — начал дедушка, но мужчина не стал ждать, пока он закончит. Он рванулся к дверям кухни, которые еще покачивались, и с силой толкнул их, не обращая внимания на боль в ладони.

В гостиной он увидел то, чего боялся.

Телефонная трубка была прижата к уху девушки. Рука ее подрагивала, и витой телефонный шнур слегка покачивался. Губы скривились, когда она поняла, что ее планы раскрыты. Розовая струйка сползла на подбородок.

Она уже набрала номер, но ей долго не отвечали. Она понимала, у нее не будет времени сказать все, что хотела. Отец шел прямо на нее через гостиную, вытянув вперед руку.

И еще она понимала, что, если бы ее не ослепила ярость из-за пощечины отца, она никогда бы

не осмелилась предать семью.

В голове раздался тревожный звон, предупреждая о возможном будущем развитии событий. К сожалению, девушка к нему не прислушалась. Она действовала, не удосужившись подумать. Ее вели звериные инстинкты. Положив трубку на рычаг, она прижала к себе телефон. Нагнулась, нашла розетку и потянула за шнур. Отец успел сделать еще два шага. Затем она опрометью бросилась к лестнице, опрокинув стоящие на ее пути торшеры. Один из них выполнил то, чего она желала, — задел отца. Она слышала, как он упал и застонал, как раненое животное. Девушка неслась вперед и даже не обернулась.

На площадке наверху путь ей преградили ворота, не позволяющие пойти к маяку. Девушка толкнула створки, они лязгнули, но не поддались. Заперто. Она слышала, как отец изрыгает проклятия. Похоже, никто из родственничков так и не помог ему встать. Последовавший звук подтвердил тщетность его усилий. С треском лопнула лампа накаливания. Девушка пробежала к картине в массивной золотой раме, мельком оглядела полотно и мрачные краски ночного сражения. Приподнявшись на цыпочки, она стала искать ключ с брелоком-русалкой, кото-

рый прятали так высоко, чтобы мальчик не мог дотянуться. Пальцы увязли в пыли, но вскоре нащупали резиновую поверхность. Фигурка упала на пол, увлекая за собой ключ.

Дрожащие пальцы не хотели слушаться, и вставить его в скважину удалось не с первого раза. Прижатый к животу аппарат скользнул вниз. За спиной послышались шаги, значит, отец поднялся с пола и теперь идет к ней по лестнице.

Из ее горла вырвался хрип, на мгновение снявший напряжение и нормализовавший биение сердца. Этого было достаточно, чтобы попасть ключом в скважину. Девушка повернула его и, оказавшись за воротами в тот момент, когда перед ними появился отец, снова заперла замок. Рука отца тянулась к ней, скользнув меж решетками, словно хищная пиранья. Пальцам удалось зацепиться за край ее рубашки, и шов на рукаве разошелся.

Не обращая внимания на такую мелочь, девушка поспешила вверх по винтовой лестнице, крутой, как и повороты в жизни ее семьи, разрушившие ее окончательно. Мужчина следил за ногами дочери, пока они не скрылись из вида. Руки повисли на воротах, будто мертвые.

— Прошу тебя! — выкрикнул он в темноту

башни, прижав лицо к двум прутьям. — Мы же одна семья.

Ответа не последовало. Девушка не желала слышать слова, способные заставить ее изменить решение. Она мерила шагами комнату с прожектором. Свет луны проникал в помещение, придавая ему волшебное очарование и заполняя тенями, которые, возможно, ими не были.

Слушая внизу торопливые шаги дочери, отец все еще не терял надежду предотвратить то, что стало неизбежным.

— Ты хочешь включить телефон наверху? Но там он всегда плохо работал.

Девушка знала, что это ложь. Отец всегда старался поддерживать маяк в рабочем состоянии, надеясь, что настанет день, когда он опять будет нужен. Также он верил, что брат однажды станет нормальным.

На столе лежали стопки книг. Огромный объем информации по медицине, которую отец поглощал, не понимая, что читает, также надеясь, что полученные знания систематизируются сами собой и помогут ему совершить чудо.

Девушка оттолкнула стул и полезла под письменный стол, наступив на подол юбки. Встала на колени и попыталась нащупать пальцами

телефонную розетку.

Мужчина внизу не бездействовал. Он подбежал к маленькому столику у стены и попытался вырвать розетку, а потом найти провод, который можно отсоединить и лишить дом связи. Родственники с любопытством следили за его действиями. По неосторожности он сломал ноготь и выругался.

— Черт! — взвизгнул он.

— Надо выкрутить эту штуку! — закричал дед и бросился в кухню.

Вернулся он с отверткой в руках. Сын схватил ее и вонзил в пластиковую коробку. В стороны полетели обломки. Все было напрасно. Он лишь впустую потратил время на уничтожение светлого квадратика на стене, за которым не было ничего, что можно перерезать и предотвратить звонок.

Сидя под столом на самом верху, девушка семь раз повернула диск телефона. После первого звонка ей ответил мужской голос.

И она все рассказала.

Голос ее был мрачным, как море, которое отсюда было хорошо видно. Она тараторила, забыв о паузах, не переводя дыхание. В трубку вместе со словами летели брызги слюны с кровью. Назвав

свое имя, она поведала неизвестному мужчине на том конце провода, как ее брат нашел мертвую девочку у скал, как скрывал это от родителей, поддерживая в себе веру в сказочное событие в жизни, в счастливое обретение возможности создать собственную семью. Потом душа навсегда покинула тело бедняжки, и брат притащил ее труп в дом у маяка. Родители приняли решение сохранить тайну и спрятали тело, теперь оно лежало в их выгребной яме под грудой камней, которые позже залили бетоном.

— Алло! — Она с беспокойством посмотрела на трубку. — Вы меня слушаете? Теперь они хотят спрятать моего брата…

Но на том конце провода ее никто не слышал. В трубке раздавался треск, возможно, телефон действительно плохо работал в башне. Возможно, дело не в этом. Снявший трубку мужчина бросил ее, услышав о том, что его дочь, которую он учил кататься на велосипеде в новой розовой кофточке, лежит залитая бетоном, и заметался по гаражу. Потом принялся перебирать бутылки на полках, моля Бога, чтобы отыскались подходящие. И они нашлись. Теперь он молился, чтобы Бог дал ему силу себя остановить, заставить отказаться от плана, зревшего и обретавшего ясность

и смысл в его голове.

— Ты это сделала?

Голос отца, появившегося на ступенях лестницы, оглушал, будто удары грома. Ударившись от неожиданности головой о столешницу, девушка выбралась из-под стола. Смахнула с лица мокрые волосы и убрала пряди за уши. Рот вытерла порванным рукавом рубашки, глаза — кулаками. Неожиданно появилась боль в одном из коренных зубов, видимо от удара. Она положила трубку, даже попыталась распутать провод.

— Говори: ты звонила? — заорал отец.

— Да.

— В полицию?

— Ее отцу.

Мужчина вздохнул. Грудь сдавило от чувства вины и сожаления. Он резко выдохнул, будто хотел выбросить все скопившееся внутри в лестничный проем.

Ни разу за все восемнадцать лет девушка не видела, чтобы отец плакал.

Она довольно улыбнулась.

Вкус крови, появившейся во рту, когда она прикусила язык, показался ей похожим на вкус победы.

27

— Он придет сюда, — произнес стоящий в гостиной отец. — Надо что-то делать.

Бабушка поставила один торшер на место рядом с часами с кукушкой и всхлипнула. Мальчик, сидящий на полу и обнимавший ногу матери, неожиданно громко засмеялся. Женщина натянула пальцами рукав кофты и прижала руку ко рту, будто ей стало холодно.

Или хотелось спрятаться за тканью и исчезнуть. Она сразу поняла, о чем говорит муж.

— Она им все рассказала, — прошептала женщина. Сказано это было для себя, чтобы дать толчок ходу мыслей, которые выдали бы готовое решение.

Над шерстяным рукавом появились губы.

— Она им все рассказала.

Муж лишь моргнул, подтверждая ее правоту.

Женщина послала дочери проклятия, которые, впрочем, никто не расслышал.

Бабушка подбежала к двери, заперла ее, повернув ключ, торчавший в замке, и прижала руками, готовая защищаться.

— Что же нам делать? — спросила она.

Дедушка задернул шторы на окне, из которого

была видна выгребная яма; он сам ее когда-то выкопал. Затем проделал то же самое с другими окнами и пошел в кухню.

— Я задернул шторы и там, — сказал он, вернувшись, и тяжело вздохнул. — Теперь снаружи нас никто не увидит.

Он кивнул, будто это решало все проблемы. Будто полотна ткани могли спрятать их от внешнего мира. Оградить от необходимости признать правду.

Бабушка увидела, как ее муж подался вперед, уперся руками в колени, очки скользнули вниз по носу. Она видела, как он нервничает, она сама испытывала те же чувства, когда запирала дверь. Можно подумать, двух поворотов ключа достаточно, чтобы навсегда спрятать их в альтернативной реальности, ими же созданной. В ней не было трупа в гостиной. Действия ее и мужа были полны отчаяния и стараний продлить мнимое спокойствие последних двух месяцев. Сохранить тайну любыми возможными способами. На этот раз — закрыв шторы. Одного взгляда на мужа было достаточно, чтобы ощутить внезапно навалившуюся усталость. Страх, чувство вины, неверные решения — все это обрушилось, будто груда камней, которыми они завалили тело де-

вочки. Из груди вырвался вздох сожаления.

В ту же секунду остальные так же осознали бесполезность предпринимаемых мер. В тишине, нарушаемой лишь треском сверчков, они обменялись взглядами.

— Не сейчас, сынок, — попыталась остановить мальчика мама, но, опустив голову, увидела, что рот его закрыт. Звук доносился снаружи.

Прерывистый стрекот, отмерявший оставшееся время их жизни, оставляя в прошлом тайны и ложь.

Бабушка заговорила первой:

— Мы не сможем прятаться вечно.

— У нас катер у причала, — напомнил мужчина. — Можем уехать.

— А что потом? — спросила бабушка.

Дед обнял жену. Он понял намного больше, чем она сказала, и поддерживал.

— Тебе известно, как долго нам плыть до большой земли, — сказал он сыну. — Там нас и будут ждать.

— Можно спрятаться на другом острове. Главное — уехать.

Родители его не слушали. Они посмотрели в глаза друг другу и приняли решение покончить с тайнами. Сверчок громко затрещал, будто кон-

статировал окончание эпохи.

— Мы не сможем скрываться бесконечно, — повторил дед слова жены.

— Вот что вы хотели со мной сделать! — завизжал мальчик и засмеялся. — Спрятать навсегда. В подвале!

— В подвале, — отозвалась его мать.

— Мы ведь можем там спрятаться, — произнес дедушка и сжал руку жены, в которой она держала четки.

— Он не рассчитан на нас всех, — пожал плечами мужчина. — Но, в принципе, это возможно.

Женщина тяжело сглотнула и хрипло прошептала:

— Навсегда? Мы будем жить там всегда?

— Конечно нет, — ответил ей муж, сам не зная, говорит ли правду. — Только пока не придумаем, что делать.

— А что можно сделать?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Пока не знаю. Но сейчас у нас нет другого выхода. За нами скоро придут. Или нам сдаться? Вот так просто сдаться?

Бабушка зарыдала в голос.

— Что они сделают, когда доберутся до нас? — продолжал рассуждать вслух мужчина.

— Посадят в тюрьму, — ответила ему бабушка.

— Мы, так или иначе, попадем в тюрьму, — заключила женщина. — Суть одна и та же.

— Ничего подобного, — возразил мужчина и помолчал, собираясь с мыслями. — В тюрьме мы будем сидеть все отдельно, а здесь вместе.

— Вы будете жить со мной! — весело закричал мальчик и закружился в танце, отбивая ритм ногами, вращая при этом бедрами.

Его остановила мать, чьи руки были крепче смирительной рубашки.

— Остановись. Прекрати танцевать.

Мальчик продолжал дергаться, напевая несуразную мелодию. Родные в замешательстве наблюдали за его весельем. Сумев освободить руку, мальчик засунул палец в рот и надул щеки. Послышалось тихое бульканье, он вытащил палец под давлением матери, и та тихо рассмеялась.

Глядя в счастливое лицо сына, она неожиданно легко приняла решение.

— Я готова жить в подвале, — сказала она.

Бабушка повернулась к мужу и кивнула:

— Мы тоже.

Дед кивнул и прижал голову бабушки к своей груди. На их лицах появились почти одинаковые

улыбки. Мужчина огляделся, будто только сейчас осознал, что происходит. Он смотрел, как родители крепко взялись за руки. Такое единение возможно лишь после десятков лет, прожитых вместе.

Проговаривая про себя то, что собирался произнести вслух, мужчина невольно подарил родным несколько минут покоя.

— Мы не можем спуститься вниз все. Кто-то должен остаться наверху.

— Пусть наша дочь останется, — подсказала жена.

— А у нас есть дочь? — хмыкнул мужчина. Вопрос не требовал ответа.

Женщина скорбно опустила голову. Бабушка потерлась лбом о щеку мужа. Она уже знала, что он скажет, и хотела таким образом заставить его промолчать.

— Я останусь, — заявил дед и посмотрел на невестку. — Ты должна присматривать за сыном.

Та склонилась и поцеловала мальчика в макушку. Он не переставал дергаться в такт музыки, звучащей только в его голове.

— А ты должен заботиться о ней. — Он указал на невестку. Та благодарно ему улыбнулась.

Дедушка прижал к себе жену так крепко, что бусины ее четок вдавились в грудь. — Ты будешь оберегать их всех, — прошептал он ей на ухо. — И пожалуйста, не плачь, — добавил он, когда задрожали ее плечи.

Прижавшись губами к ее волосам, он несколько минут раздумывал, потом поправил очки на носу.

— Вам необходим человек здесь, наверху, — заключил он. — Сейчас я спущусь к пристани и уведу катер от берега. — Он провел пальцами по губам. — Когда они придут, я скажу, что вы уплыли.

Он посмотрел на сына и его жену, призывая взглядом помочь в составлении плана.

— Я скажу им, что ничего не знал. Все сделала моя невестка.

— Они поверят? — спросила женщина.

— Конечно.

— А если нет?

— Им придется поверить, — настаивал свекор.

Повисла тишина. Все готовились рискнуть и пойти на то, о чем не могли помыслить даже в самые ужасные минуты. Они перебирали все подводные камни, возможные трудности и неудачи, преграды, ошибки, нестыковки — все, что может

разрушить и без того сомнительный план.

— Я скажу им, как страдаю, — продолжал дед, — как мне было больно вынести предательство семьи. И жены. Потому и не пошел с вами. — Он оглядел всех родных. Они закивали, признавая, что это вполне логично и разумно.

— Потом они где-нибудь найдут катер. Скорее всего, разбившимся о скалы. Решат, что вы погибли. Они с радостью забудут о вас, учитывая, что вы сделали с девочкой.

— А ты? — спросила женщина. — Если они поверят и все закончится удачно…

— Я могу вернуться в наш дом на материке. Денег мне хватит. И там будет проще затеряться и покупать все необходимое для вас.

— Ты не сможешь часто приезжать, — сказал сын. — Тебя не должны видеть у маяка. У людей возникнут вопросы, что ты здесь делаешь.

— Я всю жизнь здесь работал. На маяке. Теперь он ваш. Дом принадлежит нам. Я имею право иногда приезжать, чтобы вспомнить о своей исчезнувшей семье. — Он попытался улыбнуться.

— Но для этого нам надо исчезнуть, — всхлипнула бабушка.

— Ну, что ты, — подбодрил ее муж. — Давайте, надо спешить. Если вас найдут здесь, случится

страшное.

— Я не хочу… — начала бабушка и зарыдала.

Дед вскинул брови и посмотрел на нее, как на ребенка, устроившего истерику из-за пустяка.

— Ты только что сама сказала, что согласна прятаться в подвале.

— Но только с тобой.

Дедушка посмотрел на нее, почти прижимаясь носом к щеке.

— Мы бросили все и приехали сюда, чтобы ухаживать за внуком. — Он тяжело сглотнул. — Ради него мы совершили непростительный поступок. — Голова его слегка тряслась, что было объяснимо, учитывая события последних месяцев. Возможно, этого наказания было достаточно. — А ты собираешься расстаться с ним теперь, когда больше всего ему нужна?

Он растянул губы, чтобы они не дрожали. Просунул руку между их телами и сжал кулак, в котором жена держала четки.

— Разве Он когда-то тебя оставлял? Этот план единственно возможный.

— Единственно возможный, — шепотом повторила бабушка.

Четыре взрослых человека одновременно тяжело вздохнули, будто только сейчас настало

прозрение и истинное осознание происходящего.

— Надо спешить. — Первым пришел в себя мужчина. — Ты иди к пристани и отгони катер.

Дед выпустил из объятий жену. Она не сопротивлялась, стояла молча, вытянув руки вдоль тела, взгляд блуждал по полу, перепрыгивая с места на место, словно был чем-то вроде пушинки. Дед поспешил в кухню. В дверях он повернулся к невестке:

— Дай мне свою кофту.

— Зачем?

— Давай же, скорее.

Она сняла ее и протянула. Дед схватил ее, опустился на колени рядом с внуком и принялся стягивать с него пижамные штаны.

— Хорошая мысль, — одобрил мужчина. — Вот, возьми мои часы. — Ремень он расстегнул за секунду. Дед взял их и кивнул.

— А что мне делать? — спросила бабушка.

— Давай что-то из своих вещей. Что угодно. Я положу все это в катер. Вдруг его найдут.

Пока она раздумывала, он сорвал брошь с ее блузы.

— Только не ее. Это же…

Дед поцеловал жену.

— Уже не важно, — прошептал он. — Нет ничего важнее семьи.

Не дав ей шанс ответить, дед скрылся за дверями кухни.

— Значит, все уже решено? — спросила бабушка и огляделась. — Мы действительно пойдем в подвал?

— Пойдем, — ответила ей невестка. Рядом с ней скрючился от холода оставшийся в одних трусах мальчик.

Мать наклонилась и обняла его. Бабушка присела рядом и прижалась к щеке женщины. Их обеих обнял подошедший мужчина.

— Мы будем все вместе, это главное, — сказал он.

Несколько минут они не двигались, наслаждаясь последними мгновениями спокойной жизни.

Забыв, что она закончилась два месяца назад, когда лист гофрированного железа разбил окно в их доме.

На них обрушилась лавина из осколков стекла. Один попал за воротник рубашки мужчины. Все бросились в разные стороны. Бабушка посмотрела под ноги, желая понять, что это было. При каждом шаге раздавался хруст. В трещине деревянного пола застрял кусок стекла. Некоторые

еще летели по инерции. Острый край царапал шею мужчины. Он взялся за ворот и тряс его, пока осколок не выпал. Женщина накрыла собой сына и зажала ему уши руками.

Шум долетел и до дочери. Она сбежала вниз по лестнице и посмотрела на ворота, даже не пытаясь их открыть. Вместо этого она прислушалась к тому, что происходило на первом этаже. Между рамами, ничем не сдерживаемый, гулял ветер, создавая ненужный сквозняк. Каждый из присутствующих в гостиной кожей ощущал его дуновение, напоминавшее прикосновения призрака, залетевшего к ним вечером во время грозы два месяца назад.

— Что происходит? — спросила бабушка.

Мужчина цыкнул и приложил палец к губам. Он прошел к входной двери, стекло хрустело под подошвами. Нажал на выключатель.

— Выключи торшер! — произнес он громким шепотом.

Женщина бросилась к буфету. Шнур лежал прямо на ее пути. Она схватила выступающий прямоугольник выключателя, но пальцы не слушались. Наконец ей удалось попасть в паз ногтем. Когда лампа потухла, за креслом рядом с часами с кукушкой появилось оранжевое свечение, будто

идущее из-под пола. Оно охватило часть стены и подрагивало, словно кто-то тряс его источник. Мужчина вспомнил о спичках, которые зажигал, чтобы осветить путь по земляному тоннелю. В следующую секунду снаружи донесся незнакомый мужской голос:

— Она была моей дочерью! Открывайте, я знаю, что вы там!

Поток воздуха принес звуки в дом. Стоящий в гостиной мужчина с тревогой огляделся, теперь различать предметы ему помогал лишь приглушенный серебристый свет, проникавший с улицы благодаря ветру, иногда распахивающему занавески. Он подошел к креслу и увидел, что был прав. Красноватый свет исходил от горящего на полу куска ткани. Из стоящей рядом бутылки зеленого стекла капал бензин.

— Коктейль Молотова, — шепотом произнес он. — Странно, что бутылка не разбилась при падении. А тряпка выпала.

Бабушка открыла рот, но не успела ничего сказать, ей помешал звук разбившегося стекла. В комнату влетела вторая бутылка. Бросавший поспешил, кусок ткани в горлышке не успел разгореться и почти потух в воздухе. Бутылка закрутилась на полу, отчего несколько мельк-

нувших искр исчезли, так и не превратившись в пламя.

Второе разбившееся стекло заставило дочь на лестнице занервничать. Она отперла ворота и присела на лестнице, ведущей в гостиную. С треском разбились окна на втором этаже, в ее спальне и комнате брата. На этот раз обе бутылки разлетелись вдребезги. Девушка сразу почувствовала спиной тепло. Оглянувшись, она увидела, как взлетело в воздух пламя, и заметалась в испуге.

— Посмотрите на нее! — выкрикнул заметивший дочь отец. — Сидит в первом ряду и наслаждается устроенным ею же самой спектаклем.

Дочь повернулась.

— Я не хотела, чтобы так получилось.

— Они сожгут наш дом!

— И все из-за тебя, — добавила мама.

В этот момент вернулся дедушка.

— Я завел мотор и направил катер в сторону большой земли. — Запах дыма и холод в гостиной заставили его оглядеться. — А что у вас происходит?

— Он решили сжечь наш дом, — ответил ему сын.

— Тогда бежим. Скорее! — выкрикнул дед.

— Что вы собираетесь делать? — вмешалась дочь.

Дед мельком взглянул на внучку и толкнул двери в кухню.

— Пошли, за мной, — обратился он к остальным.

— Что вы собираетесь делать? — громче спросила девушка, но ей никто не ответил.

— Быстро, быстро, быстро, — твердил дед.

Стекло захрустело под ногами. Разраставшийся огонь помогал им ориентироваться в пространстве. Дед взял жену за руку, за ними шел их сын с женой и мальчиком. Дочь по-прежнему стояла на лестнице и смотрела на красно-оранжевые языки пламени. «И все из-за тебя». Так сказала мать. Это были ее последние слова, обращенные к дочери. Девушка очень надеялась, что они действительно станут последними. Скорее всего, они все погибнут в страшном пожаре. А башня маяка рухнет сверху.

В кухне бабушка обняла мужа.

— Я каждый день буду ставить рядом с собой тарелку и для тебя, — прошептала она. — И представлять, что ты со мной.

— Не надо представлять, — ответил он. — Обещай, что будешь сильной, как…

— Кактус, — подсказала она. Они часто любили повторять эту фразу: «Сильный, как кактус».

— Пойдем, надо спешить, — торопил мужчина.

Женщина встала рядом с сыном и взяла его за руку. Они первыми спустились в подвал. Мужчина повернулся к матери и погладил ее по плечу.

— Мама, — прошептал он.

Она кивнула, поцеловала мужа в щеку и сделала шаг вниз, не выпуская его руку.

— Мама, — повторил сын.

Родители расцепили руки. Мужчина обратился к отцу, видя перед собой лишь очертания его тела:

— Постарайся задержать их как можно дольше. Расскажи все, как мы решили… — Внезапная мысль заставила его отшатнуться. — Па, они ведь могут найти нас в подвале. Мы же не построили стену, чтобы закрыть дверь, ее видно, когда…

— Сын, — перебил его дед. — В доме пожар. Скоро рухнет башня маяка. Вам всем лучше подумать о том, как устроиться в подвале. Все будет хорошо, вас не найдут.

Он обхватил сына за шею. Несколько секунд они стояли, прижавшись друг к другу лбами.

Даже дышали в унисон.

Двери кухни резко открылись.

— Вы говорите, в этом виновата я, — выкрикнула дочь, — но не я убила несчастную девочку!

Ее услышала мама, уже спустившаяся с сыном в подвал. Она передала его руку вставшей рядом бабушке и указала на дверь их нового жилища.

— Я скоро.

Она поднялась по лестнице в кухню так поспешно, что деревянные ступени задрожали под ногами.

— Но из-за тебя закончилась нормальная жизнь нашего ребенка, — бросила она в лицо дочери. — Твоего родного брата! — Лестница заскрипела, когда она побежала обратно.

Очередная бутылка со смесью пробила окно кухни. Она врезалась в стену со скоростью ракеты, упала и покатилась по лестнице, пересчитывая ступени. Все застыли в оцепенении. Стекло ударилось о бетонный пол у входа в подвал, но выдержало, не разбилось.

— Вы заплатите за все, что сделали! — донеслось с улицы.

Сирены полицейских машин заглушили слова, хотя человек продолжал выкрикивать угрозы. Отец погибшей девочки побежал по вымощенной камнями дорожке, идущей от маяка через весь двор.

Мужчина поцеловал отца в щеку, развернулся и стал спускаться в подвал, даже не взглянув на дочь.

— Ну уж нет! — закричала та, осознав, что происходит. Она оттолкнула деда и пошла вниз по лестнице. Теперь лишь она отделяла дочь от родных, не пожелавших ее даже выслушать.

— Вот что вы замышляли? Хотели спрятаться в подвале? Навсегда? — Лицо исказила злая ухмылка. — Это что, шутка?

— У нас нет выбора.

— Ах, ваш выбор. Конечно, как всегда. Слышите? — Она махнула рукой.

Сирена звучала совсем близко, должно быть, у маяка.

— Вы действительно думаете, я им ничего не расскажу?

— Пожалуйста, — произнес дедушка. — Ты не…

— Заткнись, — грубо перебила его девушка и посмотрела на родителей. — Тогда попросите меня молчать.

— Не делай этого, — умоляюще произнес отец, стоящий в темноте подвала.

— Пожалуйста… — добавила мать. Больше она ничего не смогла произнести, от страха перехватило горло.

Дочь рассмеялась:

— Бедняжки.

Дед принял решение мгновенно и с силой толкнул внучку. Она покатилась вниз по лестнице, распласталась на бетонном полу, грязно выругавшись, когда край ступеньки рассек бровь. Дед не стал слушать ее стоны и проклятия. Он поспешил запереть дверь в подвал и вышел из кухни. В гостиной он натолкнулся на стену огня. Он полыхал и на лестнице, ведущей в башню. Дед улыбнулся, все шло так, как им нужно.

— Они ничего не найдут, кроме горы камней.

Лицо покрылось потом. Под вопли сирен наверху рухнули деревянные перекрытия. Все его тело охватил жар. Рубашка на спине промокла. Даже с бровей капал пот.

Ветер трепал занавески, они казались тенью призрака невесты, пытавшейся вылететь в окно. Он разносил огонь по помещению. Пол подсвечивался синим.

Полицейский несколько раз ударил кулаком в дверь и что-то прокричал.

Дед глубоко выдохнул, стараясь расслабиться. Вспомнил четки на груди жены, тихий шепот, когда она возносила молитвы каждое утро с той поры, как два месяца назад сын с невесткой

спрятали тело в выгребной яме. Подумал о тысячах вздохов, ставших неотъемлемой частью их новой жизни. О том, как разжались ее пальцы, выпуская его руку. Потом о том, что башня маяка вот-вот упадет. Он работал здесь много лет. Растил единственного сына, потом двоих внуков. Душу охватила черная тоска.

Дед подошел к входной двери. Единственное, что он сейчас чувствовал, — это горечь. Он взялся за ключ, который совсем недавно поворачивала его жена. Подождал, когда печаль усилится, подогретая недавними воспоминаниями. И повернул. Грудь готова была разорваться от боли. Он не стал ее сдерживать. Подбородок задрожал. Он дал волю слезам. Стоявший на пороге полицейский услышал рыдания, больше похожие на вой. Они были страшнее шторма, способного вздыбить море.

И в таком состоянии старик поведал обо всем, что случилось.

Отец боролся с лежащей на полу подвала дочерью. Из-за падения она потеряла ориентацию и не понимала, что происходит, как родители собираются с ней поступить. Она упиралась, пытаясь зацепиться ногтями за бетонный пол. И кричала. Руки отца сжали ее лодыжки. Он невольно вспом-

нил, что так же держал труп девочки, и усилил хватку. Дочь стала пинаться, стараясь вырваться. Ногти царапали пол и ломались.

Отец рванул на себя, еще немного приближая ее к дверному проему подвала. Девушка отчаянно завизжала. Сделав усилие, она дотянулась до бутылки, упавшей почти рядом. И сжала горячее стекло. Противостоять силе отца она больше не могла. В складках тряпки в горлышке меркли затухающие искры. Щека проехалась по бетонному полу, по лужице разлитого бензина, в нос ударил резкий запах. Свободной рукой девушка попыталась ухватиться за дверную раму, но отец был сильнее. Он тащил ее на себя, все дальше от лестницы в кухню.

Мужчина закрыл дверь. Повернул ключ, зная, что больше никогда не сможет им воспользоваться, если дедушка построит стену, чтобы скрыть от посторонних глаз вход в подвал.

Мужчина подтащил дочь к стоящему неподалеку столу. Она спрятала за спиной горячую бутылку, молясь, чтобы отец ее не заметил.

Бабушка ходила по комнате.

— Вот и наш подвал, — произнесла она.

Сын подошел и обнял ее за плечи.

— Это наш дом.

Он поднял вторую руку, призывая жену занять место под ней. Мальчик подбежал к отцу и прижался к его груди. Со стороны они выглядели идеальной семьей, получился бы отличный семейный снимок.

Внезапно все услышали, как по песку на полу перекатывается стекло. Дочь выругалась и швырнула бутылку.

Ее брат повернулся к ней, и толстое донышко ударило его по нижней губе. Она мгновенно разделилась на две части. По подбородку потекла кровь и слюна. Затем по коже разлилась незнакомая жидкость, она же попала на родителей и бабушку. Она даже проглотила немного, машинально сглотнув. В следующую секунду вспыхнула полоса на полу, а за ней и вся разлитая жидкость. Тепло принесло боль.

Девушка отпрянула назад, желая уберечь себя от огня. Она сидела, прислонившись спиной к двери, наблюдая, как родные корчатся, борясь с пламенем.

— Зачем вы так бьете себя? — спросила она, завороженно наблюдая за разворачивающимся действием, за тем, как языки перескакивают с рубашки отца на косу матери, потом на руки брата, охватывают все его лицо. Она поймала полный

ненависти взгляд бабушки, прежде чем огонь навсегда лишил старую женщину возможности видеть.

Дочь спокойно лежала на полу, свернувшись, как эмбрион в животе матери, и наблюдала за борьбой метавшихся по комнате родных, слушала их крики. Она разглядывала посиневший пол, когда услышала мольбы отца о помощи.

— Оставь меня в покое, — отрезала она. — Все оставьте меня в покое.

28

Подхватив под локоть, мужчина подвел бабушку к столу. Там сидела дочь и читала, заняв три стула.

— Вставай, — велел он, обрызгав ее слюной. Обожженные огнем губы все еще плохо слушались.

— Тебе мало трех свободных стульев? — Девушка махнула рукой.

— Вставай, — повторил отец.

Дочь нехотя поднялась, толкнув стулья так, что они с грохотом проехались по полу. Обойдя стол, она уселась на те, что были свободны.

Мужчина подвинул стул ближе к матери.

— Садись, — сказал он и разместился напро-

тив. — Сейчас мы снимем повязку. Не волнуйся, все будет хорошо, что бы ни случилось. Мы ко всему готовы. Верно?

Бабушка ему не ответила.

Дочь оторвалась от книги и подняла голову.

— Верно, — прошептала бабушка.

Мужчина развязал узел и стал разматывать бинт, закрывающий глаза матери.

Конец бинта упал и повис у нее на носу. Мужчина поспешил убрать его и отбросил бинт на стол.

Увидев ее брови, он с трудом сдержал слезы. На морщинистых веках появились неестественные складки. Шесть недель спустя он еще не привык к своему лицу, навсегда измененному огнем, но видеть мать в таком состоянии было еще больнее.

Потянувшись, он накрыл ее глаза ладонями, защищая от непривычного света.

— Пока не открывай, — предупредил он. — Пусть глаза привыкнут.

Девушка захлопнула книгу. Убрав ноги под стул, она уперлась локтями в стол перед собой, смахнула волосы с лица и принялась наблюдать за происходящим, словно это была увлекательная сцена из спектакля.

— Давай. Теперь открывай, — разрешил сын.

Веки дрогнули, когда бабушка попыталась их

разомкнуть.

— Открывай, — повторил он и улыбнулся, увидев наконец глаза матери.

— Они открыты? — спросила та.

Мужчина нервно сглотнул и повернулся к дочери:

— Вижу, ты гордишься собой. — Затем, помолчав, он ответил матери: — Да, мама, открыты.

Они оба понимали, что это значит. Бабушка подняла руку смахнуть единственную слезу, но не сразу нашла место, куда она упала. Новое лицо было ей непривычно. Бабушка нашла на шее распятие и поцеловала.

— Мы готовы ко всему, — напомнила она сыну и принялась ощупывать пальцами его лицо, колючую щетину, которую ему никак не удавалось сбрить. — Так ведь?

Он кивнул.

— И вообще, за шесть недель я уже привыкла ничего не видеть, — продолжала бабушка. — И не уверена, что захочу. — Под кончиками пальцев губы сына растянулись, на лице появилась уродливая гримаса, ставшая его новой улыбкой.

Женщина наблюдала за ними, прислонившись к краю арки, ведущей в их новую гостиную. Она вздохнула. Сила духа свекрови ее поражала. Она

вспомнила, о чем пришла сообщить, но во рту пересохло, язык стал тяжелым и не позволял произнести ни слова.

— Плохие новости, — наконец сдавленно проговорила она.

Муж откинулся на спинку стула, попытался закрыть лицо ладонями, но отдернул их, ощутив неприятные бугристые складки.

— Еще хуже?

— Как я и предполагала, — ответила жена и вздохнула. Из носа вылетел свист, который очень ее раздражал. Как страшное оружие, она вытянула вперед пластмассовую трубочку, прибывшую в посылке от деда несколько дней назад. — Вторая кровать нам все же пригодится.

Мужчина сразу вспомнил день, когда они купили двухъярусную кровать, мечтая о третьем ребенке.

— Только не сейчас, — прошептал он и закрыл лицо руками. — Не сейчас.

— Ничего себе, как вы двое классно тут развлекаетесь, — рассмеялась дочь.

— Это случилось не здесь, — отрезала мать. — Тебе отлично известно, что это случилось не в подвале, а раньше. — Она прижала ладонь к животу и посмотрела на мужа. Они оба помнили ту

единственную ночь, когда это могло произойти.

— И что это значит? — спросила дочь и широко распахнутыми глазами посмотрела на отца. Она сочла появление ребенка поводом для завершения заключения, которое, по ее мнению, и так затянулось. Шесть недель.

Мужчина поскреб подбородок, зажав его в кулаке.

— Прекрати улыбаться, — бросил он дочери. — Не видишь, что происходит с бабушкой? Со всеми нами?

— Вы не можете заводить ребенка здесь. — Она попыталась вырваться, когда пальцы отца больно сжали обе щеки.

— Не тебе решать, чему бывать и не бывать в этом подвале.

Дочь попыталась его укусить, чтобы освободиться. Он оттолкнул ее с отвращением.

— Мало вам того, что я живу в этом подвале, как в тюрьме. Хотите обречь на мучения ребенка?

Она смогла увернуться от руки отца, прежде чем он схватил ее. Толкнув стул, повалившийся на пол, девушка выбежала из комнаты. Дверь спальни хлопнула так, что покачнулись лампочки над столом.

— Не могу видеть ее лицо, — процедил муж-

чина и зажал глаза кулаками. Прикосновение к грубой коже разозлило его еще больше. — Не могу ее видеть. — Он потер лицо, думая о новых чертах. — Я не могу видеть ее лицо!

Женщина подошла к мужу и погладила рукой по плечу. Мужчина всхлипнул.

— Надо попросить отца скорее нам ее передать. — Он сглотнул. — Не могу видеть это лицо.

Он ткнул пальцем в свою изуродованную щеку. Женщина стала укачивать его голову, как младенца.

Бабушка вытянула руки, пытаясь нащупать голову сына. Она принялась поглаживать и бормотать что-то успокаивающее, пока он не пришел в себя. Гнев образовал очередной слой осадка, которому за годы жизни в подвале суждено превратиться в гору.

Мужчина погладил еще плоский живот жены.

— Ты уверена? — спросил он.

Та кивнула. Один глаз непроизвольно закрылся, когда она улыбнулась, пытаясь изобразить реакцию, которая непременно возникла бы при других обстоятельствах.

— Надо решить, что нам делать, — очень серьезно сказала она.

Мысли всех троих в той или иной степени вы-

разил ответ бабушки.

— Я знаю точно, чего мы делать не должны. — Она стала перебирать четки. — Человек не имеет права отнимать жизнь, данную Всевышним.

— Никто и не собирается, — быстро ответила невестка.

Мужчина поцеловал живот жены лишь для того, чтобы спрятать взгляд, который мог выдать его. Ведь именно об этом он прежде всего подумал.

— Его может растить дед, — предложил он и поднял глаза на жену.

— И как он объяснит появление ребенка? — спросила та. — Точно через девять месяцев после исчезновения его семьи.

Мужчина прижался к животу щекой. Внутри появился еще один слой осадка. Он принял его, покусывая губы.

— Тогда скажите, как нам поступить? — прошептал он. — У меня нет предложений. — Он положил локти на колени, согнулся и опустил глаза в пол. — Я больше не могу все это выносить.

— И не надо, — предложила бабушка тихим голосом, будто сама не верила, что сказанное возможно.

Женщина заходила по комнате.

— Не надо? — повторила она таким тоном, будто не вполне поняла значение неизвестного выражения. — И сделать аборт? Убить моего ребенка?

Каждое слово она произносила громче предыдущего. Остановилась, ожидая ответа.

Бабушка пожевала губами. Женщина прижала руки к животу, словно хотела прикоснуться к ребенку внутри.

— Я добровольно заключила себя в тюрьму в этом подвале, чтобы не потерять сына! — выкрикнула она и сделала шаг вперед, словно желая придать словам значимости. Луч света, просочившийся в подвал сквозь щель в потолке, нарисовал маленькое круглое пятнышко на ее животе. — Этого ребенка я тоже не хочу потерять.

Мужчина напряженно смотрел в глаза жены.

— Даже если ему придется жить здесь? — спросил он.

Женщина не успела ответить. Из спальни, которая изначально была кладовой, раздался грохот. Бабушка поправила кофту и пригладила волосы, пытаясь скрыть залысины, выжженные огнем. Не дожидаясь помощи, она встала и направилась в коридор.

— Ты отлично передвигаешься сама! — воскликнул мужчина.

— Это моя жизнь. Мне надо к ней привыкать.

Мужчина обнял жену, и они вместе наблюдали, как бабушка бросилась к железной двери, взволнованная приходом деда. На всем пути она сделала лишь пару неловких движений.

— Ключ! — выкрикнула она. — Дайте мне ключ.

Сын подошел и взялся за висевший на шее ключ.

— Она ведь в своей комнате? — уточнил он, имея в виду дочь.

Дверь установили для того, чтобы предотвратить возможные попытки мальчика убежать из нового жилища, а получилось — использовали для удержания в подвале дочери. Если бы ей это удалось, всем им грозила тюрьма. Девушка часто напоминала родственникам, что расскажет о них всему городу, как только выберется наружу. Первые несколько недель она совершала попытку за попыткой. Выход через кухню уже не представлял опасности, поскольку дедушка замуровал его, поставив прочную стену, как и планировалось. Теперь целью дочери стало открыть железную дверь без ручки. Подслушав разговоры, она узна-

ла о двери в шкафу и ведущем наверх земляном тоннеле.

— Она точно в своей комнате? — повторил вопрос мужчина.

— Открывай скорее, — потребовала мать.

Он открыл дверь, не снимая ключа с шеи.

Раздался скрип, из своей комнаты выбежала дочь и мгновенно оказалась у железной двери. Она выставила ногу, чтобы не дать ей закрыться, но опоздала. Опять опоздала.

— Я клянусь вам всем, что выберусь из этого чертова подвала, — зло произнесла она. — И заставлю вас заплатить.

Возвращаясь к себе, она увидела брата, стоящего посреди спальни. Он ничего не делал, просто стоял, вытянув руки вдоль тела.

— Вокруг одни уроды, — фыркнула она. — А ты даже не в состоянии ничего понять.

У дверей шкафа мужчина велел матери подождать и прошел вперед один. Повернул направо. Налево. Опять направо. Перед ним лежал огромный мешок.

— Папа? — произнес он в темноту. Звуки разнеслись по тоннелю и стихли, будто впитались в землю. Ответа не было. На этот раз отец не спустился к ним.

Что ж, иногда лучше не рисковать. Сбросить мешок вниз и скорее уйти подальше от маяка, пока никто не заметил. Мужчина ухватился за веревку, стягивающую мешок сверху, и потащил. После второго поворота впереди появился свет.

— Он с тобой? — взволнованно спросила бабушка.

— Нет.

Лицо ее помрачнело, таким оно не было даже тогда, когда они сняли повязку. Казалось, невозможность увидеться с мужем печалила ее больше, чем вечная тьма, хотя на самом деле оба события были одинаково ужасны.

— Садись, — сказала ей невестка и хотела взять за руку, чтобы подвести к кровати, но та уклонилась. Она сама нащупала матрас. Потом сама сняла повязку с глаз, свернула в комок и положила на кровать. Потерла руки, сложив меж колен. Дикий, раздирающий душу стон взлетел к низкому потолку подвала. Женщина села рядом, чтобы разделить горе свекрови. Мужчина принялся развязывать узел на мешке. Они отчаянно нуждались в зубной пасте и обезболивающих, им был необходим рис, витамин D, лекарства для бабушки, однако прежде всего мужчину беспокоило, найдется ли в посылке то, о чем он думал

постоянно. Палец его попал в дыру и оказался зажат пластмассовыми краями. Нащупав еще одну, и еще, он вставил в них три пальца, пригляделся и потянул.

Затаил дыхание.

Обожженные губы растянулись на уродливом лице.

— Что там? — не выдержала жена.

Мужчина извлек то, что мечтал найти.

— Больше мы не будем видеть ее лицо, — сказал он и показал жене белую маску.

Настоящее время

29

Через мгновение я был рядом с сестрой. Отшвырнул ногой маску, валявшуюся на полу.

Я провел рукой по ее лицу, тщательно изучая каждый изгиб и впадину. Прикасаться к коже, такой же гладкой, как моя, было непривычно. Я впервые видел лицо взрослого человека, которое не было изуродовано. Сестра не сопротивлялась, она затаила дыхание, испытывая чувства, новые для нас обоих.

— Твое лицо, — прошептал я, — оно же нормальное.

Сестра кивнула.

— Почему ты не обгорела?

Она сглотнула, стараясь сдержать эмоции.

— Вы ведь были все вместе, когда это случилось, — продолжал я.

По крайней мере, так говорили мама и папа. Впрочем, они мало что рассказывали о прошлом. И не отвечали на мои вопросы.

— Так почему ты не обгорела? — повторил я вопрос.

Сестра убрала мою руку от лица. Закрыла глаза и тяжело перевела дыхание. Я с удивлением наблюдал за ее веками, подрагивавшими в такт ритма сердца, за удивительным цветом здоровой кожи. Поразился, когда ее щеки запылали румянцем.

— Я не была тогда с ними, — ответила она. Веки поднялись, глаза смотрели прямо на меня.

— Ты была не в подвале?

— Нет. — Взгляд ее затуманился, она посмотрела в сторону, будто куда-то в прошлое. Потом дернула меня за руку, почти бессознательно.

— Ты не была с ними?

— Я вообще не должна была здесь находиться, — наконец прозвучал ответ. — И тебе совсем необязательно быть здесь. Мы тебя вытащим. Раз ты этого хочешь. Ты ведь сам сказал.

— Но отсюда нельзя выйти, — растерянно произнес я. — Дверь в кухне заперта. На окнах решетки. И мама сказала, мы можем жить только здесь.

— Признайся, ты хочешь уйти?

Несколько дней назад мама задала мне тот же вопрос. Тогда мы говорили о больших зеленых бабочках. Потом я вспомнил, как племянник сжимал мой палец, вспомнил запах морковного

супа, и желание уйти из подвала исчезло. Сейчас я думал о том, что сестра сказала об отце своего ребенка, о том, как пыталась отравить малыша. Мама и бабушка назвали его тяжелейшим из грехов. Зачем они заставляли сестру носить маску, раз лицо ее нормальное?

— Я хочу уйти, — сказал я, и сердце забилось сильнее. Я ощущал удары даже в горле. И появилось видение, в котором дверь в кухне стала уменьшаться в размерах, будто сжиматься, а потом взорвалась и исчезла, из образовавшейся пробоины на меня хлынул поток света, будто я кактус. Щекам стало жарко.

— Я знаю, как отсюда выйти, — раздался голос сестры. Она облизнула губы, подалась вперед, почти прислонившись к моему лицу. — Если будешь меня слушаться, то выберешься.

Удары в горле прекратились. Жар прошел. Дверь вернулась на прежнее место, она опять была закрыта. Как всегда. Потому что я вспомнил, как пальцы сестры шевелились в кармане сорочки, будто тараканы, это было совсем недавно, несколько часов назад. Потом она насыпала на грудь голубой яд, хотела, чтобы малыш больше не жил со мной в подвале.

— Вот еще, — сказал я. — Разве тебе можно

доверять?

Я взялся за металлический поручень лестницы кровати. Раз сестра не хочет спать на месте брата, я уступлю ей свое.

— Не хочу тебя слушать. Помнишь, что ты хотела сделать с моим племянником?

Мне удалось вырваться и забраться на койку брата. Пружины, более податливые, чем внизу, легко приняли мой вес. Подушка же показалась мне неудобной. Очень тонкой.

Голова сестры легла на раму.

— Подожди, — сказала она.

Ее дыхание скользило по лицу, напоминая перебиравшую лапками муху. Мне стало неприятно, и я отвернулся.

— Выключи свет, — пробубнил я, глядя в стену.

— Ты вовсе не должен жить здесь взаперти, — прошептала мне в затылок сестра.

Ее слова вновь разожгли затухающее в груди пламя. Мне вновь захотелось увидеть мир, откуда прилетели светлячки.

— Мы здесь, потому что так захотели, — сказал я.

— Я слышала, как ты плакал. И говорил, что не можешь жить здесь.

Я задумался над ее словами.

— Ты ругала меня за то, что я оставил в кроватке банку со светлячками, — напомнил я сестре. — Говорила, это опасно для ребенка, но тебе нет дела до ребенка. Больше ты меня не обманешь.

Сестра провела рукой по моей спине, сжала плечо.

— Пойми, это они тебя обманывают. Твои родители. И бабушка. Подумай, зачем они заставили меня носить маску? Зачем сказали тебе, что мое лицо изуродовано?

— Отстань. — Я дернул плечом.

— Зачем сказали, что дверь в кухне открыта?

Я лежал и молчал, мысленно вернувшись в тот вечер много календарей назад, когда впервые подошел к двери в кухне. Я даже не попытался открыть ее, потому что был счастлив в подвале. С моей семьей. Как и положено маленькому мальчику.

— Бедный, тебе ведь даже не известно, почему ты живешь здесь. Или известно?

— Потому что мы не можем быть в другом месте, — повторил я сказанное мамой. — Так же, как все остальные.

— Я не об этом. — Сестра сильнее сжала мое плечо. — Ты знаешь, почему мы живем здесь, в подвале?

Я открыл рот, но понял, что мне нечего ответить. Я ведь правда не знал.

— А ты знаешь?

Она ответила не сразу.

— Нет, — прошептала сестра. — И я не знаю. Они обманули меня, как и тебя.

Она погладила меня по плечу и шее, по коротким волосам, которые маме никогда не удавалось состричь. По коже побежала приятная дрожь.

— Они обманули нас обоих. Сделали пленниками. Но ты больше не хочешь так жить. Им здесь нравится. Под землей. Без солнечного света. — Кончики пальцев прокладывали воображаемый кильватер в море моих волос. — Твой брат даже стал издавать звуки, подражая сверчкам, — прошептала она.

Я похолодел.

— Как он это делает?

— Ты не знаешь? Ртом. — Сестра сложила губы и выдохнула. Я не сразу понял, почему она обрызгала меня слюной. У нее получилось, хотя не сразу, и звук был очень коротким.

— Человек-сверчок? — оторопело произнес я и сглотнул. — Мой брат и есть Человек-сверчок?

— О нем ты тоже ничего не знаешь, верно? — ухмыльнулась сестра. — Надо же, их ложь гораздо

больше, чем я думала.

Я резко натянул на себя простыню, дрожа всем телом, и принялся размышлять. Нет, что-то не складывается.

— Это не он. Я слышал, как Человек-сверчок ходил по потолку, а брат спал в своей кровати.

Сестра глухо засмеялась.

— Я не говорила, что это он. Но Человека-сверчка зовет он. Издает звук, как стрекочут сверчки, и зовет его.

Она вновь сложила губы, но на этот раз ничего не вышло.

— У твоего брата хорошо получается. Даже с такой губой.

Сестра нашла мою руку под простыней.

— Не бойся, теперь я буду спать с тобой. Можешь не бояться Человека-сверчка, кем бы он ни был.

Она поправила простыню.

Я заворочался и перевернулся на спину. Подумав немного, я высказал то, что давно меня беспокоило:

— Мне все врут.

Сестра несколько раз вздохнула прямо около моего уха.

— Мы ведь даже не знаем, точно ли находимся

в подвале, — прошептала она.

Сердце опять забилось сильно-сильно, когда я понял смысл ее слов. Стоящая у ножки кровати банка со светлячками внезапно озарилась светом. Казалось, будто это восходящее солнце. Сестра погладила меня по шее. Это было приятно.

— А чем провинился ребенок? — вздохнула она. — Ты хочешь, чтобы его обманывали, как и нас? Чтобы он рос в этом подвале, где все ложь?

Я замотал головой и заметил, как приподнялась бровь на лице сестры.

— Конечно, не хочешь. Поэтому ты должен меня слушаться. Прежде всего, никому не говорить, что видел меня без маски. Клянись, что ничего не расскажешь.

— Как?

— Так же, как в тот раз. Когда обещал, что не скажешь, что папа со мной сделал. Эта тоже очень большая тайна.

Я вспомнил слова, что произнес той ночью.

— Клянусь Тем, Кто Выше Всех.

— Молодец, хороший мальчик. Теперь мы точно сможем отсюда выбраться.

— Но мама сказала, что мы не можем находиться в другом месте. И никто не должен знать, что мы здесь.

— Еще одна их ложь. Главное — выбраться отсюда. Сообщить, что здесь маленький ребенок. За ним непременно придут. И мы тоже сможем уйти из подвала.

— Но я не хочу навсегда расставаться со всеми…

— Они будут жить здесь, раз подвал им так нравится.

— А они смогут тут остаться, если люди о них узнают?

— Конечно, смогут. — Сестра улыбнулась, но, кажется, не совсем искренне. — Так ты хочешь узнать, где выход, или нет?

— Его нет. Дверь в кухне заперта. А на окнах решетки.

— В подвале есть много того, о чем ты не знаешь. — Сестра хитро улыбнулась и замолчала, будто ожидая, когда я потеряю терпение.

— Что?

— Например, что здесь есть еще одна дверь.

В наступившей тишине я слышал лишь, как трутся о подушку мои волосы.

— Еще одна дверь? — прошептал я.

— Еще одна дверь. Но я скажу, где она находится, только если буду уверена, что тебе можно доверять.

Я молчал.

— А как мне это доказать?

— Обещай, что будешь меня слушаться, — сказала сестра и улыбнулась довольно и загадочно.

30

Сестра вышла к завтраку последней. На ней была маска, словно вчера ничего не случилось. Она покосилась на меня и подмигнула, напоминая о соглашении прошлой ночи.

Стоило ей подойти к столу, отец прикрыл лицо рукой и закашлялся.

— Что за запах? — сказал он. — Иди прими душ. Быстро.

Запах представлял собой неприятную смесь давно немытого тела, свежего пота и чего-то химического, все усугублявшего. Видимо, это был запах яда.

Сестра отодвинула стул.

— Я приму ванну после зав…

Бабушка толкнула стул, он покачнулся и ударился спинкой о стол. Ложки в чашках зазвенели.

— Отправляйся в ванну, — грозно произнесла она.

— Без завтрака? — спросила сестра, вцепив-

шись в спинку стула. — Мне станет плохо.

Она попыталась поставить стул, как ей было нужно, но лишь немного сдвинула его с места.

Брат истерично загоготал, как осел. Я посмотрел на этого предателя, пугавшего меня Человеком-сверчком.

— В ванную, — повторила бабушка.

Глаза в прорезях маски оглядели присутствующих и остановились на маме, прижимавшей к себе малыша. Она нашла в своей комнате детскую бутылочку и кормила его разведенным водой молоком из пакета, тем, что пили мы.

Ей с трудом удавалось заставить малыша пить, но вскоре он уже сосал его с удовольствием.

— Понятно, я здесь больше не нужна, — сказала сестра и перевела взгляд на меня. Я вспомнил наш ночной разговор.

Она отпустила спинку стула, быстрым движением схватила со стола два тоста, второй рукой вырвала у меня стакан молока и выбежала в коридор прежде, чем папа успел отреагировать.

Он так и остался стоять, приподнявшись над стулом с зажатой в кулаке салфеткой, похожей на клочок ткани ночной сорочки, которую порвал вчера ночью.

Хлопнула дверь ванной. Ложки в чашках опять

звякнули.

— Будто ей до сих пор восемнадцать, — вздохнула мама, потом встала и принесла мне стакан.

— Мама приготовила тебе яйца, — сказала мне бабушка. — Как ты и хотел.

— На этот раз вареные, — добавила мама.

Яйцо покатилось по тарелке. Я посмотрел на племянника, который пил молоко не его матери. Сосал резиновую соску. Личико малыша было недовольным, на нем отразились все внутренние страдания. Я представил себе его будущее. Как он будет учиться ходить в подвале. Потом, как и я, размышлять, откуда взялся этот лучик солнца. Задавать вопросы, на которые не ответят родители. Представлять, как выглядит обожженное лицо его матери под маской. Сжимать решетки на окне, тянуться вперед, чтобы вдохнуть воздух, который покажется ему особенным. И он будет мечтать выбраться отсюда.

Мне обязательно надо узнать, где находится вторая дверь. Можно расспросить сестру, пока она одна в ванной.

Я принялся быстро очищать яйцо. Потом второпях прожевал его и налил молоко в стакан. И выпил почти залпом.

— К чему такая спешка? — спросила мама и

ущипнула меня за щеку.

— Ты не хочешь поговорить о том, что произошло ночью? — спросила бабуля. — У тебя нет вопросов?

Я покачал головой. Их ответам больше нельзя верить.

Отставив пустой стакан, я повернулся к маме. Она вытерла большим пальцем мои губы, стирая следы молока, и улыбнулась.

— Можно я пойду к себе?

— Куда ты так спешишь?

— Надо освободить место для вещей сестры, — выпалил я. — Ведь она теперь будет жить со мной, так?

Мама разрешила мне идти. Почти у самой арки меня остановил отец:

— Разве ты не должен сегодня кататься на велосипеде?

И он был прав. Это был один из тех трех дней, когда наступала моя очередь. Плечи мои поникли, я повернулся к велосипеду.

— Надо увеличить нагрузку, — сказал отец. — Физические упражнения очень полезны.

Я устроился на сиденье и стал энергично крутить педали, надеясь закончить прежде, чем сестра выйдет из ванной. Непонятно, почему

мне казалось, что, если двигать ногами быстрее, время пролетит незаметно. Я считал, сколько раз педаль коснется рамы. Дойдя до тысячи, спрыгнул на пол.

— Уже? — удивился отец. Он по-прежнему сидел за столом, допивая четвертую или пятую чашку кофе.

Мама мыла посуду. Бабушка тоже сидела за столом, устремив невидящий взгляд в стену. Я услышал тихий стон, вырвавшийся из ее горла, слетевшее с губ бессвязное бормотание, вызванное, видимо, мрачными мыслями.

Ребенок лежал у нее на коленях.

— Я прокрутил тысячу раз!

— Точно?

— Я ехал… — задыхаясь, произнес я, — быстрее, чем обычно.

Отец посмотрел с сомнением.

— А если я скажу тебе, что нужно сделать еще тысячу?

Я молчал.

— Оставь мальчика, — вмешалась бабушка.

Я поспешил выбежать в коридор, пока отец не принял окончательное решение, а оттуда направился в ванную.

— Где вторая дверь? — с ходу спросил я сестру.

— Открой глаза, — сказала она. — Ты забыл, больше не надо их закрывать?

Я закрыл их по привычке. Мне понадобится время, чтобы привыкнуть к новшествам. Нелегко отказаться от того, к чему привык за годы.

— Открывай, — повторила она.

Я медленно подчинился. Маска лежала на раковине. Сама сестра сидела в трусах и бюстгальтере на краю ванны, из которой сливалась вода. Я обошел кучку одежды на полу.

— Ты уверен? — спросила сестра. — Ты хочешь знать, как выйти отсюда?

Я сел напротив нее на закрытый крышкой унитаз.

— Если я выйду, то смогу иногда приходить, чтобы навестить маму?

— Кончено, сможешь.

— Значит, люди придут, чтобы забрать тебя, меня и ребенка, а остальные останутся в подвале?

Сестра кивнула и отвела взгляд.

— Тогда да, — сказал я. Ведь снаружи я увижу гораздо больше светлячков, чем в подвале. И цыпленка. У меня будет шанс найти живую Actias luna. Я обязательно вернусь сюда, чтобы показать эту бабочку маме. — Скажи мне, где еще одна дверь?

Сестра слезла с края ванны и опустилась передо мной на колени.

— В шкафу. — Она прошептала это прямо мне в ухо, оглядела лицо, стараясь понять реакцию, и скривилась:

— Что такое?

Я скрестил руки на груди. Ответ на ее вопрос казался мне очевидным.

— Что? — повторила сестра.

— Я читал книги, меня не так просто надуть.

— Что? — не поняла сестра.

Я молча смотрел ей прямо в глаза.

Она чуть отстранилась и пожала плечами.

— Нарния, — объяснил я. — В шкафу вход в Нарнию.

Сестра открыла рот, потом закрыла, кашлянула и произнесла:

— Как же ты вырос таким умным в этом подвале?

— Я все знаю, — сказал я и попытался встать, но сестра сжала мои ноги коленями, как уховертка парой клешней, что расположены на конце ее тела.

— Если хочешь отсюда выбраться, пора начать мне верить. — Она выдохнула мне в лицо. От нее пахло молоком. — В любом случае выход из

подвала в шкафу в спальне родителей.

Я обдумывал услышанное. В комнате мамы и папы я никогда не был больше двух минут. Только в тот день, когда я забежал к маме, чтобы рассказать о цыпленке, я задержался чуть дольше.

— Почему же ты не ушла, если знаешь, где выход?

— Первые несколько лет я только об этом и думала, много раз пыталась. Пойми, ты ничего не знаешь о том, что на самом деле происходит в подвале. Этим людям доставляет удовольствие меня мучить.

— Этим людям?

— Твоим родителям. И бабушке. Она не лучше их, хотя кажется хорошей.

Клешни сильнее сжали мои ноги, когда я опять попытался встать.

— Они не подозревают, что ты хочешь уйти. — Сестра заговорила быстрее. — Этим надо воспользоваться. — Она посмотрела на меня с прищуром. — Ты ведь никому не рассказал о нашем разговоре?

Я замотал головой.

— Я ведь поклялся Тем, Кто Выше Всех.

В кухне заплакал ребенок. По коридору за-

шаркал тапочками отец. Если он зайдет в мою комнату, то может найти банку со светлячками в ящике. Мне стало страшно. Однако тапки остановились у двери в ванную. Отец замер, прислушиваясь.

Сестра схватила маску с умывальника.

— Я здесь, — объявила она и несколько раз ударила по воде в ванне, чтобы был слышен плеск.

— А твой брат? — спросил из-за двери отец.

Он потряс дверь за ручку. Сестра сделала требовательный жест рукой.

— Я в туалете, все в порядке! — выкрикнул я.

Шаги удалились в сторону спальни родителей. Сестра с облегчением выдохнула и присела напротив меня. Маску она так и не сняла. Ей тоже было непросто отказаться от старой привычки.

— Через шкаф можно попасть наверх? — спросил я.

— Не совсем. Сначала надо пройти по тоннелю.

Я вспомнил мамин рассказ о земной коре. Она тогда нарисовала стрелку, указывающую на бело-голубую поверхность.

— Но мама говорила, что мы живем на поверхности Земли. На ее бело-голубой части.

Сестра сдвинула маску в сторону.

— А я думала, ты умный… В окне ты видел что-нибудь голубое? Или белое?

Я видел лишь темноту и бетон. Коробка в коробке.

— Нет, — признал я.

— Твоя мать постоянно тебе врет.

— А как я попаду в тоннель?

— В тоннель попасть не сложно. Труднее открыть дверь в конце него.

— Что?

— Не что, а как, — сказала сестра. — Вопрос: как?

Она перевела взгляд на пол и пробормотала что-то непонятное. Я разобрал лишь несколько цифр. Потом она произнесла и вовсе странное:

— Иди пересчитай картофелины в кухне.

Я молчал и хлопал глазами, ничего не понимая.

— Иди же, давай. И скажешь мне, сколько осталось.

Она шлепнула меня по ноге. Потом еще раз. Я поднялся лишь после четвертого удара. Глядя на сестру, я подошел к двери ванной. Задел стоявший на полу стакан из-под молока. Взялся за ручку.

В кухне была только мама. Бабушка сидела и

смотрела в стену. Я подошел к шкафу, где хранился картофель.

— Решил еще раз попробовать? — спросила мама, видя, как я открываю дверцу. Она говорила об опыте из книги «Как стать мальчиком-шпионом», который объяснял, как получить электричество, соединив три картофелины. Я уже пытался повторить эксперимент, но доступные мне в подвале вещи очень отличались от тех, что использовались в книге. На картинке благодаря картофелинам светилась крошечная лампочка, размером с фасоль. Я же использовал для опыта лампочку, висевшую в комнате над столом. Мама взяла тряпку и вывернула ее. Когда я соединил ее с картофелинами, не мелькнула даже искра. Эксперимент не удался. Из картофеля мама приготовила пюре.

— Сколько тебе надо на этот раз? — спросила она, отложила тарелку, которую мыла, и присела рядом, чтобы вытащить пакет с картофелем. — Скажешь, когда тебе понадобится лампочка. Тебе нельзя к ней прикасаться.

— Сколько их всего? — спросил я.

— Откуда мне знать. Много, ты же видишь. — Мама заглянула внутрь шкафа и сунула руку в пакет. — Трех достаточно? — Мама положила

картофелины мне в руку и велела убрать ее под футболку. — Только не показывай папе. — Она потянула ткань, поправляя. — Беги, пока он в своей спальне.

Я побежал в ванную.

— Сколько? — сразу спросила сестра.

— Очень много, — ответил я. — Целый мешок.

Сестра досадливо цокнула языком.

— Так и знала. — Она опять уставилась в пол и принялась шевелить ступней, то опуская пятку, то упираясь в плитку большим пальцем.

— Что мне делать? — не выдержал я.

— Дай подумать.

Я несколько секунд слушал, как хрустят ее суставы, потом убрал картофель, который был совершенно мне не нужен, под футболку. Землистый бок уперся в живот.

Внезапно хруст прекратился, сестра сняла маску и посмотрела на меня очень серьезно.

— Надо ждать, когда придет Человек-сверчок.

От неожиданности я выронил все три картофелины на пол.

31

Мы переместились из ванной в спальню прежде, чем папа вышел из своей комнаты. По-преж-

нему в одном белье, сестра ходила взад-вперед, сжимая в руке картофель, не зная, куда его положить. Затем открыла ящик в тумбе у кровати.

— Убери его, — велела она, указывая на кактус.

Я взял горшок. На его место сестра бросила картофелины.

— Может, не будем ждать Человека-сверчка? — заныл я. Мне совсем не нравилось предложение сестры. — Не хочу, чтобы он меня унес.

— Если будешь меня слушаться, он не поймает тебя и не посадит в свою тачку.

— Какую тачку?

Сестра молча посмотрела на меня.

— В мешок, — произнесла она. — Конечно, в мешок. Иди сюда. — Она потянула меня за край футболки к полке с книгами. Когда она отпустила ткань, та быстро приняла прежнюю форму.

— Возьми любую, — сказала она, взяла одну за корешок, потом села, скрестив ноги, и положила книгу на колени. — Давай же, бери.

Я пробежал глазами названия, размышляя, какую бы мне хотелось почитать. Сестра опять потянула меня за футболку, заставляя сесть рядом.

— Сделай вид, что читаешь, — велела она.

В руках у меня был «Удивительный волшебник из страны Оз», открывшийся произвольно на

странице двадцать один.

— Ты видел Человека-сверчка? — шепотом спросила сестра.

— Да, видел. В кухне, — пылко произнес я, мечтая, чтобы хотя бы кто-то мне поверил. — Человек-сверчок существует.

— Конечно, существует. Я тебе верю.

Я был готов поручиться, что сестра ответила не задумываясь, она меня совсем не слушала.

— Ты мне веришь? — на всякий случай повторил я вопрос.

— Конечно, верю.

— А по словам мамы, его нет.

Сестра вздохнула.

— Ты помнишь, что я говорила тебе о маме?

Отвечать мне не хотелось, поэтому я просто отвернулся, но сестра взялась за мой подбородок и заставила посмотреть ей в глаза.

— Так что я тебе говорила?

— Она меня обманывает.

— Верно. — Губы под маской сжались. — Раз ты видел Человека-сверчка, значит, он сюда приходит, так?

Я кивнул.

— А прийти он может только через одну дверь.

— Та, что в кухне, заперта, он не…

— Я говорю о двери, которая открывается, — перебила сестра. — А какая дверь открывается?

Я молчал.

— Какая?

— В шкафу в комнате папы, — вздохнул я.

— Значит…

Она повысила голос, ожидая, что я закончу фразу. Так она делала, когда задавала мне задачки на умножение и ждала, пока я подсчитаю в уме и выдам результат. С примерами получалось быстро, сейчас же я не представлял, как закончить предложение.

— Значит, он вошел в подвал через дверь в спальне твоих родителей, — закончила за меня сестра.

Мне стало жутко от мысли, что Человек-сверчок появлялся из комнаты мамы и папы. Царапал потолок антеннами. Проходил мимо их кровати, а ноги его касались коленями одна другой. Я потер ладони о бедра.

— Я не хочу ждать Человека-сверчка. — Получилось очень громко, я даже сам удивился. — Мне страшно.

— Погоди, я не закончила.

Глаза ее забегали в прорезях маски.

— Ты не могла бы ее снять? — попросил я. — Не

хочу тебя больше в ней видеть.

Сестра помедлила, потом подняла маску на лоб. Она стала похожа на ее второе лицо, обращенное к Тому, Кто Выше Всех. Вид нормального лица и гладкой кожи меня успокоил. Я почти перестал нервничать.

— Если кто-то выйдет в коридор, я сразу ее надену, — предупредила сестра.

— Ладно.

— Так вот, — продолжала она, — чтобы попасть в спальню родителей, человеку надо пройти по тоннелю. Значит…

— Нет, все не правильно.

— Почему?

— Человек-сверчок живет под землей. И никогда не выходит на поверхность.

— Как это — не выходит на поверхность? Чем же он питается?

— Детьми.

— Но он должен еще и дышать. Об этом ты не думал?

Я не нашелся что ответить, не мог вспомнить, что написано в книге о том, как дышат сверчки. Например, гусеницы дышат кожей.

— Послушай меня, — заговорила сестра. — Человек-сверчок приходит в подвал через тоннель

в земле, значит, он открывает люк наверху. Но мы не знаем как. Он открыт только до тех пор, пока Человек-сверчок здесь.

Я сгорбился и произнес тихим шепотом:

— Еще одна дверь?

Сестра улыбнулась:

— Я говорила тебе, ты очень многого не знаешь. Открыть ее сложнее всего. Поэтому нам надо дождаться Человека-сверчка. Только он может ее открыть.

Я оттолкнулся ногами и придвинулся ближе к сестре.

— Вдруг он больше не придет? Если я буду вести себя хорошо, ему не надо приходить. Он ест только плохих мальчиков.

Сестра выпрямилась и вздохнула. Затем прижала палец к губам и задумалась. Через несколько секунд она опять склонилась ко мне.

— Он обязательно придет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты до сих пор хранишь в ящике банку.

Я низко опустил голову. Сестра права, я плохо поступил, и Человек-сверчок будет искать меня, пока не найдет. От ужаса по телу побежали мурашки. Сестра, видимо, почувствовала это и

обняла меня. Книги на наших коленях ударились друг о друга, как тектонические плиты, о которых рассказывала мама. Грудь сестры прижалась к моему плечу.

— Не бойся, — зашептала она в ухо. — Мы подготовимся к его приходу. Он тебя не поймает.

И я открыл ей свою тайну.

— Когда он приходил последний раз, я прятался в общей комнате. Он едва не поймал меня, я даже описался от страха.

Сестра вздрогнула, будто от удара, и сжала мою руку.

— Что? — не понял я.

— Ты описался? — Она поджала губы, сдерживая смех, потом ткнула в меня пальцем и захохотала.

Сначала я разозлился, но сестра смеялась так заразительно, что я не выдержал и тоже захохотал. Ее реакция меня успокоила, стало ясно, что в том, что случилось, нет ничего страшного и стыдиться мне нечего. Сестра запрокинула голову и прижала руки к животу.

— Намочил штанишки? — Последний заливистый звук стих на мгновение. — Псссс… — процедила сестра сквозь зубы и опять громко рассмеялась. Получилось очень комично. Я стал

хохотать и уже не мог остановиться.

Задыхаясь, сестра сделала мне знак не шуметь, и мы зажали рот руками. Несколько раз глубоко вздохнув, мы наконец успокоились. Сестра взяла упавшие на пол книги и опять положила перед нами. Пальцами поправила волосы и посмотрела на дверь спальни — не идет ли кто.

— Не надо бояться, — сказала она мне. — Человек-сверчок тебя не найдет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты спрячешься в папином шкафу.

Веселое настроение исчезло, будто всего минуту назад мы и не смялись. Панцирь из спокойствия треснул и выпустил черный туман страха. Он стал превращаться в бражника мертвая голова, раскинувшего передо мной крылья, демонстрируя рисунок на теле, похожий на человеческий череп.

Я замотал головой и попытался встать. Не было желания выслушивать доводы сестры, какими бы они ни были. Она схватила меня за край футболки, сжав пальцами ткань в том же месте, что и раньше.

— Ты спрячешься в шкафу до того, как придет Человек-сверчок, — быстро произнесла она. — А

потом убежишь через тоннель, он тебя не заметит. Там есть лестница наверх. Ты выберешься и пойдешь на огни. Найдешь людей и скажешь, что хочешь спасти своего племянника. Потом приведешь их сюда. — На последнем слове она поперхнулась, глаза заблестели. — В подвал. — Уголок рта дрогнул, будто она хотела улыбнуться, но по какой-то причине сохранила серьезное выражение.

— А что там, наверху?

Сестра поджала губы и несколько раз моргнула, быстрее обычного.

— Сам увидишь, — сказала она.

Я представил, как высовываю голову на поверхность, чтобы разглядеть мир над подвалом, и тоже становлюсь для всех видимым. Выхожу из недр земли, высоко подняв руку с банкой светлячков, которые будут освещать мне путь. Потом стучу по крышке банки, чтобы они начали подавать сигнал СОС, как я их учил. Три коротких, три длинных и опять три коротких. У них почти всегда получалось верно. Раздумывая о возможности выйти наружу, я кое-что вспомнил. Вернее, кое о ком. От этого в животе неприятно забурлило. Слова слетели с языка быстрее, чем мне того хотелось.

— Мой цыпленок! — воскликнул я и зажал рот ладонями. Как я мог так просто выболтать такой важный секрет? Широко распахнув глаза, я следил за реакцией сестры.

— Цыпленок?

Я молчал. Глазам стало больно от долгого напряжения.

— Бедняжка. Ты же ничего не понимаешь. — Она несколько секунд смотрела на меня с сожалением, потом оторвала мои руки и обхватила своими ладонями. — Цыпленок… — начала она.

— Я не хотел сказать «цыпленок», — перебил я, решив все же скрыть его существование, пусть и с опозданием.

— Я поняла, о каком цыпленке ты говоришь.

Моя голова упала на грудь.

— Забыл, что я тоже была в ту ночь в спальне?

Я вспомнил, как сестра протянула руку и быстро надела маску, когда вошел папа, чтобы отругать меня за появление в их с мамой спальне, и кивнул.

— Я слышала все, что сказала тебе бабушка.

От ее слов я окончательно смутился.

— Бедный мальчик, посмотри на свое лицо. — Сестра провела рукой по моей щеке. — Конечно, тебе тяжело. Столько всего сразу открылось.

В носу защипало, горло сдавило, глазам стало больно. Подбородок задрожал, стоило подумать о том, что история с цыпленком тоже была обманом.

— Мой цыпленок… — Я не знал, что еще сказать.

— Опять обман, — закончила сестра. — Я говорила тебе, бабушка только кажется хорошей. На самом деле она не такая.

— Но я же его видел, — пролепетал я. — Такой желтенький, пушистый. Он чирикал. — Я с таким волнением наблюдал рождение птенца в бабушкиной спальне. — Бабушка положила его сюда. — Я ткнул пальцем себе в плечо. — И он клевал ее волосы. Затем она отдала его мне.

— А что было потом?

— Пришел папа. Был очень зол, потому что я заходил к нему в комнату. — Тот день я отлично помнил. — Я спрятал цыпленка за спиной, в руках. Папа велел показать, что у меня в руках, а цыпленок… цыпленок… — Мне пришлось несколько раз схватить воздух ртом, чтобы не расплакаться. Я исподлобья посмотрел на сестру.

— Цыпленок исчез, — заключила она. — Конечно, потому, что его и не было. Никогда не было. Бабушка тебе соврала. Из неоплодотворенного

яйца никто не вылупится.

— Но я же его видел…

— Желтого? И он стоял у бабушки на плече? Рылся клювом в волосах? — С каждым новым вопросом она говорила все громче. — Ты понятия не имеешь, как на свет появляются цыплята.

Да, я никогда этого не видел. Даже на фотографии в книжке. Поэтому покачал головой.

— Они мокрые, не держатся на ногах, ничего не видят. Помнишь, каким родился твой племянник? — спросила она. — Птенцы выглядят почти так же. Бабушка положила яйцо под подушку, забыла о нем и раздавила, когда легла.

Я вспомнил, как бабуля просила меня закрыть глаза перед тем, как должен был вылупиться цыпленок. Она сказала, что он не вылупится, если кто-то смотрит. Потом простыня бабушки была мокрой и липкой, как пол, когда папа раздавил яйцо.

Я вспомнил о скорлупке, которую хранил с тех самых пор в гнезде из моей футболки.

— Нет, я не хочу… — прошептал я сестре. — Нет…

Она обняла меня и стала гладить по голове. Я лег ей на колени.

— Не плачь, — сказала сестра. — Скоро все из-

менится.

Тем же вечером я ждал бабушку после ужина в ее комнате. Я смотрел на малыша, положив голову на край его кроватки. Открылась дверь. Бабушка прошла сразу к кровати, не заметив меня.

— Здесь я.

Она повернулась на голос и прижала руку к груди.

— Не пугай меня так больше, — сказала она. — А то я решу, что твой отец был прав и ты действительно маленькое привидение.

— Не говори так, — обиженно прошептал я.

— Хочешь поговорить о том, что произошло прошлой ночью?

Я покачал головой.

— Хочешь?

— Нет.

Бабушка опустилась на край кровати, сняла с шеи четки и начала перебирать бусинки. Я подошел и встал напротив нее. Вдохнул запах пудры. Наклонился, чтобы поцеловать в щеку, но передумал и выпрямился.

— Мой цыпленок еще жив? — Я сразу перешел к делу.

Бабушка пробормотала несколько слов молитвы и замолчала. Палец ее задержался на бусинке,

чтобы не забыть, где остановилась.

— Цыпленок? Который здесь вылупился?

— Из яйца, которое дала мама.

Брови бабули несколько раз странно изогнулись, прежде чем она ответила.

— Конечно, жив. Слышишь, как он радостно щебечет?

Сестра говорила правду. Бабушка тоже меня обманывает. Она вытянула руку, чтобы прижать меня к себе, но поймала лишь воздух.

— Где ты? — удивленно спросила бабуля.

Я сделал еще шаг назад и сказал:

— Спокойной ночи.

Она вскинула брови и открыла рот, но в этот момент ручка входной двери ударилась о стену, пол задрожал, как всегда перед появлением моего брата.

Он прошел к своей кровати, высоко поднимая колени, потом стал насвистывать любимую мелодию, и мы поняли, в каком он состоянии.

— Ну-ка, Страшила, быстро в постель! — прикрикнула на него бабушка.

Брат перестал маршировать, но засвистел еще громче. Слюна из его рта летела в разные стороны. Бабушка подождала, когда скрипнут пружины кровати, и продолжила читать молитву.

Я подошел к колыбельке малыша и склонил голову. Ребенок крепко спал, будто не слышал свист того, кто считал себя Страшилой, и бабушкину молитву. Я положил голову на ладони.

— Я заберу тебя отсюда, — прошептал я. — Им не обмануть тебя, как меня.

Малыш проворковал что-то, шевеля губками.

У двери я повернулся и опять пожелал бабуле спокойной ночи.

— Ты меня не поцелуешь? — спросила она, прерывая молитву.

— Спокойной ночи, бабушка, — повторил я и вышел, плотно закрыв дверь.

32

Шли дни, и картофелин в мешке оставалось все меньше. Стали заканчиваться рис, молоко, яйца. Мама закручивала тюбик зубной пасты шпилькой, чтобы выдавить все до последней капли.

Сестра сказала мне, что это хорошо, скоро настанет время выполнить наш план. Я не знал, хочу ли я, чтобы тот день скорее настал. Мне было страшно прятаться в шкафу, куда может прийти Человек-сверчок. Вечерами сестра ложилась на спину на своей койке и повторяла, по какой причине мне необходимо выбраться из подвала.

Маску она не надевала, но всегда держала рядом, на матрасе, на тот случай, если мама или бабушка внезапно войдут.

Так и произошло однажды вечером, когда мама подошла очень тихо и открыла дверь без предупреждения. В темноте она прошла к кровати.

— Ты всегда теперь будешь спать наверху?

— Сестре здесь не нравится.

Она лежала совсем рядом, прямо подо мной, но не издала ни звука. Мама потрепала мои волосы.

— Сынок, почему последнее время ты такой тихий? Тебя кто-то обидел?

Сестра внизу кашлянула, но мне показалось, что с горлом у нее все в порядке.

— Ты о чем-то думаешь?

— Нет, мама. Все хорошо. — Это была неправда.

— Точно?

Я подтвердил, что все нормально, и еще кивнул.

— Ты можешь мне все рассказать. — Мама опять потрепала меня по голове и поцеловала. — Все-все. — Грубая кожа вокруг ее губ царапнула мне лоб. — Даже если думаешь, что не можешь, — шепотом добавила она, прежде чем отстраниться.

Сестра растянула резинку на маске, будто хо-

тела напомнить мне о том, что родители меня всегда обманывали.

— Все хорошо, мама, — повторил я.

Она вздохнула.

— Ладно. — И опять поцеловала меня. В щеку.

Когда мама стояла уже в дверях, сестра подала голос:

— А меня не поцелуешь?

Мама вышла и закрыла за собой дверь, не ответив. Сестра рассмеялась ей в спину.

Однажды поздно вечером, когда сестра проговаривала все детали нашего плана, я вспомнил, что оставил кактус в общей комнате. Весь день мы с ним провели на полу, я подталкивал его пальцем, чтобы он всегда оставался в свете луча. Я смотрел, как кружатся вокруг него пылинки, и мечтал, что солнце будет освещать и меня уже очень скоро.

— Куда ты? — спросила сестра, увидев, что я слезаю с верхней койки.

— За кактусом. Он в общей комнате.

— Ладно, иди. Но не болтай там ни с кем долго.

Я вышел в коридор и направился в комнату, которая, как и всегда вечером, была ярко освещена мерцанием телевизионного экрана. Я обратил внимание, что свет падает равномерно, не мига-

ет, видимо, кто-то нажал на паузу.

— …уйти, потому что он хочет, — услышал я голос мамы. Она говорила, почти не дыша. — План нашего папы не сработал. Мы будем вынуждены все ему рассказать. Мы ведь предполагали…

— Тихо, — прервала ее бабушка. — Я что-то слышу.

Под моими ногами скрипнул пол.

— Что ты здесь делаешь? — Мама повернулась ко мне.

— Я только вошел. За кактусом.

Взгляд мамы скользнул по комнате.

— Заберешь завтра. Мы с бабушкой обсуждаем… фильм, который смотрели.

Мама никогда не была большой любительницей кино. Она смотрела его краем глаза, занимаясь делами в кухне или кусая ногти, прислонившись к столешнице.

— Тебе пора быть в постели, — добавила она. — Иди, пока отец не вернулся.

В ванной полилась вода из бачка. Мне надо было спешить, если я хотел спать сегодня рядом с кактусом. Папа включил воду, чтобы вымыть руки. Я бросился вперед, не обращая внимания на предупреждающие знаки мамы. Проскочил у нее под рукой.

Шум воды прекратился. Мама решила мне помочь. Мы увидели кактус одновременно, но я оказался возле него первым. Мама схватила меня сзади за плечо, рука дернулась, керамический горшочек выскользнул из моих пальцев и полетел вниз.

Он упал на пол в самом центре общей комнаты и разбился.

— Только не это! — выкрикнула бабушка, услышав, что произошло. Она сидела на диване.

— Сынок, — прошептала мама. — Я не хотела…

В свете телевизора было хорошо видно, что крупицы земли разлетелись в стороны. Два шарика с шипами откатились к входу в комнату. Скрипнули петли двери ванной. Зашаркали тапки — папа шел к нам. Он заговорил еще из коридора, но замолчал на полуслове, когда вошел в комнату. Под ногой его что-то скрипнуло и хрустнуло, похожий звук я слышал, когда мама прокалывала вилкой апельсин и выдавливала сок.

Бабушка вскрикнула и прижала ладони ко рту. Мама вжала голову в плечи.

И тут папа громко закричал. Так, словно ему было невыносимо больно. Подошвы его вытертых тапок были плохой защитой от иголок моего кактуса. Он прислонился к углу у входа, именно

там я прятался от Человека-сверчка, согнул ногу в колене, чтобы посмотреть на ступню. Потом он оглядел комнату, увидел меня и маму у стола, и лицо его стало грозным.

— Надеюсь, это не то, о чем я подумал, — сказал отец.

Мы с мамой не отрывали глаз от моего раздавленного кактуса. То, что раньше было прекрасным растением в форме шара, превратилось в бесформенную кучку грязи, перемешанную с землей и кусочками разбитого горшка.

— Что это? — спросил папа уже громче.

Он оттолкнулся от угла, наступил на ногу и еще раз вскрикнул, заваливаясь на меня. Подпрыгивая на одной ноге, он добрался до дивана. Бабушка подняла руки, чтобы помочь, но он отмахнулся от ее руки снятым носком.

— Это я виновата, — сказала мама.

— Принеси аптечку, — попросил отец и повторил, видя, что мама хочет еще что-то сказать: — Принеси аптечку, пожалуйста. С мальчиком потом поговорим.

Мама подтолкнула меня к коридору. Проходя мимо погибшего кактуса, я остановился. Она присела рядом, но не сводила взгляд с папы. Подхватив пальцами растение за один из шипов,

мама подняла его, чтобы оценить, насколько сильно оно пострадало. Кактус развалился пополам, на поверхности со сломанными колючками зияла большая рана. Из нее вытекала жидкость, капли ловили свет от экрана и падали на пол.

— Прости, — прошептала мама. Шип оторвался, и растение упало на пол.

Я отвел взгляд, когда мама попыталась заглянуть мне в глаза, и повернулся к сидящей на диване бабушке. Мне вспомнились слова, которые она произнесла, когда кактус появился в подвале: «Пока кактус жив, с нами все будет хорошо».

Я подхватил кусочек горшка и бросился к себе в комнату.

— Все образуется, — сказал папа.

— Ничего не образуется, — ответила мама.

Прежде чем войти в комнату, я закрыл глаза. Не потому, что привык за многие годы, боясь увидеть лицо сестры, а чтобы не расплакаться. Я сел на пол и прислонился спиной к двери.

— Что они опять тебе сказали? — поинтересовалась сестра.

Я показал ей керамический осколок.

— Не может быть. Твой кактус?

Я ответил не сразу, лишь когда смог опять го-

ворить.

— Я не хочу ждать появления Человека-сверчка.

Пружины на кровати сестры скрипнули. Я открыл глаза. Она лежала на животе, упираясь локтями в матрас и положив на ладони голову. И улыбалась.

— Он придет очень скоро, — сказала сестра, потом вспомнила, что лицо ее закрывает маска, подняла ее и повторила: — Очень скоро.

Я подошел к тумбочке у кровати, выдвинул ящик. Светлячки порхали внутри банки. Я достал из гнезда кусок скорлупки яйца, из которого никогда не вылуплялся цыпленок, и положил рядом с осколком на тумбу. Это были две самые важные потери в жизни. Внутри меня что-то изменилось, будто лопнуло.

Я забрался наверх и лег.

— Почему ты так уверена, что он придет?

— Знаю, и все.

Она оказалась права.

Человек-сверчок появился в подвале через пять квадратов на календаре.

33

Ночью сестра разбудила меня, прошептав в ухо:

— Он идет.

Спросонок я не сразу ее понял. Сестра вцепилась в раму и стала трясти.

— Человек-сверчок идет.

Я сразу открыл глаза. От страха меня затошнило. Я прижал к себе подушку, стал вслушиваться и ждать, когда раздадутся его шаги. Или бухнет, опускаясь на пол, его мешок.

— Ты уверена? Я ничего не слышу, — через несколько минут сказал я сестре.

— Сегодня та ночь, которую мы ждали.

— Но я ничего не слышу. — Я потянул простыню к подбородку.

— Ты все еще мне не веришь? — Сестра скрестила руки и села на своей кровати. — Что ж, тогда придется все отменить. Две недели подготовки впустую. Оставайся в подвале навсегда. А я расскажу Человеку-сверчку, что ты здесь. Только вот дождусь, когда он появится.

Сестра говорила уверенно, потом что-то пробормотала о том, как разочаровалась во мне, и замолчала. Я воспользовался тишиной и навост-

рил уши, надеясь вскоре услышать один из тех звуков, которые свидетельствуют о приближении Человека-сверчка.

Ничего. Только капала вода в бачке унитаза.

Затем в комнате раздался треск. Стена справа дрогнула, а потом и простыня в моих руках.

— Человек-сверчок, — прошептал я.

Лицо сестры сразу появилось над моим матрасом.

— Видишь? Ты должен успокоиться, — сказала сестра и принялась разгибать мои пальцы, вытягивая простыню. — Иначе тебе не удастся проскочить мимо него незамеченным.

Она имела в виду тот момент, когда Человек-сверчок выйдет из шкафа в комнате родителей, он может даже задеть меня, потому что мне придется спрятаться среди висевшей там одежды. Я представил, как трутся друг о друга его колени, когда он двигается, потом стал перебирать в голове все детали плана, который мы так тщательно разрабатывали.

— Пора, — сказала сестра.

Я стал слезать вниз, но на полпути остановился и положил подушку так, чтобы было похоже на спящее тело. Я примял ее, будто сплю на боку, поджав ноги. Закончив, я спрыгнул на пол. Босым

ногам стало холодно.

— А как я буду ходить там, наверху? — спросил я.

Сестра бродила по комнате.

— Обычно, как всегда, — ответила она, не останавливаясь.

— Но я ведь в одних трусах.

Она вздохнула и принялась рыться в комоде, где лежали наши с братом вещи.

— Ничего не вижу, — фыркнула она.

Через несколько секунд она уже присела передо мной на корточки.

— Руки вверх. — Натянула футболку. Ворот сопротивлялся и не сразу пропустил мою голову. — Теперь обувь.

Я взялся за плечо сестры и поднял левую ногу. Она ловко надела тапку.

— Я их никогда не ношу, — возразил я.

— Сейчас это не важно. Главное — выбраться наверх.

— Папе может показаться подозрительным, что я их надел.

Сестра сняла тапку.

— Тогда пойдешь босиком.

— А я смогу обойтись там без обуви?

— Придется. — Сестра встала и опять заходила

по комнате. Она что-то бормотала себе под нос.

Я подошел к тумбочке и открыл ящик. Карандаш в банке ударился о стенку. Вспыхнули зеленые огоньки.

— Что тебе понадобилось в ящике? — нервно спросила сестра.

Свет погас.

— Банка со…

— Ничего тебе не нужно, — перебила она. — Заберешь потом, когда опять придешь сюда. И скорлупку, и кусок горшка. Даже обе эти кровати, а сейчас тебе ничего не нужно.

Я склонился к светлячкам.

— Я обязательно вернусь за вами. Вы тоже должны стать свободными.

Я несколько раз постучал по банке, то быстрее, то медленнее, и они меня поняли. Потому что не ответили.

— Давай, уже пора, — поторопила меня сестра и надела маску. Резинки щелкнули. Теперь ее голос звучал по-другому. — И возьми книгу.

Я даже в темноте смог найти ее на нижней полке. Сестра стояла на коленях у двери. Я подошел и наступил на кусок ткани.

— Ты в одежде?

— Надела юбку, — ответила сестра.

— Какую?

— Ты никогда ее не видел. Я не надевала ее до сегодняшнего дня. Она коричневая.

— А почему сегодня надела?

Сестра не ответила.

— Надо спешить, — прошептала она. — Пока не спустился Человек-сверчок.

Я несколько раз вздохнул так глубоко, что закружилась голова. Перед глазами все поплыло.

Сестра повернулась ко мне и стала повторять то, что я и так помнил:

— Я иду в комнату. Беру ребенка. Кричу. Ты бежишь в конец коридора. Я приношу ребенка в кухню. Отец выходит из спальни, а ты кладешь на порог книгу. — Она говорила громким шепотом, без остановок, так я перечислял латинские названия насекомых бабушке. — Потом идешь в кухню. Говоришь, что пошел спать, а сам прячешься в шкафу. — Она сжала мою руку. — Все ясно?

Я кивнул. Потная ладонь коснулась моей щеки.

— Я включаю свет. — Сестра глубоко вздохнула. — Начинаем. Раз, два, три…

Она ударила по выключателю.

Дверь открылась так резко, что сбила меня с ног. Книга упала на пол. Ослепленный, я увидел

лишь мелькнувший удаляющийся подол темной юбки. Затем сестра открыла дверь в спальню бабушки. Я встал на колени и принялся искать книгу. Она нашлась, когда бабушка что-то выкрикнула. Я вскочил на ноги. Надо быть на месте прежде, чем папа выйдет из комнаты. Я поспешил через коридор к окну с решетками, куда прилетели почти все мои светлячки.

Ребенок заплакал так громко, что у любого, кто его слышал, сразу возникла бы мысль броситься ему на помощь. Опять закричала бабушка. Сестра ответила еще громче. Пол затрясся: проснулся мой брат. Я занял место у двери комнаты отца со стороны, противоположной той, куда они направятся, когда выйдут. Книгу я прижимал к груди.

Из спальни вылетела моя сестра с ребенком на руках.

— Я не могу этого больше выносить! Ненавижу этого ребенка!

Она бросилась в общую комнату и включила свет. Я увидел кружащие у ее ног волны коричневой юбки. Она оказалась старой, даже с дырками в нескольких местах. Бабушка выбежала за ней босиком. Слева пронесся шлейф аромата пудры. Следом появился мой брат. И тогда открылась дверь спальни родителей. Я вжался спиной в

стену.

Сначала вышел отец, за ним мама. Из крана в кухне побежала вода.

— Я утоплю его! — кричала сестра. Звуки ее голоса вырвались из общего гула в комнате и вылетели в коридор.

Я наклонился и подсунул под дверь «Удивительного волшебника из страны Оз». Дверь придавила книгу, щелчка, говорившего о том, что она захлопнулась, не последовало.

Я побежал в общую комнату. Мама, папа и бабушка окружили сестру. В дно раковины била струя воды. Звуки смешивались с душераздирающим криком малыша.

— Я со всем разберусь! — выкрикнул папа и отстранил маму.

Бабушка сама отошла на несколько шагов. Брат наблюдал за всеми со стороны. Сестра согнула локти и опустила ребенка в раковину. Часть воды выплеснулась через край. Подгузник быстро намок. Отец поскользнулся и упал в лужу, ухватив рукой подол юбки сестры. Выругавшись, он попытался встать. Ткань не выдержала, один из швов разошелся. Отцу не удалось подняться, он плюхнулся в воду. Я посмотрел на трусы сестры. С одной стороны ткань сбилась в центр, оставляя

ягодицу голой.

Ребенок икнул и перестал кричать, будто у него закончился воздух. Правда, всего на несколько секунд. Потом он разразился плачем с удвоенной силой.

Я с ужасом наблюдал за происходящим, переживая, что с малышом и впрямь что-то случится, и успокаивал себя лишь тем, что все это игра. Мы с сестрой хотели разоблачить маму и папу, из-за которых наша жизнь была полна лжи.

Я перевел взгляд на дверь в кухне. Вот и самая большая ложь. Они всегда обманывали меня, внушая, что дверь открыта.

Отец попытался встать. Сестра толкнула его ногой, он не удержался и снова рухнул в лужу.

Я подошел к маме и постарался привлечь ее внимание, тронув за плечо.

— Не хочу это видеть, — сказал я, сделав несчастное лицо, как и следовало по плану. — Пойду к себе.

— Да, сынок, иди. — Она подтолкнула меня к выходу.

— Я иду в кровать, — сообщил я.

— Слышу. Иди, иди. Тебе нечего здесь делать.

— Пока, мама.

Она подтолкнула меня рукой в спину, не сводя

глаз с раковины.

Я потянул ее за руку, заставляя повернуться.

— Пока, мама.

Нос ее присвистнул. Меня охватило чувство, не посещавшее с того самого вечера, когда я попытался открыть дверь, — пустоты и потери. Казалось, сейчас я попрощался с мамой навсегда. Потом я вспомнил, что смогу вернуться в подвал после ухода, сестра ведь мне обещала. Моя семья будет жить здесь, когда нас найдут люди. Значит, у меня нет повода для печали. Я попрощался с мамой лишь на время, не навсегда.

Я потянулся и обнял ее.

И тут сестра громко взвизгнула.

— Я больше не могу терпеть!

Я понял смысл: пора переходить к исполнению плана. Я отстранился от мамы и повторил, как условились мы с сестрой:

— Я иду спать.

Папа наконец встал на ноги и закрыл собой сестру. Я побежал в комнату родителей. Книга все еще лежала на полу. И тут я вспомнил о своей банке со светлячками.

— Я не хочу в свою комнату! — кричала в кухне сестра.

Значит, они идут.

Но покинуть подвал без светлячков я не мог. Я всегда считал, что они станут тем светом, который сделает меня видимым для остального мира. Я помчался к себе и дрожащими руками открыл ящик. Подхватив банку, я зажал ее под мышкой.

У двери я услышал, как папа кричит что-то неразборчивое в общей комнате. Я не представлял, где он стоит и может ли видеть оттуда коридор. Вероятно, мама тоже могла куда-то отойти. Или бабушка. Даже брат.

— Я пойду сама! — выкрикнула сестра.

Раздались громкие шаги через всю комнату от кухни туда, где стоял телевизор. Сестре удалось вырваться из рук папы, и она знала, куда его увести. Оттуда невозможно увидеть коридор.

Значит, мне пора.

Я пробежал по коридору, толкнул дверь комнаты родителей, заблокированной моей книжкой, и оказался внутри прежде, чем их голоса зазвучали из коридора с характерным эхом.

— Оставьте меня! — кричала сестра.

— Замолчи, — шепотом сказала ей мама. — Твой брат услышит.

И я слышал. Только не из своей комнаты, как она думала, а из ее. Мамин приказ был исполнен, на некоторое время в подвале стало тихо.

Вскоре тишину нарушили удары сверху. Человек-сверчок.

— Он идет! — завизжала сестра.

Мама на нее прикрикнула.

Я бросился в шкаф, чтобы спрятаться от родителей, хотя скорее от Человека-сверчка. На полпути сомнения заставили меня остановиться. Я не помнил, был ли свет включен, когда входил, или родители включали его ненадолго и быстро выключили. Я огляделся, будто подсказка могла находиться где-то в комнате. Мое внимание привлек прямоугольный предмет на прикроватной тумбочке мамы. Это была фотография, где она позировала у скал. Ее она разглядывала в кухне. Тогда юбка ее насквозь промокла из-за морских волн. Я посмотрел на гладкое лицо, совершенно мне незнакомое. Теперь я испытывал иные чувства, не те, что в первый раз, и почти сразу понял причину: оно было очень похоже на лицо сестры, то, что скрывала маска.

С шумом захлопнулась дверь моей спальни.

Крики сестры стали приглушенными, но я смог уловить скрытый смысл ее разговора с невидимым сообщником.

— Ты опять спишь, будто ничего не происходит?

Сестра произнесла еще несколько слов, но их я не разобрал. Впрочем, это было не важно. Пусть ее слушают мама и папа, ведь именно в этом ее роль — отвлечь родителей, которые должны думать, будто я лежу в своей постели.

Я же стоял посреди их комнаты и размышлял, что делать со светом. На ум пришло одно из правил для мальчика-шпиона: «Действуй быстро». Я принял решение выключить свет и ударил по выключателю.

В коридоре мама обсуждала с папой произошедшее в кухне.

Скоро они войдут сюда.

Я потянул за ручку дверцы шкафа, и банка выскользнула. Она покатилась к выходу, удары карандаша о стенки казались невероятно громкими в тишине.

Я замер и прислушался к голосам снаружи. Сверху раздались удары, от которых я невольно вздрогнул. Едва касаясь пола, я подбежал, взял банку, вернулся и нырнул в шкаф.

К счастью, я успел закрыть дверцы, потому что в комнату вошли родители. И включили свет. Темнота не вызвала у них подозрений, значит, я принял правильное решение.

Влажный воздух раскачивал одежду. Я ощущал

его всей кожей. Теперь ясно, что сестра меня не обманула, это не простой шкаф. Звуки сверху помогли мне понять, как перемещается Человек-сверчок.

— Каждый раз в день его прихода что-то случается, — произнесла мама совсем рядом и вздохнула.

Мне все стало ясно. Мама знала, что Человек-сверчок существует, хотя мне в этом не признавалась.

В темное нутро шкафа, заполненного одеждой, прокрался странный скрип петель незнакомой двери. Земля задрожала под ногами неизвестного существа. Вдали появился свет, полоса его была гораздо длиннее, чем могли позволить размеры обычного шкафа. Яркое пятно подрагивало. Наверное, это масляная лампа, о которой рассказывал отец. И тут я услышал скрип колен Человека-сверчка, повернутых в обратную сторону. Он приближается и скоро схватит меня.

34

Человек-сверчок был так близко к шкафу, что свет его лампы грозил обжечь меня. Я вжал голову в плечи, словно от этого мог стать невидимым, но понял, что ноги мои на полу невозможно не

заметить. На всякий случай я затаил дыхание. От напряжения, кажется, даже кожа на теле натянулась. Сердце громко билось. Я пожалел, что не могу его остановить.

Вешалки шевельнулись, скользнув по штанге над головой. Человек-сверчок пробирался вперед, убирая препятствия на пути.

По ту сторону двери раздался голос папы:

— А почему здесь лежит книга?

— Какая книга? — спохватилась мама.

— Вот эта.

Мое сердце остановилось само. Я потратил драгоценное время, размышляя, что делать со светом, но забыл о гораздо более важном. Об «Удивительном волшебнике из страны Оз». Не вспомнил и тогда, когда вернулся за банкой со светлячками.

Мне на лицо упал рукав блузки. Человек-сверчок был в нескольких дюймах от меня. Я уже чувствовал тепло и закусил губу. Капелька упала и впиталась в ткань трусов. Я сжал колени, стараясь предотвратить то, что могло произойти.

— Ты отпирала дверь? — спросил отец. — Когда вернулась из кухни. Отпирала?

— Она была открыта. Ты ведь ее открыл. Я даже не… — Мама не закончила фразу, лишь испуган-

но вскрикнула.

Что-то ударилось о дверцу шкафа.

И упало на пол.

Отец швырнул книгу.

Мне удалось не шевельнуться, и то благодаря страху, сковавшему все тело. Мокрое пятнышко в трусах становилось больше. Человек-сверчок вздрогнул, когда услышал удар, и странно задвигался, отчего одежда в шкафу стала раскачиваться. Тени, вызванные появлением света в темноте шкафа, то растягивались, то сжимались. Отброшенная книга словно стала сигналом к началу большой суеты и шума.

Пол в комнате задрожал под ногами папы. Он что-то кричал, но я не понимал ни слова. Дверь спальни отворилась. Значит, он пошел в мою комнату. И там он обнаружит, что меня нет в постели.

Человек-сверчок затих, и вешалки над моей головой перестали двигаться. Я мысленно умолял его скорее открыть дверь шкафа и выйти, пока он меня не обнаружил. «Давай же, быстрее, быстрее, быстрее…» Тогда я мог бы выбраться из укрытия и пробежать до конца тоннеля, пока не вернулся отец, уже разгадав план побега. «Давай, давай, вперед…»

Человек-сверчок открыл дверцы шкафа и вошел в спальню родителей.

— У нас происходит что-то странное, — сказала ему мама.

Она говорила без остановки, но я слышал лишь свое прерывистое дыхание. Оно окутало меня непроницаемой пеленой. Оцепенение прошло, мышцы стали меня слушаться. Ноги окрепли, будто в них влилась дополнительная сила. Я рванулся в ту сторону, откуда появился Человек-сверчок. Одежда скользнула по моему лицу. Я шаг за шагом погружался в темноту неизвестного мира.

Все здесь было для меня ново: непривычная текстура покрытия под ногами, необъяснимое шевеление чего-то у лодыжек, поднимавшееся вверх и охватывающее все тело. Это был поток воздуха, очень влажного, несущего новые запахи. Он был похож на тот, который гладил меня по лицу у открытого окна, только теперь он был повсюду. От него перехватывало дыхание. Я бежал вперед, звуки из комнаты родителей становились все глуше.

Вскоре ноги ступили на мягкую поверхность. Я дернулся от страха. Прыгнул вперед и уткнулся в неизвестное препятствие, что-то царапнуло меня

по щеке. Я завалился назад и упал. Мне не было больно, я приземлился на что-то мягкое. Вскочил на ноги, испугавшись новых ощущений.

Нащупал банку, вдруг она разбилась, упав вместе со мной. К счастью, она оказалась цела. Как глупо, что я не вспомнил о светлячках раньше.

— Включайтесь, — скомандовал я. — Осветите мне дорогу.

Я несколько раз постучал по банке и повторил просьбу. Когда они повиновались, свет мне уже не был нужен. За спиной распахнулись дверцы шкафа. Новый запах долетал справа, и я бросился в ту сторону. Через несколько мгновений передо мной опять появилась странная стена. Мне удалось вовремя остановиться. Ведомый запахами, я сделал еще один поворот. Свет масляной лампы сзади становился ярче и захватывал больше пространства. Человек-сверчок шел за мной. Тень под моими ногами удалялась все быстрее, она тоже хотела скорее выбраться из подвала. Как и отражение в окне, она казалась мне принадлежащей другому миру, по ту сторону стекла. Я вскрикнул. Слезы катились из глаз и улетали за голову.

Перед следующим препятствием я не успел затормозить. Это был огромный мешок из грубой

ткани. Мешок Человека-сверчка.

Я не упал, потому что уперся еще и в стену тоннеля. Она была мягкой. Я замер, ожидая услышать плач детей в мешке, но услышал треск и лязганье металла. Потом разбилось стекло, и Человек-сверчок застонал. Свет лампы, которую он нес, потух, и я остался стоять в полной темноте.

Я прижал к животу банку и стал постукивать, используя азбуку Морзе, посылая закодированный призыв. «Но ведь их свет выдаст меня». Я остановился. Темнота мне сейчас помогала. Я вытянул руку, чтобы сориентироваться в пространстве, как это делала бабуля. Все, к чему я прикасался, было одинаково влажным. На стене не нашлось того, что мне было нужно. Сестра пообещала, что я сразу это увижу. Тогда мы были в ванной. Она взяла шланг душа, изогнула его и велела мне потрогать. Потом объяснила, что в конце тоннеля на стене я найду несколько перекладин такой формы. Они крепились одна над другой. Это ступени, и мне нужно забраться по ним наверх, как по лестнице на второй ярус кровати.

Я стоял и ощупывал руками мягкие стены, не находя ничего похожего на то, о чем говорила сестра. Может, она меня обманула? Заманила в

ловушку, чтобы я ушел из подвала, а она могла сделать с ребенком все, что задумала? Ей ведь удастся отравить малыша, если никто не вылезет из-под кровати и не остановит ее. Я водил руками, уже почти уверенный, что опять обманут.

Мне казалось, что моя семья тоже участвовала в осуществлении плана сестры. Каждый сыграл свою роль, желая заманить меня в это странное помещение. В темноту. Они все хотели избавиться от меня. Жизнь их станет легче, когда рядом не будет мальчика, постоянно задающего вопросы о происхождении пятна света на полу в общей комнате и скрывающего свои тайны в ящике. Они хотели выгнать меня из подвала за страх перед Человеком-сверчком, которого совсем не боялись. Сейчас, наверное, все собрались в спальне родителей и радуются такому успешному завершению. Потом они закроют дверцы шкафа и оставят меня здесь. Навсегда. Я превращусь в собственное отражение в оконном стекле. Папа ведь говорил, что я призрак.

В полной темноте, не способный разглядеть ни одной части своего тела, я ощутил, будто действительно исчезаю. Растворяюсь в пространстве, становлюсь ничем. От меня останутся лишь неприятные воспоминания, которые семья скоро

вычеркнет из памяти.

И тут я нащупал ее. Высоко над головой. Железную перекладину, похожую на шланг душа. Только толще. И холоднее. Я пробежал пальцами и понял, что она точно такой формы, как показывала сестра.

Я улыбнулся в темноте.

Попытался ухватиться за нее, но это было невозможно, не выпустив банку со светлячками. Я растянул резинку трусов, чтобы она прижала и удерживала ее у моего тела, но расстояние оказалось слишком маленьким. Уйти из подвала без светлячков я никак не мог. Они должны осветить новый мир и показать мне его.

За спиной я услышал шаги. Скрип вывернутых колен. Пришлось поставить банку на землю.

— Я вернусь за вами, — прошептал я. — И за малышом.

Я выпрямился, но уже не смог найти железные ступеньки. Я ощупывал стену, вытянув вверх руки. Сырость ударила в нос. И еще я услышал приближающееся дыхание Человека-сверчка.

Я попытался ухватиться за стену, но она оказалась рыхлой. Плеча коснулось что-то твердое. Я понял, что это ступенька, и вцепился в нее.

— Не уходи, — произнес незнакомый голос.

Низкий, трескучий. Так и должен говорить получеловек, получудовище. Страх парализовал меня, сделал легкой добычей. Ему я не мог противостоять. Я помотал головой, чтобы убрать кусочки стены с лица. Открыв глаза, я увидел на расстоянии кусочек другого цвета. Высоко над головой.

Он был темно-фиолетовым и не похожим ни на что из подвала.

Повиснув на перекладине, я задергал ногами, пытаясь найти опору на стене. Если Человек-сверчок захочет посадить меня в свой мешок или съесть прямо тут, я буду сопротивляться, не сдамся так просто, не увидев мир снаружи. Ведь он уже так близко. Я хочу узнать, что это темно-фиолетовое там наверху. Я никогда не делал такое упражнение, и все же мне удалось подтянуться. Правда, скоро заболели руки и спина, поэтому я упал вниз.

Я сел и всхлипнул от досады.

— Ты не ушибся? — спросил тот же голос.

Я снова подпрыгнул, чтобы дотянуться до ступеньки, но лишь ударился о стену.

— Пойдем со мной, — произнес Человек-сверчок.

Словно обезумев, я принялся скрести стену.

Меня остановил голос бабушки:

— Пойдем с нами.

— Пойдем в нашу комнату. — Это была мама.

— Мы должны многое тебе объяснить, — добавил отец.

Вглядевшись в темноту, я стал различать фигуры. Передо мной была моя семья. Кто-то из них сделал шаг ко мне. Колено хрустнуло, выдавая, что это был Человек-сверчок.

— Не ешь меня, пожалуйста! — закричал я.

Мамин нос свистнул.

— Это не Человек-сверчок, — сказал папа.

— Не бойся, — добавила бабушка.

Ко мне потянулось что-то, совсем не похожее на ногу с вывернутым коленом.

— Ты Тот, Кто Выше Всех?

Человек рассмеялся.

— Лучше зови меня дедушкой, — сказал он.

35

Мама посадила меня в спальне к себе на колени и обняла. Потом накрыла сверху руками, как козырьком, чтобы от яркого света не болели глаза.

— Почему ты решил сбежать? — спросила она. — Почему просто не сказал нам, что хочешь уйти?

Я вырвался и сел на кровать рядом, поставив на колени банку со светлячками.

— Потому что вы бы меня не выпустили. Вы все время меня обманываете, никогда не говорите правду.

Мама посмотрела на отца, ожидая, что тот придет на помощь. Он положил руку маме на плечо и взглядом подозвал бабушку и дедушку. Все вчетвером стояли и смотрели на меня, как я на своих светлячков в банке.

— Сын, — начал папа, — мы тоже хотели, чтобы ты ушел из подвала.

Я заморгал, не веря ушам. Даже рот открыл от удивления.

— Твоему дедушке нужна помощь, — сказала бабушка и поцеловала мужа в щеку.

Я исподволь посмотрел на Того, Кто Выше Всех, на Человека-сверчка, в лицо деда, которое видел впервые. Такое морщинистое, что я решил, оно тоже обожжено. Но оказалось, нет.

Под подбородком висел мешочек дряблой кожи. Глаза за стеклами очков были наполовину прикрыты веками.

— Мне тяжело жить одному, — произнес он. Брови у него были такими же белыми, как у бабушки. Лицо выглядело очень спокойным, таким

же как лица с рубцами остальных моих родных. Создавалось впечатление, что они давно ждали этого разговора и готовились к нему.

— Но мне ведь почти удалось, — сказал я. — Почему ты меня остановил?

— Мы хотели, чтобы ты ушел из подвала, а не сбежал, — ответил отец. — Ждали, когда ты сам примешь решение. Но даже ночь в ванне не заставила тебя желать этого больше всего на свете. — Улыбка изменила форму складки, покрытой волосами. — Сын, мы во многом перед тобой виноваты. Я хотел, чтобы ты перестал любить этот подвал. Тогда тебе было бы проще уйти.

— Уйти? — Я обхватил руками банку и принялся обдумывать слова папы. — Вы меня отпустите?

— Я ведь совсем недавно спрашивала тебя, хочешь ли ты уйти, — вступила в разговор мама. — Помнишь, ты лежал в постели, мы говорили о большой бледно-зеленой бабочке? Я спросила серьезно, но ты ответил, что не хочешь уходить.

— Я и не хотел.

— Почему же теперь решил убежать?

— Потому что узнал много нового.

Отец вытаращил на меня глаза:

— Что это значит?

Я болтал ногами в воздухе и думал, стоит ли

говорить обо всех тех ужасных вещах, которые мне открылись. Что из-за папы в животе у сестры появился ребенок, а мама и бабушка позволили ему родиться и считают это самым тяжким из грехов. Я прикусил нижнюю губу. Но ведь то, что сейчас говорят мне родные, может быть очередной ложью или ловушкой, чтобы оставить меня навсегда в подвале. Также они обманывали меня с цыпленком. С маской. С пузырями наверху.

— Я хочу уйти, — упрямо сказал я. — Отпустите меня.

— Ты обязательно уйдешь, — сказала мама. — Только не таким способом.

— Отпустите меня! — закричал я, чем вызвал удивление на лицах всех членов семьи.

И еще я разбудил малыша за стеной.

— Расскажи, почему ты так хочешь уйти.

— Потому что вы меня все время обманываете. — Я поднял голову и посмотрел прямо в глаза отцу. — Это не лучшее место на свете.

Папа вздохнул, убрал с себя руки мамы и бабушки и присел передо мной. Мою банку он переместил на кровать. А мне казалось, он ее не замечает.

— Ты должен понять, что мы делали это ради тебя.

Я нахмурился, не понимая, что это значит.

— Ты поверил, что это лучшее место на свете. — Он взял мою руку и ущипнул. — Помнишь?

Отец провел пальцем по тому же месту, что и в день, когда я впервые спросил, почему мы не можем выйти из подвала.

Тогда он объяснил, что в том мире много таких волдырей, какой был у меня после ожога. Той ночью я впервые очутился у входа в кухню.

— Конечно, я помню, — кивнул я.

Нос мамы свистнул.

Папа поцеловал место ожога, как и в тот вечер.

— Поэтому ты считаешь это место лучшим на земле. Нам удалось тебя убедить, чтобы ты был счастлив.

Я поднял руку, погладил рубцы на лице папы. И складку кожи, покрытую волосами. Улыбнулся ощущению, которое так нравилось мне, когда я был маленьким. Потом вспомнил все хорошее, что было в подвале, что сделало его лучшим местом на свете. Тепло от согревающего ладонь луча. Мамина рука, убиравшая края простыни под мой бок. Ее шершавая кожа, которую я чувствовал, когда она целовала меня в лоб. Запах бабушкиной ароматной пудры. Вкус морковного супа.

Я убрал ладонь от папиного лица. Приятные мысли улетучились.

— Вы никогда не говорили мне правду.

Папа опустил голову и прошептал:

— Прости, сын.

— Мы хотели, как лучше, — сказала мама. — Маленькие мальчики должны жить в семье.

Я обдумал ее слова.

— Но почему мы живем здесь?

Все промолчали. Я видел, как бабушка прижалась лбом к груди деда. Отец посмотрел на меня. Под складками обожженной кожи на его лице появились тени.

— Потому что мы не можем уйти из подвала, — ответил он.

— Но ты можешь, — вмешался дедушка. — И настало время тебе выйти отсюда.

— А почему вы не можете уйти?

Папа отвел взгляд. Он смотрел куда-то вдаль, сквозь меня. Наверное, в прошлое, оставшееся позади много-много лет назад.

— На все твои вопросы есть ответы, — произнес он после долгой паузы. — Еще будет время обо всем поговорить.

Я вытянул руку из-под его ладони, взял банку и поставил на колени, чтобы заполнить чем-то

пространство между мной и папой.

— Я хочу знать правду, — сказал я и развернулся, свесил ноги с другой стороны кровати.

— Сынок…

— Вы никогда не отвечаете на мои вопросы!

— Будет лучше, если какие-то вещи ты узнаешь чуть…

— Только сестре я могу доверять!

Я почувствовал, как все напряглись, когда я вспомнил о ней. Даже воздух стал плотнее. Бабушка тяжело выдохнула. Выражение лица отца менялось, пока не превратилось в свирепую маску.

— Ну, конечно, — сказал он, выбрасывая руки к потолку. — Сестра! Это ее проделки. Что она тебе наговорила? — Я не успел решить, что ответить, как отец прошептал: — Вот пусть она тебе все и объяснит.

Отец, видимо, собирался искать ее в моей спальне, но, открыв дверь, увидел дочь, испуганно отпрянувшую от двери. Наверное, она подслушивала, прижимаясь ухом к холодной железной поверхности. Сестра оглядела всех по очереди, будто оценивая ситуацию, а потом метнулась к шкафу. Папа оказался быстрее. Он встал, преграждая ей путь.

— Даже не пытайся, — сказал он. — И надень маску. Здесь мальчик.

— Я вижу, что он здесь. Я не слепая. Это твоя мать слепая.

— Надень маску.

— Больше в ней нет необходимости. — Она удовлетворенно оглядела обеспокоенные лица. — Так ведь, маленький братик?

Все в комнате обменялись испуганными взглядами. Мама подошла ко мне и встала рядом. Она хотела закрыть мне глаза ладонью, в бессмысленной попытке сохранить мои ложные представления, но я тряхнул головой. Сестра воспользовалась замешательством и бросилась к шкафу. Отец схватил ее за руки, выкрутил их за спину.

— Не смотрите с таким испугом! — выкрикнула сестра. — Ваш сын уже видел мое лицо. Он знает, что вы заставили меня носить маску, чтобы скрыть, что огонь не обезобразил меня.

— А он знает, почему этого не произошло? — спросил отец.

Сестра не ответила, но посмотрела на меня:

— Что они тебе сказали? — Она подняла подбородок, изогнулась, чтобы ослабить давление рук отца на спину. — Что делали это все для твоего

блага?

Я не знал, что ответить.

— Мы хотели, как лучше, — пробормотала мама.

— Лучше? — Улыбка на лице сестры превратилась в болезненную гримасу. — Так смотрите, чего вы добились.

Сестра смотрела на меня широко распахнутыми глазами. Затем огляделась, будто указывала на весь подвал.

— Мы жили все вместе. — Отец склонился к самому ее уху. — У тебя есть два брата и семья, которую ты хотела разрушить.

— А теперь, когда дед умирает, вы решили отпустить мальчика?

— Он не умирает! — выкрикнула бабушка.

Отец сжал руками шею сестры, заставляя ее замолчать. Но услышанного мне было достаточно, чтобы все понять.

— Ты знала? — выдохнул я. — Ты знала, что они хотят дать мне уйти?

Сестра несколько раз моргнула между прядями, скрывавшими почти все ее лицо. Ресницы были как мухи, попавшие в паутину. Сестра дернулась, но не ответила.

— Конечно, знала, — произнес за нее отец. —

Мы приняли решение, когда родился ребенок. Еще до того, как дедушка спустился и сообщил нам, что с ним случилось.

В ту ночь, когда я увидел в подвале Человека-сверчка. И описался от страха в общей комнате.

— Его здоровье лишь подтолкнуло нас действовать быстрее, — продолжал объяснять отец. — Но, похоже, твоя сестра задумала всех опередить.

— Ты знала, — повторил я, не сводя глаз с сестры. На этот раз я не спрашивал, я был уверен.

— Она хотела использовать тебя, чтобы рассказать людям о подвале, — заключил отец.

Я зажал рот ладонями.

— Никто не должен знать, что мы здесь, — взволнованно произнесла бабушка.

— Но она сказала, что вы сможете здесь остаться…

Я замолк, когда понял, что повторил вслух слова сестры. Это тоже был обман. Как и то, что она рассказывала мне о Человеке-сверчке. Она не успокоила меня, не открыла правду, хотя видела, как я его боялся. Я посмотрел на сестру. Глаза наполнились слезами от осознания, что меня опять предали.

Сестра попыталась вырваться из рук отца.

— Они поступили с тобой намного хуже! — за-

кричала она.

Я заметил, что сестра пытается освободить сначала правую руку. Неожиданно она успокоилась. Выплюнула волосы, попавшие в рот. На лице появилась злобная полуулыбка.

— Ты ведь знаешь, на что способен твой отец.

— А на что я способен? — переспросил тот. — О чем ты?

Я знал, о чем она говорит. О ночи, которую я провел в ванне. О царапинах на спине папы, которые заметил, когда подглядывал из-за шторки.

Сестра взмахнула ногой, чтобы заставить отца потерять равновесие, и стала брыкаться, как на столе в кухне, когда рожала сына. Каблуком она наступила отцу на ногу, вывернулась и укусила его за руку. Отец изо всех сил старался удержать насекомое, на которое теперь была похожа сестра. Они вместе повалились на пол у шкафа. Сестра вытянула шею и посмотрела на меня.

— Ты знаешь, на что способен твой отец.

Я вспомнил слезу, упавшую в ту ночь на прорезь в маске, встал и подошел к шкафу.

— Беги! — во всю силу легких закричала сестра. — Они никогда не позволят тебе уйти! Они должны защитить отца! Беги из этого подвала и расскажи всем, что здесь происходит!

Папа всем телом навалился на сестру и сжал ее челюсть крепкими пальцами. Я видел, как вздулись вены у него на лбу.

Сестра попыталась высвободить правую руку, но отец придавил ее коленом.

— Что ты ему сказала? — процедил он сквозь зубы. Их носы почти соприкасались.

Я сделал шаг к шкафу, но мама меня остановила, положив руку на плечо.

— Беги! — закричала сестра. — Они никогда тебя не отпустят!

— Мы отпустим тебя, сынок, — сказала мама.

— Тогда докажи, — неожиданно тихо произнесла сестра. — Пусть идет сейчас.

Я повернулся к маме, ожидая разрешения, но она лишь сильнее сжала пальцы.

— Прости. Но мы не хотим, чтобы ты уходил вот так.

Мама наклонилась и обняла меня. Значит, мне придется остаться в подвале на всю жизнь.

Я попытался вывернуться, готовый бороться за свободу. Мама дала мне пощечину, чтобы привести в чувство, ногти-пилы оставили на щеке царапину. И тогда я понял, что сестра и в этом меня обманула.

Я перестал вырываться и во все глаза смотрел

на маму. Потом перевел взгляд на сестру, чье лицо было скрыто волосами. Отец прижимал ее голову к полу.

— Ты солгала мне о папе, — пробормотал я.

Прядь волос упала, открывая горящий яростью глаз с капельками пота под ним.

— Беги… — просипела она. — Или никогда отсюда…

— Ты сказала неправду, — повторил я. — В ту ночь, когда я спал в ванной. Ты сказала, что пришла умыться из-за папы. Что спину ему поцарапала ты. Но сначала ты слишком долго думала. Потом показала как, но только одним пальцем. — Я повторил жест, которым сестра провела по моей спине в ту ночь, когда рассказала, что ребенок в ее животе появился из-за папы.

— Ты действительно очень умный мальчик, — прошептала сестра и попыталась вздохнуть.

— У мамы ногти намного острее, — продолжал я. — Потому что она их грызет. Они похожи на маленькие пилы. — Я повернулся к ней щекой, демонстрируя оставленный след. — Папа ничего не делал тебе той ночью. Кровь у тебя шла не из-за него, а из-за яда. Я прочитал на коробке. В ту ночь ты приходила в ванную, чтобы смыть яд. Ты клала его на грудь, поэтому малыш на следу-

ющий день не просыпался.

— Что он такое говорит? — Отец повернул к себе мокрое лицо моей сестры. Вены на шее вздулись еще больше, чем на лбу.

Она лишь издала звериный стон, вырвавшийся, кажется, из самого живота.

Мама присела передо мной на корточки.

— Что она тебе сказала? — спросила она и вытерла мне слезы краем растянутой футболки.

— Что ребенок у нее в животе появился из-за папы.

Бабушка вскрикнула.

— Как ты посмела! — заорал отец.

Голова сестры приподнялась над разбросанными по полу волосами. Губы изогнулись в улыбке.

— А ты думал, не посмею?

Отец сжал пальцами ее шею, чтобы не дать ей произнести следующую фразу.

Его остановил дедушка.

— Сынок, твой отец ничего подобного не делал, — сказала мне мама.

— Но вы с бабушкой говорили о том, что ребенок — большой грех. — Я шмыгнул носом. — Самый тяжкий из всех, совершенных в подвале.

— Так и есть. Мы каждый день молимся о прощении за то, что позволили этому случиться. Но

твой отец здесь ни при чем.

Я перевел дыхание.

— А кто при чем? — осмелился спросить я.

В соседней комнате началось землетрясение. Пол задрожал, раздались удары в дверь: мой брат просил разрешения войти. Мама, кажется, обрадовалась его неожиданному появлению.

— Тот, кто сейчас сюда войдет, — тихо произнесла она и закрыла полные слез глаза.

— Но ведь это нехорошо, когда представители одной семейной группы у млекопитающих спариваются и заводят потомство, — напомнил я.

— Нехорошо, — отозвалась мама. — Но иногда случается. — То же самое она сказала мне в тот день, когда пришла пожелать спокойной ночи.

— Они уверены, что я этого заслуживаю, — хрипло произнесла сестра. — Брат имел на это право после того, что я сделала с ним, когда он был маленьким.

Отец опять сжал ее шею.

— Не слушай ее, — сказала мне мама.

Сестра посмотрела на меня как-то странно, но я не понял ее взгляд. Потом она закрыла глаза.

Рука под коленом отца расслабилась, кулак раскрылся. Она вытянула ноги, которыми пыталась ударить отца и освободиться. Все тело обмякло,

как у насекомого под воздействием цианида. Голова завалилась на сторону.

Отец вытаращил глаза и открыл рот.

Все молчали.

— Неужели ты… — тихо спросил дедушка.

Правая рука сестры внезапно изогнулась, как гадюка. Ту же руку она пыталась высвободить и раньше. Теперь я понял почему. За поясом коричневой юбки с порванным подолом я увидел рукоятку ножа, которым папа стучал по столу, когда играл в ковбоя.

— Нож! — взвизгнул я.

Сестра выхватила его и занесла над спиной отца.

— Я все равно выберусь из этого чертова подвала! — закричала она изменившимся голосом.

Мама выхватила банку со светлячками, оттолкнула меня и бросилась вперед. Она сжала руку с ножом и замахнулась, высоко подняв мою банку.

— Нет, не надо! — закричал я, но она уже опускалась вниз с огромной скоростью.

Стекло разбилось о лицо сестры. Нос сместился вправо и расплющился, будто его и не было на лице — так всегда говорили мне родители. Лицо накрыла новая маска из пропитанных кровью волос. Обретя свободу, мои светлячки разлете-

лись по комнате.

36

Прошло много времени, прежде чем мама и папа вернулись.

Они положили мою сестру на простыню и унесли. Брат, колотивший в дверь, желая войти, проскользнул в комнату, когда они выходили. Дедушка принес ребенка. А я ждал возвращения родителей и пытался составить из осколков банку.

— Все в порядке? — спросил дедушка.

Мама покачала головой и присела рядом со мной, увидев стекло в моих руках.

— Будь осторожен, — сказала она и попыталась вытащить стекло из моих пальцев.

— Что это? — спросила мама. — Зачем ты хранил в ней горошины?

Она ощупала пол.

— И зуб. Ты взял его из моей коробки? — Она протянула мне цветной карандаш. — Это твой. — Она опять пошарила по полу. — Но зачем тебе гвоздик из папиного ящика с инструментами?

Я покосился на отца, чтобы мама поняла, почему я не могу сейчас все рассказать.

— Сынок, твой отец совсем не такой, каким

был последние несколько месяцев, — объяснила мама. — Помнишь, как ты скакал верхом на его коленях? Как он подарил тебе книгу о насекомых? Это и есть твой настоящий отец. Думаешь, он будет ругать тебя за банку со всякой ерундой?

Я вспомнил, как он взял ее с моих коленей и переставил на кровать, даже не взглянув.

— Но там жили светлячки, — прошептал я. — Вот эти. — Я покрутил головой, оглядывая комнату. Только сейчас они не светились, потому что в комнате горели лампы. Но я видел, что они кружили около бабушки.

— Светлячки? В этой банке? — удивилась мама.

Я кивнул.

— Смотри. — Я показал на одного над нашими головами. — Они везде летают. — Я проводил его глазами. Мама проследила за моим взглядом.

— Видишь?

— Нет, ничего не вижу.

— И еще один, там!

— О чем он? — спросил отец.

Он подошел к нам, оттолкнул осколок стекла мыском и опустился на колени.

— Сын, здесь никто не летает. — Он положил руку на мое плечо.

— Вон там! — воскликнул я. — Их много. Они прилетели давным-давно и принесли мне свет солнышка снаружи.

Папа собрал с пола несколько кусочков гравия и протянул мне на ладони.

— Ты об этих светлячках? — Он стряхнул камушки. — Может, ты слишком долго разглядывал картинки в книге?

Папа взял камушек кончиками пальцев и помахал в воздухе. Получилось, будто камушек летал.

— Это просто гравий, — объяснил он и отбросил его.

Я смотрел, как по полу катится маленький твердый кусочек. И вспоминал, как однажды светлячок сел на такой же камушек, лежащий на подоконнике. Я стал перебирать остальные предметы, хранившиеся в моей банке. Вот гвоздик, на который я наступил в коридоре, когда малыш очень долго плакал. В тот день прилетел второй светлячок. Две горошины, скатившиеся с тарелки за ужином, прямо перед тем, как я обнаружил еще двух жучков. Одного из них я случайно раздавил, крепко сжав в руке. На глазах появились слезы. Я поднял зуб, один из двух, выкатившихся как-то утром из коробки мамы со швейными принадлежностями. В тот день появилась еще пара

светлячков. Я оглядел каждый из разбросанных по полу драгоценных предметов. Я не стал их пересчитывать, боясь, что окажется столько же, сколько светлячков в моей банке.

— Не надо плакать, — успокоила меня мама.

Я поднял глаза к потолку и следил за перемигивающимися жуками, пока они не исчезли, не растворились в воздухе, как цыпленок, спрятанный в моей ладони.

Потому что их тоже никогда не было.

Я глубоко вздохнул, заполняя пустоту в груди.

— Кажется, я знаю, что произошло, — раздался рядом голос бабушки. — Иди сюда.

Она вытянула руку и потрогала мою щеку, когда я встал рядом.

— Светлячки в банке такие же, как твой цыпленок, — объяснила бабуля.

— Это как?

— Я передала тебе очень большую силу в тот вечер, когда ты принес мне яйцо. Я научила тебя видеть предметы такими, какими не могу видеть я. — Она положила морщинистую руку мне на лоб. — Теперь ты обладаешь удивительным воображением. Значит, использовал данную мной силу верно.

Я восторженно ахнул.

— На свете нет ничего более удивительного, чем божье создание, способное дарить свет.

Я побежал к выключателю и нажал.

В комнате стало темно. Светлячки вспыхнули зеленым, радуясь темноте, и запорхали по комнате, оставляя за собой зеленые полосы. Я раскинул руки и заходил, задрав голову, довольный тем, что светлячки побудут со мной в эти последние дни в подвале.

— Какие они? — спросила бабушка. — Расскажи.

— Зеленые.

Я взял малыша из рук дедушки.

— Это жуки-светляки, — прошептал я, склонившись к маленькому личику. — Смотри, как волшебно они светятся. Однажды они спали рядом с тобой.

Мой племянник вытянул ручку и стал сжимать и разжимать крошечные пальчики, будто хотел поймать одного.

Бабушка вышла из комнаты, но через несколько секунд вернулась.

— Возьми. — Она протянула мне банку и взяла малыша. — Пусть они живут здесь.

— Летите сюда, — сказал я светлячкам. Они собрались в небольшое мерцающее облако и по

одному опустились в банку.

— Все собрались? — спросила бабуля.

Я кивнул и закрыл крышку.

Наступила тишина.

— Вот так, — вздохнул папа. — А теперь можно включить свет? Или ваше волшебство еще не закончено?

Бабушка рассмеялась.

— Можешь включить, — сказала она.

Я не сразу решился открыть глаза, лишь через несколько секунд. Когда я опустился на кровать, вся семья стояла передо мной.

Бабушка держала отца за руку, а ее обнимал дедушка. Мама стояла рядом с братом.

— Значит, ты хочешь уйти? — спросил отец.

Я посмотрел на шкаф. Вспомнил темно-фиолетовый клочок чего-то неизвестного над тоннелем.

— Мне интересно узнать, как там, наверху.

Мама низко склонила голову. Брат небрежно провел рукой по ее лицу и поцеловал в щеку, оставив слюнявую полосу.

Я поставил банку на кровать и обнял маму.

— Я ведь смогу к вам приходить? — спросил я, прижавшись лицом к ее животу.

— Тебе придется, даже если не захочешь, — от-

ветил мне дедушка. — Твоей семье ведь нужна еда.

Мама взъерошила мне волосы. Я прикоснулся к рубцу между суставами.

Пятнышку грубой кожи у основания большого пальца. Шраму на запястье.

Потом подошел к папе.

Он вытянул руку, как делали ковбои в его любимых фильмах.

Я пожал ее, и складка на лице, покрытая волосами, изогнулась.

Я встал напротив бабушки, державшей малыша, и вдохнул аромат ее пудры.

— А если я потом захочу вернуться? — спросил я.

Она улыбнулась, но покачала головой:

— Мир тебя уже заждался. Ты должен быть там, наверху.

Я посмотрел в лицо племянника. Он пускал пузыри, надувая губки, и что-то ворковал. Ноздри зашевелились, наверное вдыхая запах бабушкиной пудры. Я просунул руку под его спинку.

— Что ты делаешь? — спросила мама и потянулась к ребенку. Я попытался взять его на руки, но она передала его бабушке.

Папа сжал мамино запястье.

— Пусть они идут.

— Еще не время. Он мой внук. Позволь ему остаться с нами. Хотя бы до следующей передачи, всего несколько недель.

— Несколько недель? — Отец кивком указал на меня. — Или десять лет?

Мама застонала. Пальцы стали разжиматься, выпуская тело ребенка, напоминая мне лапки бабочки.

Она склонилась к малышу.

— Я каждую минуту буду думать о тебе. — Она несколько раз подряд поцеловала его в лобик.

— Прощай, Страшила, — прошептал я.

Брат загоготал. Я присел и заправил штанину его пижамы в носок.

Бабушка передала мне ребенка, и я положил его головку на согнутый локоть, как учила мама.

— Мы скоро увидим солнце, — сказал я ему. Малыш улыбнулся. — Возьми банку, — попросил я дедушку. — Я должен подняться наверх со светлячками.

Он кивнул.

— Тогда держи ее, а я возьму ребенка.

— Мне понравится там жить? — спросил я.

— Уверен, что понравится, — ответил дед и встал. Колени его скрипнули, и я узнал звук Че-

ловека-сверчка, которого так боялся. По спине пробежала дрожь, но я успокоился, когда дедушка положил руку мне на плечо.

— Я смогу жить здесь, если мне там не понравится?

Мамин нос присвистнул.

— Конечно, сможешь, — поспешила ответить она.

— Но ты не захочешь, — уверенно сказал папа. — Для этого мир наверху слишком красив.

Я протяжно выдохнул и повернулся к шкафу.

— Пошли?

Первое, чего коснулась моя рука, была трава на краю потайного люка. Я погладил ее ладонью, ощущая прикосновения каждой травинки. Большая часть меня еще была под землей, поддерживаемая одной из ступеней в стене.

Я запрокинул голову.

Ветер окутал меня с ног до головы, засвистел в ушах.

— Давай вперед, — поторопил меня дед.

Поглощенный новыми звуками, я его не слышал.

Я ухватился за траву, чтобы подняться, однако ноги не оторвались от железной перекладины.

— Открой глаза, — сказал дедушка.

Я зажмурился, не вполне осознавая, что делаю.

Руки оцепенели.

Колени дрожали.

Я глубоко вдохнул воздух. Даже голова закружилась.

— Открой, — повторил дед. — Ты должен все видеть.

Набравшись храбрости, я послушался, но увидел лишь бескрайнюю темноту. Еще один потолок над головой. И стены. Я попал еще в один подвал?

— Но здесь ничего нет, — разочарованно сказал я.

— Как это — нет? Посмотри на небо.

Я моргнул и посмотрел вверх. Ничего. Только светящиеся точки.

— Это светлячки?

— Это звезды. А шум — это море.

Я погладил ладонью траву и опять попытался выбраться, уцепившись за нее.

У меня снова не получилось.

Тогда я вспомнил о силе, которую передала мне бабушка. Я мог сделать мир наверху таким, каким мечтал его увидеть.

Мне бы хотелось, чтобы здесь меня встретил цыпленок. И я услышал писк.

Он стал той поддержкой, которая была мне необходима.

Я смог вылезти и сразу взял в руки банку со светлячками, которую поставил на траву.

— Светите, — сказал я. — Вы снаружи.

Они вспыхнули ярче, чем обычно, озаряя все вокруг светом, открывая мне мир над подвалом.

Этот мир был именно таким, каким я себе представлял.

Желтый цыпленок пробежал между моими ногами. Он пищал и махал крыльями. Вокруг нас с дедом и племянником летали светло-зеленые бабочки с хвостиками на крыльях.

Я открыл крышку банки.

Высоко поднял над головой.

Светлячки полетели вверх, к небу.

Я смотрел на них до тех пор, пока они не слились со светящимися звездами.

Пятнадцать лет спустя

37

Я люблю спускаться с башни маяка, когда солнце уже садится, но еще не опускается тьма. Это единственное время в течение всего дня, когда в мире нет теней. Рядом идет сын, цепляясь за мою штанину. Я знаю, однажды он отпустит ее, потому что захочет увидеть мир за пределами того, что показал ему отец. Поэтому я стараюсь запомнить каждое мгновение этой счастливой жизни, когда он еще боится отпустить меня и отклониться от моей орбиты.

Моя жена в кухне. Она нарезает морковь, когда последний луч солнца скрывается за горизонтом. Тот луч, траектория которого проходит по холодильнику, мимо магнита в форме бабочки-сатурнии, который мы купили в одной из поездок.

Я присаживаюсь рядом, когда мальчик показывает на то, что должно казаться ему хлопковым пузырем, зависшим в воздухе. Я выяснил, что вытянутый вперед пальчик и подергивание за штанину означает на его языке вопрос. Срываю

одуванчик осторожно, чтобы не разлетелись пушинки, благодаря которым его головка похожа на крошечное привидение, оставшееся на земле после смерти цветка. Одно дуновение, и пушистые зонтики разлетятся в стороны, десятки семян унесутся, чтобы прорасти в другом месте. Самый прекрасный звук на свете издает мой сын, когда восторженно чему-то удивляется.

Я провожаю взглядом две пушинки, которые хорошо заметны на фоне темнеющего неба. Они летят вместе, соединившись друг с другом невидимыми нитями. Вскоре они скрываются из вида, но я знаю, что они вместе, как бабушка и дедушка в последние годы.

Деду удалось продержаться дольше, чем предрекли ему врачи, сообщившие плохую новость. Он долго оставался рядом со мной, чтобы научить жить в этом новом мире, к которому я так и не смог привыкнуть. Иногда я спускаюсь вечером в подвал и сплю там.

С мамой и папой. Брат до сих пор марширует по воображаемому кукурузному полю. Моя сестра умерла. Причиной стало кровоизлияние в мозг из-за удара по голове. Она умерла на нашей кровати в ту же ночь, когда я ушел из подвала. Я знаю, что папа так и не подошел к ней, наблюдал,

стоя в дверях. Но бабушка держала ее за руку до самого конца. Перед смертью сестра посмотрела на маму, и та просила у нее прощения, пока глаза дочери не перестали видеть.

Теперь пальчик сына указывал на пустую банку, которую я поставил на траву, когда присел с ним рядом.

— Не сейчас, — говорю я и поворачиваюсь к башне, где загорается свет. Это обычная лампа, не тот прожектор, который прежде включал мой дедушка. Я вижу стоящего наверху племянника, всматривающегося в даль. До недавнего времени я строго-настрого запрещал ему подходить близко к лестнице на маяк. Я машу ему рукой, чтобы он меня заметил, и фигура мгновенно исчезает. Ему нравится думать, что он живет в этой башне, что есть еще в море корабли, которым нужен сигнал маяка. Мы унаследовали это имущество как дальние родственники деда, появившиеся неожиданно и оставшиеся с ним навсегда. На всякий случай я приписываю себе три года и становлюсь для всех старше, чем на самом деле.

На острове еще живут люди, которые отводят взгляд, встречаясь со мной на улице. Некоторые открыто удивляются тому, как я могу жить в доме, где произошли такие страшные события. Иногда

меня спрашивают, знаю ли я, что там случилось много лет назад? Что сделали жившие там люди? Да, кое-что слышал, но предпочитаю оставить все в прошлом — обычно говорю в ответ.

Я изо всех сил пытался простить родных, узнав, что они сделали с девочкой. Но теперь, глядя на своего сына, переступающего по траве, как ковбой, весело хохочущего при виде одуванчика, я задаюсь вопросом, не поступил бы я так же? Не защитил бы, если б смог? Не сделал бы все лучшее, чтобы спасти? И все самое плохое.

Некоторое время назад, вернувшись из теплицы, где боролся с нашествием насекомых, я встретил пожилую женщину, прогуливающуюся по берегу в том месте, где я пришвартовал катер. Она посмотрела на меня и сказала, что две родинки под моим глазом о ком-то ей напоминают. Женщина прищурилась, окунаясь в прошлое, но тут мой сын издал удивительный звук восторга, как умеет он один, и отвлек на себя ее внимание. Она склонилась к нему, чтобы ущипнуть за щечку, и замерла, останавливаемая внезапными воспоминаниями.

Каждый наш шаг заставляет некоторых сверчков замолчать, другие, в отдалении, продолжают стрекотать, возможно, чтобы поторопить луну.

Окна соседних домов с приближением ночи меняют синий цвет на желтый, когда в них загорается свет.

Я вглядываюсь в траву, пока не нахожу то, что ищу. Сорняки у люка растут особенно быстро. Когда я спускаюсь в подвал, невольно вырываю их пучками, корни свисают, как оголенные вены. Сегодня я туда не пойду, поэтому позволяю сыну поиграть среди цветов. Синие покачиваются, когда он толкает стебель. Я сажусь на бугорок, скрывающий тайный ход, и ставлю ноги на то же место, на которое ступил, впервые выбравшись наверх. Тогда я думал, что этот мир будет таким, как я себе представлял. В нем будет много светлячков, зеленых бабочек и еще цыпленок, который никогда не существовал на самом деле.

Я закидываю ногу на ногу и наблюдаю, как мой сын воюет с маком. Его пальцы все еще крепко сжимают мою штанину. Усаживаю его к себе на колени, спиной к моему животу и кладу подбородок ему на макушку. Его волосы пахнут лучше, чем воздух вокруг нас. Я даю ему банку, и он обхватывает ее руками, как обнимает плюшевого светлячка перед сном.

Перед нами появляется первый огонек.

Точка света, пробившегося сквозь темноту. Не

думаю, что сын ее видит, он исследует поверхность банки.

Появляется вторая светящаяся точка.

Потом еще две.

— Ты их видишь? — спрашиваю я.

Целый рой светлячков парит над травой, его покачивают порывы морского бриза. Эти светлячки настоящие, не те, из подвала. Луна отвечает на призыв сверчков и разливает серебристый свет по поверхности моря. Мерцающее облако захватывает все внимание мальчика. Он во все глаза следит за перемигиванием удивительных существ.

Потом мой сын встает.

Отпускает мою штанину.

Возможно, настал день, когда любопытство взяло верх над страхом перед неизвестностью? Я преграждаю ему путь к крышке люка, увидев в нем отражение себя. Представляю, как из-под земли появляется рука мамы. Я глажу рубцы между суставами, пятнышко обожженной кожи у основания большого пальца, шрам на запястье.

За спиной раздаются торопливые шаги. Появляется мой племянник. Я позволяю ему сесть рядом, на крышку люка — входа в подвал, который он совсем не помнит. Воображаемая рука мамы ста-

новится рукой племянника, которую он кладет на мою руку с улыбкой. Его пальцы точно такие же, как те, что сжимали прутья решетки на окне, когда мы смотрели сквозь стекло и я представлял, что нахожусь снаружи и вижу свое отражение.

— Вот мы и с той стороны, снаружи, — говорю я ему, повторяя слова, произнесенные тогда.

Он смотрит на меня с удивлением. Я обнимаю его за шею и целую в щеку, а потом поворачиваюсь к сыну.

Глаза застилает пелена, когда я вижу, как он уверенно идет к светлячкам, вытянув ручки, будто хочет прикоснуться к чуду, впервые произошедшему у него на глазах. Слезы текут по лицу, но я улыбаюсь, видя, как он шевелит пальчиками, стремясь поймать огоньки.

Я знаю, свет будет рядом с такими людьми, как он. А те, кто не желает заглянуть за пределы своего крохотного мира, навсегда останутся в темноте.